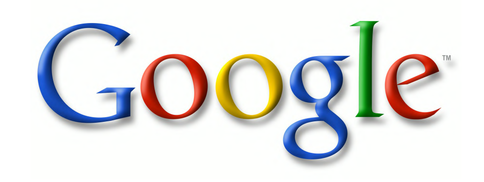
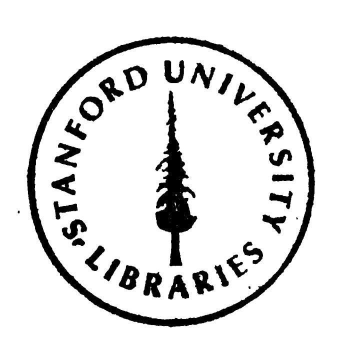

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

Н. А. ЛЕЙКИНЪ.

АКТЕРЫ-ЛЮБИТЕЛИ.

РАЗСКАЗЫ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія С. Н. Худекова. Владимірскій пр. № 12.
1892.

АКТЕРЫ-ЛЮБИТЕЛИ.

I.

ВЪ ГОСТИНОЙ сидѣли: маменька—купеческой складки дама, молоденькая дочка, очень свѣженькая. пухленькая. Передъ ними помѣщался въ креслѣ, прижимая къ колѣнкамъ шляпу, молодой человѣкъ съ бѣлокурой бородкой, надушенный, напомаженный, съ усиками въ струнку, въ ловко сшитой визиткѣ и сѣрыхъ брюкахъ.

— Ну, какая она актриса! Ну, помилуйте... говорила маменька, кивая на дочь.

— На это долженъ вамъ сказать, Дарья Терентьевна, что вѣдь не боги горшки обжигаютъ, отвѣчалъ съ улыбкой молодой человѣкъ и щипнулъ бородку.

— Да вѣдь я на маленькія роли, маменька, откликнулась дочка, бросая на мать просительный взглядъ.

— Полно, полно... Всетаки нужно умѣть, а ты что-же...

— Однако, я лѣтомъ играла въ «Азъ и Фертъ» Любочку...

— Ну, какая это игра! Да тамъ и роли-то не было. Вышла, что-то пробормотала—вотъ и все. И наконецъ, гдѣ вы играли лѣтомъ? Въ сараѣ какомъ-то... А тутъ театръ.

— Да-съ... Настоящій театръ. Большая сцена... Въ залѣ Павловой лучшая сцена считается, но отчего-же и на ней не попробовать? Къ тому-же у Любовь Андреевны есть охота, рвеніе... Нѣтъ, ужъ вы пожалуйста, дозвольте Любовь Андреевнѣ, упрашивалъ молодой человѣкъ.

— Охъ, боюсь! вздохнуха маменька.—Вѣдь это нужно ходить на репетиціи.

— Пять репетицій у насъ будетъ для каждаго спектакля.

— Какъ даже не одинъ спектакль?

— У насъ, Дарья Терентьевна, собирается такой кружокъ, который хочетъ дать въ теченіи зимы нѣсколько спектаклей. Вѣдь это такъ пріятно, вѣдь это лучшее развлеченіе.

— Нѣтъ, нѣтъ. Тогда я должна отца спросить.

— Андрей Иванычъ такой просвѣщенный человѣкъ, что я надѣюсь, что онъ не откажетъ.

— Просвѣщенный-то просвѣщенный, а вотъ что дѣвушка-то будетъ одна по репетиціямъ болтаться...

— То-есть, какъ одна? Тамъ будутъ ея подпруги:

Марья Ивановна Бекасова, Ольга Ильинишна Трубачева. И наконецъ вы сами можете ее сопровождать на репетицію.

— Куда мнѣ! Я сырая женщина. Ну, разъ съѣзжу съ ней, а вѣдь вы говорите, что пять репетицій.

— Дозвольте, маменька, упрашивала дочь. — На репетицію меня будетъ провожать горничная Даша.

— Ежели дѣло только въ проводахъ, то я берусь сопровождать Любовь Андреевну съ репетиціи до дому, отозвался молодой человѣкъ.

— Нѣтъ, нѣтъ. Это еще хуже... Какъ возможно молоденькой дѣвушкѣ съ мужчиной! И къ тому по вечерамъ... Репетиціи-то вечеромъ будутъ?

— Обязательно вечеромъ. Большинство актеровъ днемъ находятся на службѣ. Кто въ банкѣ служитъ кто въ транспортной конторѣ.

— Ну, вотъ видите... У насъ горничная есть. Ежели что, то я могу горничную за ней на репетицію присылать.

— Такъ стало быть, мы можемъ расчитывать на Любовь Андреевну? радостно воскликнулъ молодой человѣкъ.

— Охъ, ужъ и не знаю! опять вздохнула маменька. — Я поговорю съ отцомъ. Я одна не могу... А отца нѣтъ дома. Вы зайдите завтра...

— Изволите видѣть, я служу въ Плуталовскомъ банкѣ. Днемъ я на службѣ, вечеромъ репетиція.

— Послушайте, маменька... Да развѣ можно такъ обременять людей!.. воскликнула дочка. Виталій — Петровичъ былъ такъ добръ, что пріѣхалъ сегодня — и

вотъ сегодня надо рѣшить. И чего вы противъ спектаклей?..

— Да я отца боюсь.

— Вы будете согласны и папенька будетъ согласенъ. Я уговорю его.

— Разрѣшите хоть на одинъ спектакль, Дарья Терентьевна. Сегодня у насъ распредѣленіе ролей въ квартирѣ Кринкиныхъ, Любовь Андреевна пожалуетъ къ Кринкинымъ, мы прочтемъ пьесы...

— Кто это Кринкины? спросила маменька.

— О, это одно прелестное семейство! Мужъ отставной полковникъ, немножко чудакъ, спиритъ. Жена — актриса-любительница на роли молодыхъ дамъ. Вотъ у нихъ-то и будетъ распредѣленіе ролей. Сейчасъ я вамъ оставлю ихъ адресъ.

— Но какъ-же Любочкѣ въ незнакомый домъ-то идти?

— Позвольте... Вѣдь нужно-же гдѣ-нибудь собираться, чтобы распредѣлить роли. Кринкины прелюбезные люди—вотъ они и даютъ свою квартиру. Любовь Андреевна тамъ будетъ не одна. Она встрѣтитъ у Кринкиныхъ меня, своихъ подругъ.

— Да я и Кринкиныхъ-то немножко знаю, откликнулась дочь.

— Вотъ, вотъ... Они были у васъ въ лѣтнемъ спектаклѣ и видѣли, какъ вы играли, сказалъ молодой человѣкъ.—Ну, хорошо, прибавилъ онъ, —вы переговорите съ вашимъ папенькой о спектаклѣ и пожалуете къ Кринкинымъ дать намъ рѣшительный отвѣтъ: да или нѣтъ. Согласны?

— Да на одинъ-то спектакль папенька позволитъ. Это я знаю.

— Тѣмъ лучше. А у Кринкиныхъ мы вамъ сейчасъ роль...

— Смотрите только, Виталій... Виталій Петровичъ васъ?.. спросила мать.—Смотрите только, Виталій Петровичъ такой роли ей не давайте, чтоб съ молодыми людьми цѣловаться или обниматься.

— Но вѣдь сценическіе поцѣлуи—это...

— Нѣтъ, нѣтъ... Я напередъ говорю, чтобы этого не было. Буду у васъ на репетиціи, увижу, что цѣлуется Любочка съ мужчиной—и сейчасъ же домой ее увезу. Ужъ и такъ-то я сама не знаю, какъ рѣшаюсь.

Дѣвушка вскочила со стула.

— Мамочка! Вы согласны? Ахъ, какъ я рада! воскликнула она и бросилась цѣловать мать.

— Постой, постой... Я-то согласна, но ежели отецъ пришпилитъ хвостъ, то ужъ не взыщи. И вотъ еще что, Виталій Петровичъ... Чтобъ и въ любви на сценѣ не объясняться. Этого я не желаю.

— Позвольте, Дарья Терентьевна, да вѣдь такихъ и пьесъ нѣтъ, гдѣ-бы молодымъ дѣвушкамъ не объяснялись въ любви,—сказалъ молодой человѣкъ.

— Какъ нѣтъ! Поищите, такъ найдете.

— Да что вы ставите-то?—спросила дочь.

— А вотъ сегодня рѣшимъ. У насъ намѣчены водевили: «Бѣлая камелія», «Дамскій вагонъ», «Я обѣдаю у маменьки», «Домовой шалитъ»... Избѣжать объясненія въ любви очень трудно.

— Ну, на колѣни-то кавалеръ пусть передъ Любой становится, а чтобы за талію ее не хваталъ и не сидѣлъ обнявшись. Этого я не потерплю,—сказала мать.

— Одно могу сказать: будемъ стараться исполнить ваше желаніе, поклонился молодой человѣкъ и поднялся со стула.—Такъ мы будемъ ждать Любовь Андреевну, прибавилъ онъ.

— Хорошо, я пришлю ее съ горничной. Дайте адресъ этихъ самыхъ Кринкиныхъ.

Молодой человѣкъ вынулъ записную книжку, вырвалъ изъ нея листикъ и написалъ карандашомъ адресъ.

— Въ восемь часовъ вечера, сказалъ онъ и сталъ раскланиваться.

Провожая его въ прихожую, мать все еще вздыхала.

— Позволила, а сама боюсь... бормотала она.— Виталій Петровичъ, вы ужъ, пожалуйста, устройте такъ, чтобы роль для Любочки была самая скромная, приличная.

— Положитесь на меня, Дарья Терентьевна. Все устрою по вашему желанію, еще разъ поклонился молодой человѣкъ, пожалъ руки матери и дочери и, надѣвъ пальто, выскочилъ изъ прихожей на лѣстницу.

II.

ДАРЬЯ Терентьевна и Люба остались однѣ. Дарья Терентьевна покачивала головой и говорила:

— Баловство—эти любительскіе спектакли, баловство и больше ничего.

— Просто развлеченіе, отвѣчала Люба.—Не все-же дѣла дѣлать. Да и какія у меня дѣла?

— Откуда у тебя такой знакомый?

— Виталій-то Петровичъ? Господи! Да я съ нимъ все лѣто въ «Озеркахъ» на танцовальныхъ вечерахъ протанцовала.

— Какъ его фамилія?

— Плосковъ. Виталій Петровичъ Плосковъ.

— Купеческаго рода, что-ли? продолжала допытываться Дарья Терентьевна.

— Да должно-быть что купеческаго. Отецъ его, кажется, биржевой маклеръ.

— Надо будетъ у Андрея Иваныча спросить, какой такой. Онъ всѣхъ маклеровъ знаетъ на биржѣ.

— Конечно-же знаютъ.

— Сынъ-то на видъ — ничего. Онъ въ банкѣ служитъ?

— Въ Плуталовскомъ банкѣ.

— Сколько жалованья получаетъ?

— Да почемъ-же я то знаю!

— Танцовала съ нимъ цѣлое лѣто и не знаешь. Удивительное равнодушіе. А ты въ другой разъ спрашивай.

— Да вѣдь все равно совретъ. Вонъ Петя Камушевъ... Вашъ собственный племянникъ и крестникъ, а какъ вретъ! Получаетъ на конторѣ семьдесятъ пять рублей въ мѣсяцъ, а всѣмъ разсказываетъ, что двѣсти. Конечно, это онъ дѣлаетъ потому, что ему Катенька Климова нравится.

— Да вѣдь Климовы прежде чѣмъ отдать за него Катеньку, я думаю, справятся на конторѣ, сколько онъ жалованья получаетъ. Неужто-же такъ-таки безъ справокъ дѣвушку съ капиталомъ за него и отдадутъ?

— Вотъ и вы справьтесь въ банкѣ о жалованьи Плоскова.

— Да развѣ онъ?..

Дарья Терентьевна пристально посмотрѣла на дочь.

— Да вѣдь вы-же начали. У васъ-же только одни женихи для меня на умѣ, отвѣчала дочь.

— Ну, да. Только изъ-за этого и играть въ спектаклѣ тебѣ дозволяю, что, можетъ, быть кто-нибудь основательный среди любителей найдется. Такъ я и отцу скажу. Да нѣтъ, среди этихъ любительскихъ актеровъ основательныхъ не бываетъ.

— А Корневъ-то, что въ прошлую зиму два спектакля устраивалъ? Вѣдь у его отца костеобжигательный заводъ, еще какой-то заводъ, два дома.

— А развѣ онъ тоже въ этомъ кружкѣ будетъ играть?

— Не знаю. Вотъ поѣду сегодня къ Кринкинымъ

на распредѣленіе ролей и посмотрю. Изъ банковъ-то, я знаю, что многіе будутъ участвовать.

— Получающій три-четыре тысячи въ годъ по любительскимъ спектаклямъ играть не станетъ.

— Отчего-же?

— Оттого, что при такомъ жалованьи долженъ себя солидно держать. Вотъ развѣ кто изъ публики...

Къ обѣду явился отецъ—Андрей Иванычъ Битковъ, занимающійся хлѣбной торговлей, купецъ, что называется, изъ полированныхъ, вносящій куда-то въ пріютъ ежегодныя пожертвованія и вслѣдствіе этого появляющійся въ торжественные дни въ мундирѣ.

— Брани или не брани меня, а я Любѣ разрѣшила поиграть въ спектаклѣ, начала Дарья Терентьевна, обращаясь къ мужу.—Давеча пріѣзжалъ сынъ Плоскова... Онъ въ Плуталовскомъ банкѣ служитъ. Отецъ его—маклеръ.

Андрей Иванычъ поморщился.

— Баловство... сказалъ онъ.

— Вотъ и я также думаю... Но нельзя-же, надо дѣвушку показывать, вѣдь ужъ невѣста.

— Солидные женихи-то не особенно любятъ, когда дѣвушка въ спектакляхъ показывается. Верченіе—и ничего больше... Вскружатъ голову, собьютъ съ толку, втолкуютъ такія мысли, что потомъ съ дѣвчонкой и не сообразишь.

— Такъ-то оно такъ, а только пусть одинъ разъ сыграетъ, а потомъ мы посмотримъ, что изъ этого выдетъ.

— Путнаго ничего не можетъ выдти.

— Да вѣдь вотъ все толкуютъ, что дѣвушку нынче нужно вывозить, показывать, а куда ее вывезешь, гдѣ покажешь?

— Только ужъ не на сценѣ.

— Говорятъ, что нынче это въ модѣ. Вонъ Мукосѣевы какіе богачи, а въ любительскихъ спектакляхъ и лѣтомъ и зимой играютъ, сынъ заводчика Корнева тоже устраиваетъ спектакли.

— А дѣвченки и бабенки отъ этихъ спектаклей все-таки блажатъ. Вотъ Туганѣева прямо изъ-за любительскихъ спектаклей отъ мужа сбѣжала. Попался ей тамъ какой-то адвокатикъ, нашепталъ въ уши, а она по глупости съ нимъ и сбѣжала. Потомъ разумѣется, спохватилась, пришла опять къ мужу, а тотъ—«нѣтъ, говоритъ, иди обратно».

— Да пускай ужъ она одинъ-то разъ сыграетъ.

— Пускай сыграетъ, а только я этого не одобряю.

— Ну, я поѣду какъ-нибудь на репетицію и посмотрю, съ кѣмъ она будетъ играть. Ты Плоскова-то знаешь? Люба говоритъ, что онъ сынъ маклера.

— На биржѣ есть такой маклеръ, но дѣлишекъ-то у него нѣтъ.

— Такъ вотъ это его сынъ пріѣзжалъ просить Любу участвовать. Въ Плуталовскомъ банкѣ служитъ.

— Сына не знаю.

— А сколько можетъ конторщикъ въ Плуталовскомъ банкѣ получать?

— Тамъ жалованья всякія есть. Да на что тебѣ? Развѣ онъ мѣтитъ въ женихи?

— Не то чтобы мѣтилъ, этого я ничего не знаю,

а все-таки лучше узнать, сколько онъ жалованья получаетъ.

— Понадобится, такъ можно будетъ справиться. У меня тамъ управляющій знакомый, — отвѣчалъ Андрей Иванычъ и прибавилъ:—Ну, что-же... Вели подавать обѣдать. Ѣсть страхъ хочется.

Битковы сѣли обѣдать. За столомъ помѣстились: отецъ, мать, дочь, сынъ-гимназистъ, гувернантка съ двумя маленькими дѣтьми.

— Это что за любительская компанія, въ которой ты будешь играть? Новая какая, что-ли?—спросилъ Битковъ дочь.

— Вовсе не новая. Тѣ-же любители, что и лѣтомъ со мной вмѣстѣ играли. Маша Бекасова и Оля Трубачева тоже будутъ играть, потомъ банковскіе конторщики.

— Пожалуйста, только держи себя поскромнѣе.

— Да что-жъ я кувыркаться буду, что-ли?

— Ты такъ не отвѣчай. Ты знаешь, о чемъ я говорю.

Послѣ обѣда Люба въ сопровожденіи горничной отправилась къ Кринкинымъ на распредѣленіе ролей.

III.

Кринкины жили гдѣ-то на Пескахъ въ собственномъ ветхомъ деревянномъ домѣ. Когда Люба пріѣхала къ Кринкинымъ, ее уже ждали тамъ. Въ полуотворенныя двери изъ гостиной въ прихожую на ея звонокъ у параднаго крыльца выглянули Плосковъ, Маша Бекасова и Оля Трубачева. Подруги стали чмокать ее звонко въ губы. Это были дѣвушки ея лѣтъ, съ которыми она познакомилась на дачѣ въ «Озеркахъ».

— Только тебя и ждутъ, проговорили онѣ.

Плосковъ подхватилъ Любу подъ руку и повелъ въ гостиную. Тамъ уже ждала ее хозяйка дома Лариса Павловна Кринкина. Она поднялась изъ-за большаго стола, покрытаго краснымъ сукномъ и стоящаго посреди комнаты, около котораго сидѣли актеры-любители. Кринкина была пожилая тощая дама, до того накрашенная, что съ лица ея даже сыпалось. Одѣта она была совсѣмъ по молодому съ множествомъ розовыхъ бантиковъ на платьѣ и имѣла на носу золотое пенснэ. Набѣленныя руки ея были унизаны кольцами и браслетами. Отъ нея такъ и несло туалетнымъ уксусомъ.

— Вотъ-съ, Лариса Павловна, позвольте вамъ представить... началъ было Плосковъ.

— Знаю, знаю, и представлять нечего; перебила

его Кринкина.—Мамзель Биткову я отмѣтила еще въ любительскомъ спектаклѣ въ Озеркахъ и тогда-же всѣмъ сказала, что у ней задатки большаго таланта.

— Ну, какой-же это былъ спектакль! Вопервыхъ, въ сараѣ, а во вторыхъ, и роль-то моя была такая крошечная, перебила ее Люба.

— Ничего не значитъ, душечка. Большое дарованіе гдѣ угодно будетъ видно и его можно замѣтить съ нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ публично. Я уже заранѣе васъ полюбила, а теперь прошу меня любить и жаловать. Я женщина простая, безхитростная и обожаю театръ до безумія. Также кто любитъ сцену—всѣ мнѣ сестры и братья.

Произнеся эту тираду, Кринкина потянулась къ Любѣ и три раза чмокнула ее въ засосъ въ губы.

— Лариса Павловна, можно сказать, душа общества... произнесъ стоявшій около Кринкиной рослый черный прыщавый гимназистъ съ усиками и прибавилъ:—А теперь позвольте мнѣ представиться. Дышловъ... Тоже актеръ-любитель.

Люба протянула ему руку. Любу начали знакомить и съ другими актерами-любителями, сидящими за столомъ. Тутъ была толстая дама, попыхивающая не менѣе толстой папироской-самокруткой въ янтарномъ мундштукѣ, говорящая басомъ и отрекомендовавшаяся комической старухой труппы. Дама была на самомъ дѣлѣ очень комична, начиная съ пестраго клѣтчатаго платья, въ которое она была одѣта и которое сидѣло на ней мѣшкомъ, и кончая громадной брошкой изъ перламутра съ изображеніемъ сердца, проткнутаго золотой стрѣлой. Подскочилъ маленькій

бѣлокуренькій, подслѣповатый офицеръ съ бородкой и отрекомендовался режиссеромъ.

— Луковкинъ. Былъ-бы и актеромъ, ибо сцена для меня—все, но къ сожалѣнію, мундиръ заставляетъ быть подъ спудомъ и ограничиться только закулисною дѣятельностью, сказалъ онъ, поклонившись.

За офицеромъ поклонился молодой человѣкъ во фракѣ, съ длинными зачесанными назадъ волосами, брюнетъ, въ усахъ и бакенбардахъ. Хозяйка отрекомендовала его «первымъ любовникомъ».

— Помощникъ присяжнаго повѣреннаго Гуслинъ, томно прибавилъ онъ, улыбаясь и повелъ глазами.

Далѣе слѣдовалъ «комикъ»; толстенькій, коротенькій человѣкъ въ очкахъ и съ хрипоткой въ голосѣ. Во время рекомендаціи отъ него сильно пахнуло виномъ. Назвался онъ Конинымъ.

Далѣе слѣдовали ничѣмъ особенно не замѣчательныя личности—конторщики изъ банковыхъ и другихъ конторъ, все больше еще очень молодые люди. Кринкина посадила Любу рядомъ съ собой за столъ и шепнула про комика:

— Вотъ этотъ Конинъ сынъ богатаго отца купца, у нихъ ватная фабрика. Отъ театра онъ, можно сказать, совсѣмъ ополоумѣлъ и у всѣхъ парикмахеровъ заказываетъ себѣ комическіе парики. Париковъ у него цѣлая коллекція.

Люба ничего не отвѣтила.

На столѣ лежали пьесы, роли, стояли стаканы чаю, чернильница, колокольчикъ и письменныя принадлежности. Офицеръ предсѣдательствовалъ.

— Ну-съ, Михаилъ Иванычъ, продолжайте, обратилась къ нему Кринкина.

Тотъ позвонилъ въ колокольчикъ и началъ:

— И такъ пускаю на голоса. Одну большую пьесу ставить въ первый спектакль или нѣсколько маленькихъ?

— Нѣсколько маленькихъ. Нѣсколько маленькихъ, послышалось со всѣхъ сторонъ.—Одна большая пьеса, такъ инымъ можетъ и ролей не хватить, а играть хочется. И наконецъ, лучше-же показать всю труппу.

— Позвольте... Но вѣдь и въ «Горе отъ ума» масса ролей! воскликнулъ Гуслинъ.—Поставимъ «Горе отъ ума» и дайте мнѣ сыграть Чацкаго.

— «Горе отъ ума», Аркадій Лукичъ, мы поставимъ въ одинъ изъ слѣдующихъ спектаклей, когда выяснятся способности актеровъ нашей труппы, возразилъ офицеръ.—У насъ много новыхъ любителей, съ дарованіями которыхъ мы еще незнакомы.

— Помилуйте... Я игралъ Чацкаго.

— Объ васъ мы не споримъ, но есть другіе. Вѣдь «Горе отъ ума» не «Помолвка въ Галерной Гавани».

— Пошлая пьеса, И наконецъ, заиграна до нельзя. Я стою за «Горе отъ ума».

— Кто еще за «Горе отъ ума»? Потрудитесь подать голоса.

— Пожалуй, я сыгралъ-бы князя Тугоуховскаго. У меня кстати и паричекъ есть, прохрипѣлъ Конинъ.

— Больше никого? спросилъ офицеръ.—Только два голоса. Вопросъ забаллотированъ. Будемъ ставить маленькія пьесы.

— Ежели водевили, то въ водевиляхъ я не играю, сказалъ Гуслинъ, поводя глазами.

— Хотите, мы вамъ поставимъ «Сцену у фонтана» Пушкина?

— Ну, что «Сцена у фонтана»! Надо чтобы Марина хорошая была.

— Марину я когда-то играла, начала хозяйка.— Конечно, я теперь ужъ немножко устарѣла, но если загримироваться...

— Играйте, играйте, Лариса Павловна. Вы будете прелестны... наклонился къ ней гимназистъ.

Остальные безмолвствовали. Два молодые человѣка изъ банковскихъ чиновниковъ переглянулись и сдѣлали другъ другу гримасы, а одинъ изъ нихъ прошепталъ:

— Ну, Марина! Развѣ бабушку Марины ей играть.

— Я не настаиваю, господа, я такъ сказала... Сказала потому, что, какъ извѣстно, изъ исторіи, Марина и на самомъ дѣлѣ была уже не первой молодости.

— Гдѣ это вы вычитали? послышался вопросъ.

— Ахъ, Боже мой! Я читаю массу источниковъ. И наконецъ, не восемнадцатилѣтней-же дѣвушкѣ Марину играть!

— Ежели ставить сцену у фонтана, то я, какъ режиссеръ, предложилъ-бы Марину сыграть мадмуазель Бекасовой, вставилъ свое слово офицеръ.

Кринкина сдѣлала кислую гримасу.

— Я Маничку Бекасову обожаю, она прекрасная актриса, но судите сами, какая-же она Марина, ежели она энженю! И кромѣ того, молода.

— Я энженю? воскликнула дѣвица Бекасова.— Никогда я энженю не бывала!

— Однако-же, душечка...

— Позвольте, господа. О чемъ мы хлопочемъ? Зачѣмъ намъ «Сцена у фонтана»? Чтобы дать роль мосье Гуслину? Но вѣдь предполагается поставить комедію въ стихахъ «Которая изъ двухъ», гдѣ для мосье Гуслина будетъ прелестная роль, заявилъ Плосковъ.—Рѣшили составить спектакль изъ легкихъ пьесъ—изъ легкихъ и составимъ.

— Противъ комедіи «Которая изъ двухъ» я ничего не имѣю, отвѣчалъ Гуслинъ.

— Не имѣете? Отлично. Ну, такъ вотъ-съ... Первая пьеса будетъ «Которая изъ двухъ»? Роли Кривскихъ мы раздѣлимъ между мадемуазель Бекасовой и мадемуазель Трубачевой, горничную потрудится сыграть мадемуазель...

Офицеръ, сказавъ это, взглянулъ на Любу.

— Любовь Андреевна Биткова, подсказалъ Плосковъ.

— Согласны, Любовь Андреевна? спросилъ офицеръ.

— Согласна. Но я не знаю, какая это роль.

— Прелестная ролька лукавой горничной и вамъ какъ разъ она будетъ по характеру. Ну-съ, такъ и запишемъ, а потомъ перейдемъ къ выбору водевилей.

Офицеръ придвинулъ къ себѣ чернильницу и принялся писать.

IV.

Ъ ЭТО время, изъ другой комнаты вышелъ, неслышно шагая ногами въ войлочныхъ туфляхъ, сѣдой старикъ съ торчащими въ разныя стороны прядями волосъ на плѣшивой головѣ. Одѣтъ онъ былъ въ какой-то сѣрый архалукъ, на одной изъ пуговицъ котораго висѣлъ замасленный шелковый кисетъ. На лбу старика были подняты круглыя серебряныя очки. Въ рукѣ онъ держалъ трубку на короткомъ черешневомъ чубукѣ. Посмотрѣвъ на присутствующихъ мутными сѣрыми безжизненными глазами, онъ подошелъ къ столу и въ это время быль замѣченъ Кринкиной. Ее всю какъ-то передернуло и она спросила старика:

— Никита Васильевичъ, вамъ что надо? Вы зачѣмъ пришли?

— Я, матушка, насчетъ коньячку къ чаю. Глафира горничная сказала, что у васъ тутъ коньякъ есть.

— Идите, идите къ себѣ... Какой тутъ коньякъ! Вамъ коньяку нельзя.

— Я чуточку, для вкуса...

— И чуточку нельзя. И наконецъ вы знаете, что въ гостиной трубку курить нельзя.

Офицеръ и толстая комическая старуха привстали и стали здороваться съ старикомъ. Офицеръ, протя-

нувъ ему руку, даже что-то заговорилъ, но Кринкина перебила его.

— Не задерживайте, пожалуста, Михаилъ Иванычъ, Никиту Васильича, не задерживайте, иначе онъ насъ прокоптитъ своей трубкой. Идите, идите, Никита Васильичъ, къ себѣ, повторила она приказъ. — Нельзя вамъ коньяку. Вѣдь вы очень хорошо знаете, что вамъ вредно.

Старикъ крякнулъ и поплелся обратно. Это былъ Кринкинъ, мужъ Ларисы Павловны, и она тотчасъ-же сказала Любѣ:

— Съ мужемъ моимъ, душечка, я васъ не знакомлю, потому что онъ у меня вообще большой философъ. Да и знакомъ или незнакомъ — онъ все равно васъ потомъ не узнаетъ. Онъ у меня весь погруженъ въ книги.

— И въ трубку, подсказалъ гимназистъ, сидѣвшій рядомъ съ Кринкиной, и насмѣшливо улыбнулся.

— Да, и въ трубку. Страсть сколько куритъ. А трубки его я просто не выношу.

Люба промолчала. Офицеръ, покончивъ записывать распредѣленіе ролей первой пьесы, возгласилъ:

— Второй пьесой я предлагаю вамъ поставить водевиль «Что имѣемъ — не хранимъ, потерявши — плачемъ». Большинство сидящихъ здѣсь знаютъ этотъ водевиль...

— Знаемъ, отвѣчалъ комикъ Конинъ. — Мнѣ позвольте тамъ сыграть роль отставнаго капитана Ивана Иваныча Пѣтухова. У меня кстати и паричекъ подходящій есть.

— А я-бы, наоборотъ, предложилъ-бы вамъ взять роль старика Павла Павлыча Морковкина, отвѣчалъ офицеръ.— Вы Морковкина, а Муза Сергѣвна — Матрену Марковну. Вотъ васъ комическая пара и вышла-бы. Муза Сергѣвна! Вы согласны? обратился онъ къ толстой комической старухѣ.

— Да, вѣдь, больше некому. Отчего-же... Я сыграю... Роль хорошая.

— Роль аховая и она пройдетъ у васъ съ градомъ, съ трескомъ. Вы и Павелъ Васильичъ до слезъ насмѣшите публику.

— Положимъ, что у меня и для Морковкина паричекъ хорошенькій найдется, но дайте мнѣ лучше сыграть Пѣтухова. Мой голосъ съ хрипоткой какъ разъ для отставнаго военнаго подходитъ.

— Ахъ, милѣйшій Павелъ Васильичъ, да вѣдь Морковкина-то роль лучше. Кто-же у насъ будетъ играть Морковкина? Вы у насъ первый комикъ.

— Ну, а кто же Пѣтухова будетъ играть? Пѣтухова тоже роль аховая.

— Пѣтухова я сыграю, вызвался съ конца стола бородатый блондинъ въ очкахъ, товарищъ Плоскова по банку.

— Не подходитъ. У васъ борода, а тутъ отставной военный, отвѣчалъ офицеръ.

— Однако вотъ вы и не отставной военный, да съ бородой.

— Я не тотъ типъ. Это надо дать прежняго отставнаго военнаго.

— И дамъ-съ, отлично дамъ. Кусокъ бороды на

подбородкѣ можно заклеить и замазать — вотъ и будутъ усы съ бакенбардами.

— Да дайте ему Морковкина сыграть, а я сыграю Пѣтухова, стоялъ на своемъ Конинъ.

— Ну, какой же онъ Морковкинъ! Тутъ нужно со смѣха уморить публику.

— Да я и уморю Морковкинымъ, ежели нельзя дать мнѣ Пѣтухова. Я вѣдь комикъ.

— Милѣйшій мосье Гвоздевъ! Вы вѣдь всего только одинъ разъ и на сценѣ-то играли, а тутъ роль большая, роль отвѣтственная.

— Вовсе я не одинъ разъ игралъ, а два, даже три.

— Мы вамъ дадимъ комическую рольку въ другомъ водевилѣ. У насъ пойдетъ или «На Пескахъ» или «Помолвка».

— Позвольте, Михаилъ Иванычъ, ежели вы будете ставить еще «На Пескахъ» или «Помолвку», то что-же я-то играть буду? спросила Кринкина.

— Всѣмъ роли найдутся. Для васъ можно поставить пожалуй...

Офицеръ замялся:

— Ставьте «Бѣлую камелію»... подсказала ему Кринкина.—Но я боюсь, что при четырехъ пьесахъ спектакль длиненъ.

— Позвольте, кого-же вы тамъ будете играть?

— Да эту самую...

— Молодую даму?

— А вы думаете, что я буду стара? Тамъ вовсе не сказано, что это должна быть совсѣмъ молоденькая дамочка.

— Да я вовсе ничего не думаю. Надо вотъ прежде кончить съ водевилемъ «Что имѣемъ не хранимъ».

— Двухъ комиковъ въ труппѣ нѣтъ, такъ нечего и кончать.

— Не понимаю, отчего вы меня за комика не считаете?! разводилъ руками Гвоздевъ.

— Мосье Гвоздевъ, послушайтесь меня... начала Кринкина.—Я знаю, что вы хорошій актеръ, но ни роль Морковкина, ни роль Пѣхухова вамъ не подходятъ.

— Да вѣдь вы не видали меня на сценѣ.

— Сама не видала, но слышала отъ другихъ. Пѣтухова роль вамъ положительно не подходитъ.

— А вамъ не подходитъ роль въ «Бѣлой камеліи».

— Что-же я, по вашему, ужъ такъ стара?

— Да конечно-же не молоды.

Кринкина отвернулась и шепнула такъ, что слышали Люба и Плосковъ:

— Невѣжа!

Офицеръ тяжело вздохнулъ.

— Ахъ, какъ трудно составить спектакль! произнесъ онъ.—Дѣлать нечего, попробуемъ распредѣлять роли въ пьескѣ «На Пескахъ». Противъ «Песковъ» никто ничего не имѣетъ?

— Никто, никто, послышались голоса.

— Да распредѣлите вы сначала роли въ «Бѣлой Камеліи»! возвысила голосъ Кринкина.

— Лариса Павловна, тамъ и распредѣлять нечего, отвѣчалъ офицеръ.—Ежели вы хотите непремѣнно играть въ «Бѣлой камеліи»...

— То-есть какъ это: непремѣнно? Должна-же я что-нибудь играть. Старухъ я никогда не игрывала, да и рано мнѣ еще на старухъ переходить.

— Господи Боже мой! Да развѣ я что-нибудь объ этомъ говорю!

Дѣлалось шумно. Всѣ начали спорить. Гимназистъ кричалъ:

— Хотите, я вамъ хорошаго комика найду для «Что имѣемъ не хранимъ»? Комикъ настоящій. Онъ въ десяткахъ любительскихъ спектаклей игралъ. Дайте мнѣ только сыграть въ этомъ водевилѣ роль живописца Александра, а Лариса Павловна пусть Софью играетъ.

— Вотъ ужъ для Софьи я стара, сама скажу, что стара! откликнулась Кринкина.

— Зачѣмъ-же вы будете еще новаго комика искать, ежели я комикъ! И такъ ужъ въ труппѣ два комика: я и Конинъ... не унимался Гвоздевъ.

Офицеръ звонилъ въ колокольчикъ, призывая къ порядку.

V.

РАСПРЕДѢЛЕНІЕ ролей все еще продолжалось. Дѣлалось все шумнѣе и шумнѣе. Большинство было недовольно своими ролями. Почти всѣ считали себя комиками и просили комическихъ ролей. Люба Биткова получила двѣ роли: въ «Которая изъ двухъ» и «На Пескахъ».

Въ этой послѣдней пьесѣ долженъ былъ играть и Виталій Петровичъ Плосковъ. Когда актеры-любители соскучившись сидѣть за столомъ, начали выходить изъ-за стола и группироваться по угламъ, поднялись и Люба съ Плосковымъ. Они сѣли въ плохо освѣщенный уголъ большой гостиной.

— Душевно радъ, что буду играть съ вами въ одной пьесѣ, сказалъ онъ Любѣ.

— Да будто не все равно, что въ одной или въ разныхъ пьесахъ? отвѣчала та. — Смотрите, я не знаю пьесы, не придется-ли мнѣ съ кѣмъ-нибудь цѣловаться изъ мужчинъ?

— Кажется, со мной. Вѣдь я играю вашего жениха.

— Ну, въ такомъ случаѣ маменька увидитъ на репетиціи и не позволитъ мнѣ играть. Вы помните, что она давеча сказала?

— Ну, на репетиціи мы не будемъ цѣловаться. Пропустимъ. А ужъ за то какъ я васъ въ спектаклѣ чмокну!

— Маменька и спектакль можетъ остановить. Вы не знаете ее.

— Ну, спектакль-то она не остановитъ.

— Послушайте, Виталій Петровичъ, вы ужъ, пожалуйста, сдѣлайте какъ-нибудь безъ поцѣлуевъ, а то я откажусь отъ роли.

— Да я шучу, шучу. Я и самъ не знаю, есть-ли въ пьесѣ «На Пескахъ» поцѣлуи.

— А ежели будутъ, то вы ужъ, пожалуйста, обойдите какъ-нибудь.

— Обойти? Помилуйте... Да за что-же вы хотите лишать счастія человѣка!

— Да какое-же тутъ счастіе?

— Какое? Да я давно добиваюсь этого счастія. Брежу имъ. Вижу его и во снѣ и на яву.

— Пожалуйста, пожалуйста, не говорите глупостей, отвѣчала Люба, а сама такъ и зардѣлась.— Да вѣдь и вообще на сценѣ цѣлуются не настоящимъ манеромъ, а такъ, для вида.

— Ну, а я буду цѣловать самымъ настоящимъ манеромъ.

— Хорошо, что сказали. Значитъ, когда вы подойдете ко мнѣ на сценѣ, то я возьму да и отвернусь отъ васъ.

— Не отвернетесь. Я сразу васъ обхвачу.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ: ежели маменька что-нибудь на репетиціи замѣтитъ, то этой роли мнѣ ужъ не играть.

— А вы маменьку на репетицію не берите. Зачѣмъ маменькѣ на репетиціи быть? Маменьки на репетиціяхъ вообще народъ зловредный.

— Какъ это хорошо съ вашей стороны такія слова!..

— Да конечно-же. Я вообще глубоко уважаю маменекъ тамъ, гдѣ онѣ должны быть, но на репетиціяхъ спектаклей онѣ только мѣшаютъ. — Что вашъ папаша? спросилъ Плосковъ.

— Ахъ, да... Папаша насилу отпустилъ меня на репетицію. Онъ вообще противъ спектаклей.

— Да, да... Родители вообще, какъ мужскаго

пола, такъ и женскаго, — для спектаклей народъ зловредный.

— Мой папаша знаетъ вашего папашу, заявила Люба.

— Еще-бы... Мой отецъ дѣлаетъ большія дѣла на биржѣ. Вѣдь вы въ своемъ домѣ живете? Это вашъ домъ, гдѣ я сегодня былъ? вдругъ ни съ того, ни съ сего спросилъ Плосковъ.

— Въ своемъ.

— Большой домъ. Онъ сколько дохода приноситъ?

— Право, я не знаю.

— Доходъ долженъ быть хорошъ. Въ первомъ этажѣ два магазина должны сдаваться каждый ужъ бѣдно, бѣдно за тысячу двѣсти рублей въ годъ. Вѣдь у васъ кажется, и на дворѣ два флигеля?

— Три.

— Вотъ видите... Даже три. Домъ въ четыре этажа. И флигеля въ четыре этажа?

— Тоже въ четыре. Но у насъ есть еще домъ.

— Второй? Гдѣ? Большой?

— Такой-же, какъ и тотъ, который вы видѣли.

— Скажите на милость, а я не зналъ. Вотъ про лавки я слышалъ. У васъ двѣ лавки въ рынкѣ?

— Четыре.

— Четыре... протянулъ Плосковъ.—Ого! А сколько у вашего папаши дѣтей?

— Я, братъ-гимназистъ и двое маленькихъ.

— Васъ-то я знаю и вашего брата гимназиста знаю, потому что вы бывали въ «Озеркахъ» на

музыкѣ и на танцовальныхъ вечерахъ, а вотъ вашихъ маленькихъ... Братья или сестры?

— Одинъ братъ и одна сестра. Та еще очень маленькая. Только азбукѣ учить начали.

— Выростетъ большая, все равно невѣста будетъ. Васъ четверо и у вашего папаши четыре лавки. Стало-быть, каждому по лавкѣ, а два дома пополамъ.

— У маменьки есть тоже домъ, только тотъ маленькій, на Петербургской сторонѣ, разсказывала Люба.

— Господи! Да сколько у васъ имущества-то! проговорилъ Плосковъ и даже весь вспыхнулъ.— И дача ваша, на которой вы жили?

— У насъ двѣ дачи. Одна въ Озеркахъ, на которой мы жили, а другая въ Лѣсномъ. Та папенькѣ за долгъ досталась. Потомъ есть лѣсъ, и много лѣсу. Это ужъ въ Новоладожскомъ уѣздѣ...

— Те-те-те... издалъ звукъ Плосковъ и прибавилъ: — Ну-съ, разумѣется, вамъ ужъ и приданое опредѣлено? Ужасно глупый этотъ обычай давать за дѣвушками приданое. Словно онѣ... Дико, дико...

— Конечно, дико, согласилась Люба.— А вы посмотрите-ка хорошенько: безъ приданаго дѣвушкѣ какъ трудно замужъ выдти!

— Это опять отъ дикости. Нѣтъ, ужъ ежели кто любитъ... Какое у васъ, Любовь Андреевна, прелестное колечко на пальчикѣ.

— Рубинъ, брилліантъ, изумрудъ и сапфиръ... Это мнѣ папа въ день рожденія подарилъ.

— Покажите-ка..

Люба протянула Плоскову руку. Тотъ взялъ ее за пальцы и крѣпко пожалъ ихъ. Она вся вспыхнула и слегка вырвала руку.

— И прелестная бѣленькая, маленькая ручка достойна колечка, прибавилъ онъ и полушутя, полусерьезно опять спросилъ:—Такъ сколько-же за вами этого варварскаго приданаго? Лавка, полъ-дома, дача, пожалуй...

— Право, я не знаю. Объ этомъ разговора не было, отвѣчала Люба, подумала, вспомнила сегодняшній разговоръ съ матерью и спросила: — А вы сколько жалованья въ банкѣ получаете?

— Я-то?.. проговорилъ Плосковъ и замялся.— Жалованье у меня не велико, но мы получаемъ хорошія награды послѣ новаго года. — Потомъ мы предугадываемъ биржевой курсъ бумагъ и играемъ на биржѣ. Въ банкѣ часто вообще бываетъ такъ, что курсъ впередъ извѣстенъ. Потомъ мой отецъ опытный маклеръ. Да... это бываетъ иногда очень выгодно.

— Ну, а жалованья-то все-таки сколько-же получаете? допытывалась Люба.

— Двѣсти рублей... Но жалованье наше нельзя считать. Главное — награда и игра на биржѣ, отвѣчалъ Плосковъ.—Ничего... Намъ жить можно. У васъ ужъ, поди, и брилліанты приданые есть? спросилъ онъ опять.

— Нѣтъ, брилліантовъ еще пока не покупали.

— А шуба, шуба... Традиціонная купеческая чернобураго лисьяго мѣха ротонда, крытая бархатомъ?

Онъ усмѣхнулся.

— Тоже еще не покупали.

Часовъ въ двѣнадцать актеры-любители начали расходиться отъ Кринкиныхъ, сговорившись о днѣ репетицій. Уходили всѣ разомъ. Любу дожидалась въ прихожей горничная. Горничная хотѣла подать Любѣ пальто, но Плосковъ вырвалъ его у ней и самъ подалъ Любѣ. Во время надѣванія пальто онъ ухитрился незамѣтно чмокнуть Любу въ ручку. Та вспыхнула, но ничего не сказала. Выйдя на подъѣздъ, Плосковъ усадилъ Любу на извощика рядомъ съ горничной, а самъ на другомъ извощикѣ поѣхалъ провожать ихъ и, проводивъ до дома, при прощаньи крѣпко пожалъ ручку Любѣ.

VI.

ДАРЬЯ Терентьевна еще не спала и дожидала Любу; когда та вернулась отъ Кринкиныхъ. Дарья Терентьевна встрѣтила ее въ прихожей.

— Ну, что? Какъ? Разсказывай... начала она, цѣлуя дочь.

— Да вотъ узнала, что вы приказывали. Двѣсти рублей онъ жалованья въ банкѣ получаетъ. Двѣсти рублей въ мѣсцяъ и кромѣ того, говоритъ, награды хорошія... отвѣчала та.

— Фу ты пропасть! Да ты про кого? вытаращила глаза Дарья Терентьевна.

— Да про Виталія Петровича. Сами-же вы велѣли спросить, сколько онъ жалованья получаетъ.

— Да вѣдь я тебѣ сказала вообще, сказала только къ слову, что ежели за тобой какой-нибудь молодой человѣкъ ухаживаетъ, то ты должна стараться узнать, сколько онъ жалованья получаетъ, а ты ужъ сейчасъ—и на поди!

— Онъ, маменька, очень ухаживалъ, онъ даже до нашего дома насъ проводилъ.

— Ну, не болтай вздора. Этотъ тебѣ въ женихи не годится. Что такое банковскій конторщикъ! Да въ другой разъ не позволяй ему и провожать себя: «маменька, молъ, этого не любитъ». Я тебя про другихъ спрашиваю, кто тамъ былъ.

— Онъ, маменька, говоритъ, что онъ на биржѣ играетъ и что это очень выгодно, что онъ хорошія деньги наживаетъ.

— Да что ты все про этого Плоскова! Говорю тебѣ, что онъ тебѣ не пара! Ты дѣвушка богатая, съ большимъ приданымъ. Будешь много про него болтать, то я и на репетиціи пускать не стану. Богъ съ нимъ и съ спектаклемъ. Да и вообще мнѣ не по нутру эти спектакли. Ежели я согласилась тебя отпустить, то только изъ-за того, что нѣтъ-ли тамъ какихъ-нибудь мужчинъ основательныхъ, солидныхъ.

— Офицеръ былъ какой-то, только онъ со мной почти не разговаривалъ. Это нашъ режиссеръ. Онъ распредѣлялъ роли.

— Да ты, кажется, совсѣмъ не понимающая! Иди, раздѣвайся.

Люба отправилась къ себѣ въ комнату и стала снимать съ себя платье и корсетъ, дабы ложиться спать. Черезъ нѣсколько времени къ ней опять пришла Дарья Терентьевна. Она была въ юбкѣ и ночной кофточкѣ.

— Что это за люди Кринкины? Разсказывай... снова начала она.

— Да живутъ хорошо. Лариса Павловна дама хорошая, ласковая, такъ меня расцѣловала, только ужь очень она накрашена и сильно молодится. Все хочетъ молодыя роли играть. А вотъ мужъ у ней какой-то эдакій... полоумный. Впрочемъ, онъ даже и не сидѣлъ съ нами, разсказывала Люба.

— Были-ли молодые люди изъ хорошаго купеческаго круга-то—вотъ я объ чемъ спрашиваю.

— Конинъ былъ. У нихъ, говорятъ, ватная фабрика.

— Ну, этотъ пьяница. Я знаю Конина. Это такой съ хриплымъ голосомъ?

— Да, съ хриплымъ. Только это, я думаю, отъ комизма.

— Какое отъ комизма! Просто пропилъ свой голосъ. Все съ актерами путается.

— Только онъ некрасивъ. Такой какой-то шаршавый.

— Красота тутъ не причемъ, матушка, а былъ бы человѣкъ солидный и изъ хорошаго купеческаго дома. Заводчикъ Корневъ былъ?

— Нѣтъ, не былъ.

— Да вѣдь онъ первый актеръ-любитель.

— Должно быть въ какомъ-нибудь другомъ кружкѣ играетъ. Вѣдь любительскихъ кружковъ много. Впрочемъ, о немъ кто-то упоминалъ, чтобы пригласить его.

— Вотъ это подходящій человѣкъ, хоть онъ и любитель, вотъ за этого человѣка ты возьмись, ежели его пригласятъ играть. У нихъ и пароходство, и заводы — и чего-чего нѣтъ! Мукосѣевымъ онъ родственникомъ приходится да и кромѣ того одинъ сынъ у отца.

— Онъ, должно быть, въ мукосѣевскомъ кружкѣ и играетъ.

— Конечно-же тамъ. Вотъ ежели-бы въ мукосѣевскій кружокъ тебя пригласили играть, такъ я-бы зажмурясь отпускала, потому тамъ все дѣти купеческихъ тузовъ, а здѣсь, я думаю, сбродъ какой-то. Ну, кто еще былъ?

— Да все банковскіе служащіе изъ разныхъ банковъ.

— Ну, конечно-же сбродъ.

— Адвокатъ одинъ былъ.

— Тоже горе. Нынче адвокату грошъ цѣна. Хорошій, который въ хорошія дѣла втершись, въ любительскіе спектакли играть не пойдетъ, а разные голь-адвокатишки, такъ хуже банковскихъ чиновниковъ.

— Я не знаю, маменька, почему вы противъ банковскихъ чиновниковъ. У васъ племянникъ банковскій чиновникъ,—заступилась Люба.

— И тоже голь.

— Онъ голь, а ежели Виталія Петровича взять...

Мать строго взглянула на дочь.

— Да что ты все про этого Виталія Петровича! Ужь не вздумала-ли ты съ нимъ что-нибудь въ серьезъ? Смотри у меня!—строго сказала она дочери.

— Лазина Анничка вышла-же за банковскаго чиновника—и живетъ хорошо.

— Не мели вздору! Лазина и ты. Лазина сирота, ее выдавалъ дядя и далъ за ней какихъ-нибудь пять тысячъ, а ты богатая невѣста.

— Да вы спросите-ка папеньку хорошенько. Можетъ быть, этотъ Виталій Петровичъ и въ самомъ дѣлѣ хорошо достаетъ на биржѣ. Пусть папенька разузнаетъ.

— Молчи. Ужь изъ-за одного этого его надо гнать отъ хорошей дѣвушки, что онъ играетъ на биржѣ. Вѣдь это можно какъ выиграть, такъ и проиграть. Въ такую тоже можно петлю впутаться, что и не вывернешься потомъ. Конечно, у него нѣтъ ничего, такъ и терять нечего.

— Вы почемъ знаете?

Дѣвушка слезливо заморгала глазами.

— Что это такое? Слезы по этомъ мальчишкѣ? строго спросила Дарья Терентьевна.—Ну, стало быть, больше на репетицію не пойдешь.

— Да раздразните, такъ у каждаго будутъ слезы. Всякаго можно раздразнить.

— Не пойдешь, матушка, не пойдешь, повторила Дарья Терентьевна.

— Какъ это хорошо! Сначала отпустить играть, я уже роли взяла, а потомъ: не пойдешь! Вѣдь это-

же невѣжество, вѣдь это-же все порядочные люди, съ какой-же стати имъ спектакль разстраивать!

— Плевать мнѣ на спектакль. Я дочь берегу.

Люба выпрямилась и торжественно сказала.

— Маменька, вы этого не сдѣлаете!

— Что?

— А вотъ чтобы играть меня не пустить.

— Увидишь, что сдѣлаю, ежели будешь бредить не вѣдь кѣмъ. Ну, ложись спать, пора, прибавила Дарья Терентьевна и стала уходить изъ комнаты дочери.

— Сначала дозволятъ, дадутъ обѣщаніе, а потомъ разстраивать и не пускать... бормотала ей вслѣдъ Люба.

Она легла въ постель, попробовала читать романъ, какъ это она всегда дѣлала на ночь, но ей не читалось. Передъ ней мелькалъ Плосковъ. Она вспомнила, какъ онъ ей пожималъ пальцы, какъ поцѣловалъ руку. Красивая фигура его дразнила ее. Люба загасила свѣчу и заснула, но и во снѣ ей снился Плосковъ.

VII.

ПОКАЖИ-КА, какія такія роли тебѣ дали вчера,—сказала на утро Дарья Терентьевна дочери.

— Роли, какъ роли. Что ихъ смотрѣть по пусту,— отвѣчала та.

— Однако, должна-же я видѣть, приличныя онѣ или неприличныя.

— Неприличныхъ ролей не бываетъ.

— Очень часто бываютъ. Напередъ говорю, неприличныхъ ролей я тебѣ играть не позволю. Покажи, говорю.

— Нате, смотрите, только все равно ничего не поймете.

Дочь подала матери тетрадку.

— Тутъ всего одна роль, а ты говорила про двѣ роли,

— Вторая роль еще не выписана. Ее привезетъ мнѣ сегодня или завтра Виталій Петровичъ Плосковъ.

— Какъ? Опять къ намъ пріѣдетъ?

— Такъ что-жъ изъ этого? Не безпокойтесь, онъ васъ не укуситъ.

Дарья Терентьевна взяла тетрадку и прочла:

— «Роль горничной изъ комедіи «Которая изъ двухъ?.» Зачѣмъ-же ты горничную-то взяла?

— Ахъ, Боже мой! да такую дали. Эта роль очень хорошая.

— Нѣтъ, я къ тому, что и наряда хорошаго нельзя будетъ показать на сценѣ, — сказала Дарья Терентьевна и стала перелистывать роль.—Что это такое! «Щиплетъ ее за щеку», написано. Это тебя, что-ли, будутъ щипать за щеку?

— Да вѣдь это только такъ, для прилику,—отвѣчала Люба.

Дарья Терентьевна вздохнула и произнесла:

— Не люблю я этой фамильярности.

— Да вѣдь это сцена.

— Плюху-бы тебѣ вздумали дать на сценѣ. Кто-же тебя щипать то будетъ? Плосковъ, что-ли?

— Нѣтъ, не Плосковъ, а другой любитель. Это одинъ адвокатъ. Да что вамъ впередъ-то узнавать! Вотъ на репетицію послѣ-завтра поѣдете—и увидите.

— Поцѣлуевъ въ этой роли нѣтъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, успокойтесь.

Дарья Терентьевна вообще была недовольна, что дозволила дочери играть на сценѣ, а когда вечеромъ пріѣхалъ Плосковъ и привезъ роль изъ комедіи «На Пескахъ», недовольство это еще болѣе усилилось. Она и дочь встрѣтили его въ гостиной и Дарья Терентьевна даже не просила его садиться. Онъ, однако, переминался съ ноги на ногу и сказалъ:

— Ежели Любовь Андреевна теперь свободна, то мнѣ хотѣлось-бы пройти съ ней эту роль. У насъ сцены вмѣстѣ.

— Сейчасъ? возмутилась Дарья Терентьевна.—

Да что вы, батюшка, съ одного-то. Вчера было распредѣленіе ролей, послѣзавтра будетъ репетиція и наконецъ сегодня хотите проходить роль. Вѣдь у Любы не только свѣта въ окошкѣ, что спектакль. Она сегодня сольфеджей еще не играла на роялѣ.

— Въ такомъ случаѣ извините... сконфуженно поклонился Плосковъ.

Люба вспыхнула.

— Нѣтъ, нѣтъ. Останьтесь и прочтемте роли. Сольфеджи я могу и потомъ, проговорила она.

Мать покосилась на дочь, но не возражала. Люба пригласила Плоскова садиться и началась считовка тѣхъ сценъ, которыя у Любы и Плоскова совпадали вмѣстѣ. Дарья Терентьевна сидѣла тутъ-же и слушала, искоса посматривая на Плоскова.

— Вѣдь никакого смысла нѣтъ вотъ въ такомъ чтеніи, сказала она наконецъ.—На сценѣ ежели дѣлать репетицію—ну, тогда я понимаю.

— Ахъ, какъ возможно! Мы все-таки привыкаемъ къ интонаціи, отвѣтилъ Плосковъ.

Черезъ нѣсколько времени Дарья Терентьевна спросила его:

— Заводчикъ Корневъ у васъ не будетъ играть?

— Кажется, что его хотятъ пригласить сыграть комическую роль въ «Что имѣемъ,—не хранимъ». Тамъ двѣ хорошія комическія роли, а у насъ только одинъ хорошій комикъ.

— Вотъ это прекрасный молодой человѣкъ, солидный. Любочка въ прошломъ году одинъ разъ танцовала съ нимъ въ Коммерческомъ собраніи.

— Маменька, да вы-бы хоть чаю велѣли подать Виталію Петровичу, заговорила Люба.

— Позвони въ колокольчикъ—подадутъ, отвѣчала мать сурово.

Дѣвушка сдѣлала движеніе къ пуговкѣ электрическаго звонка, но Плосковъ остановилъ ее.

— Нѣтъ, нѣтъ. Благодарю покорно. Я не хочу чаю.

— Отчего-же? Выпейте, опять какъ-то нехотя сказала Дарья Терентьевна.

— Боюсь простудиться. Напьешься горячаго, а потомъ сейчасъ выйдешь на воздухъ и горло можетъ захватить. А намъ, актерамъ-любителямъ, чистый голосъ нуженъ.

— Ужъ будто такъ и нуженъ! И спектакли-то, я думаю, вовсе не нужны.

— Прекрасное, благородное развлеченіе.

— Не нахожу, чтобы оно было благородное. Извините вы меня, но, по моему, оно даже глупое.

— Чѣмъ-же? Чѣмъ-же, Дарья Терентьевна?

— Да вотъ вамъ нужно дѣлами заниматься, хлѣбъ себѣ заработывать, а вы пустяками занимаетесь.

— Дѣлу—время и потѣхѣ—часъ. Вѣдь это все въ свободное отъ занятій время.

Считовка кончилась. Плосковъ началъ прощаться.

— Такъ до послѣзавтра, Любовь Андреевна, говорилъ онъ. — До свиданія, Дарья Терентьевна. Надѣюсь, что и вы пожалуете вмѣстѣ съ дочкой на репетицію.

— Непремѣнно пріѣду. Должна-же я видѣть что

у васъ за народъ эти самые актеры и что у васъ тамъ происходитъ.

Плосковъ ушелъ.

— Вотъ нахалъ-то! воскликнула Дарья Терентьевна, когда за нимъ закрылись двери.

— Зарѣзали вы меня, маменька, безъ ножа зарѣзали своею грубостью! сказала Люба, чуть не плача.

— Погоди, не то еще будетъ, ежели онъ не уймется въ своемъ нахальствѣ.

— Да что онъ вамъ сдѣлалъ? Въ чемъ вы видите его нахальство?

— Какъ въ чемъ? Русскимъ языкомъ даю ему понять, что не желаю, чтобы онъ у насъ остался, а онъ все-таки остается.

Люба отвернулась и слезливо заморгала глазами.

VIII.

ПЕРВАЯ репетиція спектакля была назначена уже на сценѣ, въ театральномъ залѣ. Назначена она была вечеромъ въ 7 часовъ. Дарья Терентьевна ни за что не хотѣла отпустить дочь одну и поѣхала съ ней вмѣстѣ на репетицію. Когда онѣ къ 7 часамъ явились въ театральный залъ, актеры-любители были уже всѣ въ сборѣ, хотя репетиція еще и не начиналась. Нѣко-

торые изъ актеровъ пріѣхали въ залъ далеко еще до 7 часовъ. Комикъ Конинъ явился съ цѣлой корзиной вина и уже угощалъ товарищей. Въ темномъ. освѣщенномъ только пятью-шестью газовыми рожками, залѣ, какъ шмели, жужжали участники любительской труппы, разговаривая между собой. Вдали виднѣлась сцена съ освѣщенной рампой и съ декораціей, изображающей комнату. Когда Дарья Терентьевна и Люба вошли въ залъ, ихъ встрѣтилъ Плосковъ и повелъ къ режиссерскому столу, за которымъ сидѣли офицеръ Луковкинъ и Кринкина. Около Кринкиной стоялъ гимназистъ Даниловъ.

— Только васъ и ждемъ, сказалъ Луковкинъ Любѣ.—Сейчасъ можемъ и начинать. Первой пьесой будемъ репетировать «Которая изъ двухъ», прибавилъ онъ и представился Дарьѣ Терентьевнѣ, отрекомендовавшись режиссеромъ.

— Позвольте ужъ и мнѣ познакомиться съ вами обратилась къ матери Любы Кринкина, назвавъ себя и протягивая руку.—Я такъ полюбила вашу дочь, такъ, что она для меня теперь какъ родная. Я ее видѣла въ спектаклѣ лѣтомъ, на маленькой домашней сценѣ и, по моему, она подаетъ большія надежды.

Луковкинъ захлопалъ въ ладоши.

— Участвующихъ въ комедіи «Которая изъ двухъ» прошу на сцену! крикнулъ онъ.

— Я пойду, маменька, а вы сядьте тутъ, сказала Люба.

— Хорошо, хорошо, отвѣчала Дарья Терентьевна, опускаясь на стулъ недалеко отъ Кринкиной и искоса разсматривая ее.

Плосковъ подалъ Любѣ свернутую калачикомъ руку и повелъ Любу на сцену.

«Ну, опять прилипъ»... подумала съ неудовольствіемъ Дарья Терентьевна про Плоскова и ее всю какъ-бы передернуло.

Кромѣ Любы на сценѣ появился Гуслинъ и показались дѣвицы Бекасова и Трубачева. На суфлерской будкѣ спиной къ зрительному залу сидѣлъ суфлеръ въ шляпѣ и съ книжкой. Рядомъ съ нимъ стоялъ Луковкинъ съ режиссерской тетрадкой. Началась репетиція. Дарья Терентьевна внимательно слѣдила за ней и особенно превращалась вся въ слухъ и зрѣніе, когда появлялась на сценѣ Люба. Кринкина придвинулась къ Дарьѣ Терентьевнѣ и сказала:

— Какое прелестное времяпровожденіе эти любительскіе спектакли. Я буквально оживаю на сценѣ.

— Да. Но для молоденькихъ дѣвушекъ то оно, знаете... стала отвѣчать Дарья Терентьевна и не окончила.

— А что? Вы противъ?

— Отвыкаютъ отъ дома... отъ рукъ отбиваются. Ну, и въ голову имъ разныя мысли вступаютъ. Конечно, я ничего не говорю, коли хорошая компанія, а вѣдь есть всякіе, такіе, которые могутъ и нажужжать въ уши то, что не слѣдуетъ.

— О, насчетъ общества не безпокойтесь. У насъ общество на подборъ. Вы про мужскую молодежь больше?

— Да вообще.

— Въ нашей труппѣ все прекрасные молодые

люди. И нигдѣ, знаете, дѣвушка не составитъ себѣ такъ скоро партію, какъ участвуя въ любительскомъ кружкѣ. Прежде всего, она на виду.

— Ну, не скажите. Не особенно-то любятъ этотъ видъ солидные женихи.

— Отчего? Я вотъ давно уже подвизаюсь среди любителей на сценахъ и сколько прелестныхъ партій составилось на моихъ глазахъ. Про Фулаевыхъ вы слыхали? Богатые купцы. Ихъ дочь Вѣрочка въ прошломъ году играла также въ нашей труппѣ...

— Позвольте, позвольте,.. Что онъ это ей говоритъ? перебила Кринкину Дарья Терентьевна и даже заслонила свое ухо, чтобы лучше слышать, что происходитъ на сценѣ.

Дѣло въ томъ, что въ это время репетировали свою сцену Люба и Гуслинъ, а режисеръ Луковкинъ, стоя спиной къ рампѣ, кричалъ:

— Побольше лукавства, мадмуазель Биткова! Побольше лукавства! Вспомните, что вы играете хитрую субретку. Прошу повторить эту сцену.

И началось повтореніе. Дарья Терентьевна все ждала, что Любу ущипнутъ за щеку, какъ это она прочла въ роли дочери, но ничего подобнаго на сценѣ не произошло. Гуслинъ не протянулъ даже и руки къ щекѣ Любы.

— Какъ фамилія этого молодого человѣка? спросила Дарья Терентьевна у Кринкиной.

— Гуслинъ. Это начинающій адвокатъ.

— Дѣлишки-то есть-ли? Поди, безъ дѣлишекъ бѣдствуетъ?

— Ну, не скажу. Онъ занимается при какомъ-то

присяжномъ повѣренномъ и тотъ ему представляетъ практику.

— Ахъ, даже и не самъ по себѣ, а изъ чужихъ рукъ глядитъ! Такъ... Ну, вотъ вы сейчасъ говорили о партіи... Я не про свою дочь, а вообще... Какая ужъ тутъ партія!

— Да вѣдь всѣ съ малаго начинаютъ. Но онъ прекрасный молодой человѣкъ. Немножко фатоватъ, это за нимъ есть, но душа у него предобрая.

— Одной душою нынче не проживешь, отвѣчала Дарья Терентьевна.

— Ну, невѣста принесетъ капиталъ.

— Тѣ, которые за невѣстой даютъ капиталъ, тоже ищутъ, чтобы этотъ капиталъ къ другому капиталу приткнуть. Ну, а этотъ офицеръ-то что такое?

— Онъ режиссеръ нашъ, сказала Кринкина.

— Нѣтъ, я вообще. Богатый человѣкѣ или такъ?

— Кажется, что у него нѣтъ никакого состоянія. Вотъ у насъ въ труппѣ состоятельный человѣкъ,— Конинъ.

Кринкина кивнула по направленію къ столу, за которымъ сидѣлъ передъ бутылками Конинъ съ компаніей.

— Знаю я его, небрежно сказала Дарья Терентьевна.

Кринкина продолжала:

— Немножко онъ кутнуть любитъ, но душа у него предобрая.

— Даже и не немножко. Я его по Озеркамъ знаю. Онъ тамъ на дачѣ жилъ.

— Женится, перемѣнится, а быль молодцу не укоръ.

— Ну, ужъ этотъ наврядъ перемѣнится.

Въ это время Люба кончила репетировать и Плосковъ велъ ее подъ руку, приближаясь къ Дарьѣ Терентьевнѣ. Дарья Терентьевна опять сморщилась отъ неудовольствія и когда дочь съ Плосковымъ приблизилась къ ней, не утерпѣла и сказала:

— И чего это ты все подъ руку-то?... Будто одна ходить не можешь. Вѣдь здѣсь не балъ, не танцы какіе, а репетиція.

Плосковъ быстро оставилъ руку Любы, поклонился и отошелъ въ сторону. Люба хотѣла что-то сказать матери, но покосившись на Кринкину, только пошевелила губами и нахмурилась.

IX.

Что-жъ, домой теперь? спрашивала Любу Дарья Терентьевна, вообще сидѣвшая какъ-бы на иголкахъ, хмурая и на всѣхъ косо смотрѣвшая.

— Какъ домой! Что вы! Мнѣ еще нужно во второй пьесѣ репетировать, отвѣчала та.

— Нѣтъ, вы погодите. Мы еще будемъ чай пить, обратилась къ Дарьѣ Терентьевнѣ Кринкина.— Самое интересное, что у насъ есть, это то, что мы

пьемъ чай въ антрактѣ репетиціи. Тутъ у насъ соединяются всѣ въ одну семью и дѣлаются какъ-бы родными.

— Да вѣдь это вамъ интересно. Ну, а мнѣ-то что?

— Вы увидите, какъ у насъ всѣ сблизившись, какъ всѣ, какъ говорится, санъ-фасонъ.

— Сиди ты! Куда-же ты? крикнула Дарья Терентьевна на дочь, видя, что та хочетъ отойти отъ нея.

— Я, мамаша, только къ Машѣ Бекасовой. Надо поговорить насчетъ костюма въ пьесѣ.

— Какой у тебя костюмъ! Дали какую-то горничную играть.

— Ахъ, какая вы строгая мамаша! покачала головой Кринкина. — Дайте ей свободу, дайте ей походить. Чего вы боитесь! Вѣдь здѣсь все свои.

— Для васъ свои, а она-то вѣдь у васъ въ первый разъ играетъ. Ну, ступай, ступай, ужъ ежели такъ тебѣ надо къ Бекасовой, смилостивилась Дарья Терентьевна, обращаясь къ дочери.

Люба отошла. Кринкина постаралась какъ-нибудь занять Дарью Терентьевну и принялась ей разсказывать, какъ въ прошломъ году Фулаева, дочь одного купца, игравшая въ ихъ труппѣ, составила себѣ отличную партію, выйдя замужъ за одного инженера-технолога, тоже любителя.

— По веснѣ онъ получилъ прелестное мѣсто на желѣзной дорогѣ—тысячъ въ пять и они уѣхали служить въ провинцію, продолжала Кринкина.— Братъ вотъ этого гимназиста, что стоялъ давеча

около меня, былъ у нихъ въ Кіевѣ... Они поселились по мѣсту служенія въ Кіевѣ... и говоритъ, что живутъ, какъ магнаты. Потомъ еще въ прошломъ году у насъ составилась партія.

Дарья Терентьевна слушала внимательно, разговоръ пришелся по ней и отвлеклась отъ Любы.

А Люба въ это время сидѣла на сценѣ, въ кулисахъ, на бутафорскомъ диванѣ, вмѣстѣ съ Плосковымъ, и вела слѣдующій разговоръ:

— Что это съ вашей мамашей? спрашивалъ Плосковъ.—Удивительно, какая она непривѣтливая сегодня. Да и прошлый разъ, когда я у васъ былъ...

— Ахъ, оставьте, пожалуйста, не обращайте на нее вниманія. Это просто отъ невѣжественности. Ей не хочется, чтобы я играла, а я поставила на своемъ, дала отвѣтъ Люба.

— Но, пожалуй, она можетъ запретить вамъ играть передъ самымъ спектаклемъ.

— Ну, ужъ этого-то я никогда не послушаюсь.

— Какъ-бы сдѣлать, чтобы она хоть немножко глядѣла на меня поласковѣе?

— Она вотъ сердится, что я съ вами подъ-руку хожу. Не водите меня подъ-руку при ней, пожалуйста.

— Да позвольте... Что-жъ тутъ такого?

— Ну, вотъ не хочетъ. А все отъ дикости понятій. Привыкнетъ.

— Вы думаете? Было-бы печально, ежели-бы труппа лишилась васъ. Да и я-то... Знаете, я такъ привыкъ къ вамъ на дачѣ, такъ сжился съ вами на прогулкахъ, на танцовальныхъ вечерахъ въ

Озеркахъ, что тотъ интервалъ времени, который мнѣ пришлось провести послѣ переѣзда съ дачи, не видясь съ вами, повергъ меня даже въ какое-то уныніе.

— Ахъ, оставьте, пожалуйста, сказала Люба, вся вспыхнувъ, и прибавила: — Вотъ ежели-бы она услыхала эти слова!

— Да что-же я говорю? Я говорю только, что скучалъ безъ васъ, а скучалъ я ой-ой какъ! И вдругъ меня осѣнила мысль примазаться вотъ къ этой любительской труппѣ и пригласить васъ играть, чтобы опять видѣться съ вами, слышать вашъ пріятный голосокъ, чувствовать ваше...

— Не говорите, не говорите этого... Пожалуйста, не говорите... испуганно пробормотала Люба, потупившись.

— Это говорю не я, а мое сердце.

— Ежели вы будете такъ говорить, я уйду.

— Еще одинъ вопросъ. Ваша маменька, кажется, меня очень не любитъ?

— Да она всѣхъ молодыхъ людей не любитъ.

— Стало-быть, она прочитъ васъ замужъ за старика? Вѣдь когда-нибудь надо-же вамъ выдти замужъ?

— Богъ ее знаетъ! Она все говоритъ о какихъ-то солидныхъ людяхъ. Потомъ для нея... кто. богатъ, тотъ и солидный человѣкъ.

— Ну, это тоже понятія!..

— Дикія. Я сама знаю. Но что-жъ вы съ ней подѣлаете?

— А вашъ какой взглядъ?

— Что мнѣ богатство! Мы сами люди не бѣдные. У меня еще отъ бабушки есть семь тысячъ наслѣдства. Только, пожалуйста, не будемъ объ этомъ говорить. Бросьте.

— Еще одинъ вопросъ. А какъ вашъ папаша на это дѣло смотритъ?

— На какое?

— Да вотъ насчетъ жениховъ.

— Да вамъ зачѣмъ знать?

Плосковъ вздохнулъ и сдѣлалъ умильное лицо.

— Ежели спрашиваю, то, стало-быть, нужно. Ахъ, Любовь Андреевна, вы не можете себѣ представить, что со мной дѣлается, ежели я долго васъ не вижу! Вотъ, напримѣръ, послѣ переѣзда съ дачи... Я искалъ васъ въ церкви, на улицѣ, въ театрахъ, бродилъ мимо вашего дома,—наконецъ, меня осѣнила счастливая мысль, какъ войти къ вамъ и какъ устроить, чтобы намъ почаще видѣться.

Люба сидѣла, потупившись, перебирала фальборку своего платья и слушала молча. Наконецъ, она быстро сказала:

— Пойдемте... А то маменька меня искать начнетъ. Или нѣтъ, прибавила она. — Вы останьтесь здѣсь, а я одна въ зало пойду. Вы потомъ выйдите.

— Повинуюсь, ежели это необходимо... поклонился Плосковъ.

Люба вышла изъ-за кулисъ въ зрительную залу.

Тамъ Дарья Терентьевна давно уже искала ее и спрашивала всѣхъ, гдѣ дочь.

— Гдѣ это ты запропастилась! встрѣтила она

Любу.—Пошла съ Бекасовой разговаривать, а Бекасова здѣсь въ залѣ. Съ кѣмъ ты тамъ была? Опять должно быть съ нимъ... съ этимъ?..

— Да нѣтъ-же, нѣтъ. Я съ режиссеромъ говорила. Съ этимъ офицеромъ.

— Ну, что ты врешь, матка? Режисеръ все время на сценѣ стоялъ, а ты не вѣдь гдѣ скрывалась. Гдѣ этотъ самый, злосчастный-то? Какъ его?

Дарья Терентьевна спрашивала про Плоскова. Люба поняла и отвѣчала:

— Да почемъ-же я-то знаю!

Въ это время около режиссерскаго стола сгруппировалась цѣлая толпа актеровъ-любителей. Пріѣхалъ сынъ заводчика Корнева, который согласился играть роль Морковкина въ водевилѣ «Что имѣемъ— не хранимъ», и толпа окружила его. Къ Дарьѣ Терентьевнѣ подошла Кринкина и сказала:

— Давеча мы все говорили о женихахъ. Вотъ богатый женихъ... Корневъ.

— Да развѣ онъ здѣсь? спросила Дарья Терентьевна.

— Сейчасъ пріѣхалъ. И актеръ хорошій, и женихъ. Онъ будетъ у насъ играть въ водевилѣ.

Дарья Терентьевна оживилась.

— Надо поздороваться съ нимъ. Я знаю и его отца, и его мать. Всѣхъ ихъ знаю, заговорила она.— Пойдемъ, Люба... Ты вѣдь тоже его знаешь... Ты танцовала съ нимъ въ Коммерческомъ собраніи. Постой, я на тебѣ платье поправлю... Батюшки! Да у тебя спина въ чемъ-то бѣломъ...

— Это я должно быть на сценѣ какъ-нибудь о декорацію замаралась.

Дарья Терентьевна привела въ порядокъ платье дочери и направилась къ группѣ, среди которой стоялъ Корневъ.

X.

Алексѣй Захарычъ Корневъ былъ ужъ далеко не юноша. Ему было лѣтъ подъ тридцать. Онъ былъ брюнетъ, стригъ волосы подъ гребенку, носилъ круглые усы, загибающіеся кончиками около нижней губы, имѣлъ красноватое пятнами лицо и былъ одѣтъ въ клѣтчатую свѣтлую пиджачную пару англійскаго покроя. На жилетѣ его покоилась массивная золотая цѣпь съ компасомъ, съ машинкой для обрѣзки сигаръ и вообще съ кучею брелоковъ. Онъ былъ средняго роста, очень тощъ и симпатичнаго ничего изъ себя не представлялъ. Корневъ разсказывалъ компаніи, что въ мукосѣевскомъ кружкѣ, гдѣ онъ обыкновенно игралъ, тоже на-дняхъ идетъ спектакль и онъ исполняетъ роль Любима Торцова въ «Бѣдность не порокъ».

— Тамъ репетиціи и здѣсь репетиціи. Ужъ придутся репетиціи въ одно время, такъ не прогнѣвайтесь, туда поѣду, потому тамъ все-таки родное,

нашъ собственный кружокъ. Впрочемъ, у васъ-то я съ двухъ репетицій сыграю. Я ужъ игралъ эту роль, говорилъ онъ.

— Мосье Корневъ, здравствуйте... обратилась къ нему Дарья Терентьевна. Или не узнаете знакомыхъ?

— Какъ-же, какъ-же... Отлично помню... Мое почтеніе..

Онъ хотѣлъ назвать Дарья Терентьевну по имени и запнулся.

— А вы здѣсь что-же? Вы тоже развѣ?.. продолжалъ онъ.

— Да вотъ дочь играетъ. И не хотѣла отпускать, да такъ ужъ... Такъ я съ ней.

— Имѣю честь кланяться... расшаркался и передъ Любой Корневъ.—Какъ нынче въ купеческомъ-то кругу заиграли! прибавилъ онъ.—Рѣдкій домъ безъ актрисы. И кружковъ что этихъ развелось! Страсть. Это меня радуетъ.

— Да ужъ хорошо-ли это, полно? попробовала возразить Дарья Терентьевна.

— Отчего-же? Все-таки искусство, все-таки осмысленное занятіе. Такъ можно начинать? Можно репетировать? спросилъ онъ офицера.

— А вотъ только мы чаю напьемся, отвѣчалъ тотъ. Господа! пожалуйте къ столу.

На длинномъ официантскомъ столѣ, плохо освѣщенномъ двумя свѣчками, помѣщался большой самоваръ въ безпорядкѣ стояли стаканы на блюдечкахъ, лежали булки и соленыя мясныя закуски и сыръ, разложенные на бумагѣ, и высилась бутылка коньяку. Сахаръ также находился въ бумажномъ тюрюкѣ.

Около самовара стоялъ взъерошенный тщедушный деньщикъ офицера Луковкина. Всѣ стали присаживаться къ столу.

— Ну, что-жъ стоишь! Разливай чай-то! крикнулъ на деньщика Луковкинъ.

Тотъ принялся исполнять требумое.

— Стаканы-то перетеръ-ли?

— Протеръ, ваше благородіе.

Дарья Терентьевна, не отпуская отъ себя Любу, старалась усѣсться рядомъ съ Корневымъ, но это ей не удалось. Корневъ сѣлъ вмѣстѣ съ Конинымъ, съ толстой комической старухой Табаниной и къ нимъ присоединился Луковкинъ. Они тотчасъ взялись за коньякъ и рѣшили выпить по рюмкѣ «гольемъ».

— Знаете, когда сильная роль, я вотъ безъ этого зелья совсѣмъ играть не могу, сказалъ Корневъ, стукнувъ пальцами по бутылкѣ.

— Да и я тоже, отвѣчалъ Конинъ.—Перекалить не хорошо, а двѣ-три рюмки передъ выходомъ на сцену...

— Вотъ, вотъ... Толчокъ даетъ. На нервы дѣйствуетъ. Самъ чувствуешь, что лучше играешь. Да вотъ буду играть Любима Торцова,—ну, какъ въ третьемъ актѣ передъ драматической сценой не выпить?! Знаете это мѣсто: «Прочь съ дороги! Любимъ Торцовъ идетъ»! Комическая дама съ нами выпьетъ? обратился Корневъ къ толстой Табаниной.

— По малости потребляемъ, отвѣчала та съ улыбкой, цитируя слова изъ какой-то роли.

Дарья Терентьевна и дочь помѣстились черезъ

столъ, наискосокъ отъ Корнева и его компаніи Плосковъ на этотъ разъ ужъ не сѣлъ съ ними. Онъ былъ около Кринкиной на другомъ концѣ длиннаго стола, хотя и не спускалъ съ Любы глазъ, даже слегка перемигивался съ ней, когда Дарья Терентьевна отворачивалась. Кринкина замѣтила это и сказала ему:

— Кажется, вамъ очень нравится этотъ лакомый кусокъ...

— А что-же?.. Прекрасная дѣвушка... Прекрасное семейство... Мать только немножко того... отвѣчалъ Плосковъ.

— Да, она васъ что-то не особенно жалуетъ.

— И не понимаю, почему? пожалъ плечами Плосковъ.—Конечно, я человѣкъ маленькій...

— Ну, а тутъ ищутъ большихъ. Вонъ мать-то какъ въ Корнева впилась. Да нѣтъ, этого ужъ не поймаешь, этотъ оболтался,

— Какой онъ женихъ, если у него дама сердца съ цѣлымъ семействомъ въ сторонѣ.

— А развѣ есть?

— Да какъ-же... Это всѣ знаютъ. Вотъ погодите, въ спектаклѣ у насъ она навѣрное будетъ въ первомъ ряду креселъ сидѣть, и я тогда вамъ ее покажу. Она всегда бываетъ, когда Корневъ играетъ.

— Вы Любочкиной-то матери ее покажите. А сами не унывайте и дѣйствуйте. Терпѣніе все превозмогаетъ, сказала съ улыбкой Кринкина.—Вы мнѣ скажите откровенно, я другъ всѣхъ влюбленныхъ, вы влюблены въ мадемуазель Биткову?

— Да... Не скрою... Она мнѣ очень нравится, отвѣчалъ Плосковъ не вдругъ.

— И имѣете на нее серьезныя намѣренія?

— Хорошъ виноградъ да зеленъ.

— Хотите, я вамъ помогу?

— Готовъ за это въ ножки поклониться. Но какъ вы будете помогать?

— Надо дѣйствовать, дѣйствовать, дѣйствовать, не останавливаться ни передъ чѣмъ. Мужчина долженъ быть немножко нахаленъ.

— Да ужъ я и такъ, кажется...

— Предметъ-то вашей страсти самъ какъ на васъ смотритъ? допытывалась Кряквина.

— Да она, кажется, мнѣ симпатизируетъ, кажется, я ей нравлюсь.

— Надо влюбить въ себя. А когда дѣвушка полюбитъ...

— Мать-то у ней очень ужъ ко мнѣ не благоволитъ.

— Полюбитъ дѣвушка, такъ и мать съ ней ничего не подѣлаетъ.

— Не выдадутъ да и кончено.

— Пускай бѣжитъ. Увозите... Вѣнчайтесь тайно... Это даже такъ романтично. Ну, а я вамъ помогу, я вѣдь теперь ваша союзница.

— Вашими-бы устами да медъ пить.

— И будете пить, даю вамъ слово, если не станете дремать и будете умно дѣйствовать. Обвѣнчаетесь гдѣ-нибудь въ захолустьѣ, пріѣзжайте назадъ и старикамъ въ ноги... Небось, простятъ, вѣдь

вы не каторжный, находитесь на службѣ, а родительское сердце не камень.

Вмѣсто отвѣта Плосковъ только вздохнулъ.

Во время чаепитія Дарья Терентьевна тихо журила дочь и говорила ей:

— Дура ты, совсѣмъ дура. Ежели ужъ пошла въ спектаклѣ участвовать, то съ Корневымъ тебѣ въ одной пьесѣ слѣдовало-бы играть, а то играешь какую-то горничную, да и то не вѣдь съ кѣмъ.

— Въ той пьесѣ, гдѣ Корневъ играетъ, мнѣ роль не подходитъ, отвѣчала Люба.

— Вздоръ! Что такое значитъ—не подходитъ! Что ты настоящая актриса, что-ли!

— Да до сегодняшняго вечера неизвѣстно было, будетъ-ли еще Корневъ играть-то у насъ.

— А теперь, когда стало извѣстно, то и просись въ его пьесу.

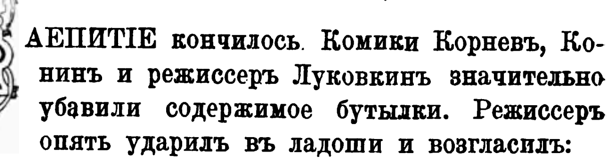
— Да нельзя этого...

— Отчего? Такъ, молъ, и такъ, а то играть не стану. А то вдругъ дали играть какую-то горничную! Погоди, можетъ-быть, я и сама скажу, дай только мнѣ пьесу посмотрѣть, въ которой Корневъ играетъ.

— Маменька, Бога ради, не дѣлайте этого! испуганно проговорила Люба.

— Ну, ужъ это мое дѣло, уклончиво отвѣчала Дарья Терентьевна.

XI.

ЧАЕПИТІЕ кончилось. Комики Корневъ, Konинъ и режиссеръ Луковкинъ значительно убавили содержимое бутылки. Режиссеръ опять ударилъ въ ладоши и возгласилъ:

— Занятыхъ въ водевилѣ «Что имѣемъ—не хранимъ» прошу на сцену!

Корневъ, Конинъ, Табанина, гимназистъ Дышловъ и какая-то худенькая, бѣлокурая дѣвица отправились на сцену. Конинъ, игравшій отставного военнаго Пѣтухова, еще на ходу запѣлъ во все горло изъ своей роли романсъ «Прощаюсь, ангелъ мой, съ тобою, прощаюсь съ счастіемъ моимъ»! Что, хорошо такъ будетъ? спросилъ онъ Корнева.

— По моему, ревѣть надо громче, отвѣчалъ тотъ.

— Да ужь я рявкну на спектаклѣ. Такъ рявкну, что люстра зазвенитъ.

Дарья Терентьевна внимательно слѣдила за репетиціей. Пьеса ей понравилась. Конинъ и Корневъ знали уже роли и играли на репетиціи, а не читали, да на самомъ дѣлѣ, они и какъ актеры были лучше другихъ. Комическая старуха Табанина также не отставала отъ нихъ, но гимназистъ Дышловъ, исполнявшій роль молодого живописца, и бѣлокурая дѣвица, игравшая роль его жены, путались, говорили сквозь зубы, становились къ зрителямъ спиной. Луковкинъ поправлялъ ихъ, останавливалъ, заставлялъ

повторять сцены, но выходило все-таки плохо. Въ довершеніе всего бѣлокурая дѣвица чуть не расплакалась, встрѣчая поминутно поправки режиссера, и заговорила:

— Нѣтъ, я такъ не могу... Помилуйте, вы меня останавливаете чуть не на каждомъ шагу! Вѣдь это-же не спектакль, а репетиція, на спектаклѣ я буду играть какъ слѣдуетъ, а теперь дайте-же мнѣ свободу.

— Однако-же невозможно, Анна Ивановна, оборачиваться къ публикѣ задомъ, вразумлялъ ее режиссеръ.

— Я это только теперь, а потомъ все будетъ какъ слѣдуетъ.

— Привыкнете, такъ и потомъ не будетъ какъ слѣдуетъ. И наконецъ, вы говорите себѣ подъ-носъ.

— Не кричать-же мнѣ на репетиціи во все горло!

— Просись за нее эту роль играть, просись! подталкивала Любу Дарья Тетентьевна, сидѣвшая вмѣстѣ съ дочерью въ первомъ ряду стульевъ.—Просись. По крайней мѣрѣ ты будешь все-таки въ хорошей компаніи: Въ этой пьесѣ участвуютъ и Корневъ, и Конинъ. А она, эта самая дѣвица, пусть твою роль беретъ.

— Не ловко, маменька... отвѣчала Люба.

— Отчего не ловко? Видишь, она капризится.

Бѣлокурая дѣвица, исполнявшая роль Софьи, дѣйствительно капризилась и даже ушла со сцены, отказываясь репетировать.

— Анна Ивановна! Да побойтесь вы Бога! Ну, что-жъ это такое! Вѣдь я-же по обязанности режис-

сера дѣлаю вамъ замѣчанія! воскликнулъ Луковкинъ и побѣжалъ за ней за кулисы.

— Пойдемъ къ режиссеру, пойдемъ! Она отказывается! теребила Дарья Терентьевна Любу за рукавъ.

— Да идите вы однѣ.

— А ты думаешь, не пойду? Пойду. Покажи только, гдѣ ходъ за кулисы. Мосье Корневъ! А мосье Корневъ! Скажите вашему господину офицеру, что моя дочь можетъ сыграть эту роль, ежели эта самая дѣвица отказывается. Люба отлично сыграетъ, обратилась Дарья Терентьевна къ стоящему на сценѣ Корневу.

— Погодите, можетъ быть, и уладится какъ-нибудь дѣло, сказалъ тотъ.

— Да чего тутъ улаживаться, ежели она капризится! Гдѣ господинъ офицеръ? Позовите ко мнѣ господина офицера.

Корневъ ушелъ за кулисы и вернулся съ Луковкинымъ. Тотъ подошелъ къ рампѣ.

— Ваше имя, отчество? освѣдомилась она у Луковкина.

— Михаилъ Иванычъ.

— Милѣйшій Михаилъ Иванычъ, да дайте эту роль дочери моей! Она отлично ее сыграетъ. Право отлично. А то вы ей дали какую-то горничную играть.

— Это мадамъ Биткова, отрекомендовалъ Дарью Терентьевну Корневъ Луковкину.

— Очень пріятно, расшаркался тотъ. — Я уже имѣлъ удовольствіе... Вы говорите про Любовь Андревну... Но вѣдь мы предложили ей роль горничной по способностямъ...

— Позвольте.. Какая-же можетъ быть такая особенная способность у воспитанной дѣвушки изъ хорошаго дома изображать горничныхъ? обидчиво произнесла Дарья Терентьевна. — Дочь моя въ горничныхъ не служила.

— Ахъ, Боже мой! Вы не такъ меня поняли. Чтобы сыграть роль горничной въ пьесѣ «Которая изъ двухъ» — нужна нѣкоторая бойкость. Пардонъ ежели я какъ-нибудь...

— Ну, хорошо, хорошо. Только дайте роль вотъ въ этой пьесѣ дочери.

— Съ удовольствіемъ-бы, но я все еще думаю, что Анна Ивановна согласится оставить эту роль за собой. Впрочемъ, позвольте, я ее сейчасъ спрошу категорически.

Режиссеръ вмѣстѣ съ Корневымъ удалились за кулисы. Тамъ произошелъ громогласный разговоръ, закончившійся возгласомъ бѣлокурой дѣвицы «хоть вы меня озолотите, такъ играть не буду»! Послѣ этого возгласа бѣлокурая дѣвица поспѣшно выскочила изъ-за кулисъ въ зрительную залу и быстро направилась къ сидѣвшей у чайнаго стола Кринкиной, которой и начала жаловаться на режиссера. Режиссеръ опять показался на сценѣ и, подойдя къ рампѣ, сказалъ Дарьѣ Терентьевнѣ.

— Намъ будетъ очень пріятно, ежели Любовь Андревна возьметъ на себя роль Софьи, отъ которой отказалась сейчасъ Анна Ивановна, но мы попросимъ Любовь Андревну не оставлять и роль горничной въ «Которая изъ двухъ».

— Ахъ, ты, Господи! Да неужели у васъ другихъ-то актрисъ нѣтъ на роль горничной!

— И такъ у всѣхъ по двѣ роли. Вѣдь мы четыре пьесы ставимъ.

Подошла и Люба къ матери.

— Ахъ, маменька, и зачѣмъ только вы такой переполохъ дѣлаете! произнесла она съ упрекомъ.

— Да вѣдь тебѣ хочется хорошую роль съиграть, хочется. Сама-же ты мнѣ говорила, отвѣчала Дарья Терентьевна.

— Полноте выдумывать! Это вы сами...

Режиссеръ недоумѣвалъ.

— Желаете вы, Любовь Андреевна, взять на себя роль Софьи въ пьесѣ «Что имѣемъ — не хранимъ»? спросилъ онъ Любу.

— Пожалуй... замялась та. — Но вѣдь тогда у меня будутъ три роли.

— Отъ маленькой роли изъ пьесы «На пескахъ» мы васъ избавимъ, не отказывайтесь только отъ роли горничной въ «Которая изъ двухъ»? упрашивалъ режиссеръ.—При вашей бойкости эта роль выйдетъ у васъ прелестно.

— Да я вовсе и не отказываюсь. Это маменька...

— Ну, вотъ и отлично. Пожалуйте на сцену и прорепетируйте роль Софьи хоть по тетрадкѣ.

— Иди скорѣй! торопила ее Дарья Терентьевна. Люба отправилась на сцену. Изъ-за кулисъ въ зрительную залу выбѣжалъ Корневъ, встрѣтилъ Любу, подалъ ей руку и повелъ репетировать. Дарья Терентьевна торжествовала.

XII.

Обстоятельство, что Люба будетъ играть въ одной пьесѣ съ сыномъ извѣстнаго богача Корнева, примирило Дарью Терентьевну съ участіемъ Любы въ спектаклѣ. Люба читала роль по тетрадкѣ, Корневъ, какъ уже знавшій пьесу, показывалъ ей мѣста на сценѣ и вообще былъ къ ней внимателенъ.

«Вотъ теперь авось что-нибудь и выйдетъ путное для дѣвушки изъ этого спектакля, а то стоитъ-ли невѣдь съ кѣмъ зря играть!» думала Дарья Терентьевна.

— Ужъ вы, пожалуйста, Алексѣй Захарычъ, займитесь ею и поучите ее на слѣдующихъ репетиціяхъ, вы такой прекрасный опытный актеръ, говорила она Корневу про дочь.

— Всенепремѣнно, всенепремѣнно. Этотъ водевиль долженъ идти у насъ безъ сучка и безъ задоринки, отвѣчалъ Корневъ.—Любовничекъ-то только у насъ плоховатъ... подмигнулъ онъ на гимназиста Дышлова.—Ну, да мы его какъ-нибудь вымуштруемъ.

— Нельзя-ли Плоскова на его мѣсто, Виталія Петровича? Тотъ, право, будетъ лучше, вставила свое слово Люба, но, взглянувъ на мать, вспомнила ея антипатію къ Плоскову, спохватилась и отвернулась, чтобы не видать ея взора.

— А что вы думаете! воскликнулъ режиссеръ Луковкинъ.— Вѣдь въ самомъ дѣлѣ пьеса-то черезъ это выиграетъ. Плосковъ все-таки бойчѣе Дышлова.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! запротестовала Дарья Терентьевна. — Пускай ужъ лучше гимназистъ играетъ. Что она говоритъ! Она говоритъ пустяки, а вы ее слушаете.

— Позвольте, но отчего-же?.. Гимназистъ не останется безъ роли. Мы ему дадимъ роль въ сценахъ «На Пескахъ», которую долженъ играть Плосковъ, поддерживалъ режиссеръ.

— Кто это такой Плосковъ? спросилъ Корневъ.

— А это тутъ одинъ банковскій служащій, сдѣлала гримасу Дарья Терентьевна. — Да нѣтъ, я не согласна, чтобы Плосковъ игралъ съ моей дочерью, не согласна. Что это такое! Говорятъ, это какой-то путанникъ... Нѣтъ, нѣтъ...

— Маменька... Но какъ можно такъ про тѣхъ людей говорить, которыхъ вы не знаете, вступилась дочь.

— Молчи. Нѣтъ, нѣтъ, я не согласна.

— Но вѣдь Плосковъ все равно будетъ-же со мной играть въ пьесѣ «На Пескахъ».

— А ужъ эту самую роль «На Пескахъ» ты теперь брось. Будетъ тебѣ и двухъ ролей.

— Отъ пьесы «На Пескахъ» мы, пожалуй, васъ теперь освободимъ. Надо-жъ намъ и Аннѣ Ивановнѣ дать что-нибудь сыграть, сказалъ режиссеръ, кивая по направленію къ бѣлокурой дѣвицѣ, сидѣвшей вмѣстѣ съ Кринкиной около чайнаго стола.

Люба закусила губку. Плосковъ ей нравился и ей было пріятно играть съ нимъ въ одной пьесѣ.

— Такъ какъ-же: гимназистъ будетъ съ нами въ «Что имѣемъ — не хранимъ» играть или этотъ самый... Плосковъ? спросилъ Корневъ.—Надо-же это рѣшить.

— Знаете что? Пусть ужъ лучше гимназистъ играетъ. Плосковъ былъ-бы лучше, это вѣрно, но за гимназиста можетъ Лариса Павловна Кринкина обидѣться. Это ея протеже... рѣшилъ режиссеръ.

— Ну, пусть гимназистъ играетъ. Вышколимъ его, сказалъ Корневъ.

Послѣ репетиціи «Что имѣемъ — не хранимъ» Дарья Терентьевна и Люба стали уходить домой. Къ нимъ подскочилъ Плосковъ.

— Куда-жъ вы, Любовь Андреевна? Вѣдь мы еще «На Пескахъ» не репетировали, заговорилъ онъ.

— Въ пьесѣ «На Пескахъ» я не играю. У меня взяли эту роль, отвѣтила Люба, бросая на Плоскова взглядъ, какъ-бы говорящій «не моя вина, ничего не подѣлаешь».

— Да что вы! Какъ-же это такъ? А я такъ былъ радъ, что играю съ вами въ одной пьесѣ.

— Мало-ли что были рады! Люба теперь играетъ въ другомъ водевилѣ, гдѣ роль лучше.

— Ну, дѣлать нечего... пожалъ плечами Плосковъ, и когда Дарья Терентьевна и Люба, простившись со всѣми участвующими въ спектаклѣ, отправились одѣваться въ прихожую, пошелъ ихъ провожать туда.

Въ прихожей Плосковъ суетился около нихъ, старался укутать Любу, подалъ Дарьѣ Терентьевнѣ калоши и просилъ даже позволить надѣть ихъ ей, но та наотрѣзъ отказала ему въ этомъ, говоря:

— Да что вы, лакей, что-ли? Нѣтъ, нѣтъ, я сама..

— До послѣзавтра, Любовь Андреевна? крикнулъ Плосковъ Любѣ, когда та уже уходила на улицу.— Послѣзавтра вѣдь у насъ опять репетиція.

Люба обернулась и хотѣла что-то сказать Плоскову, но мать пихнула ее въ спину и сказала:

— Иди, иди,—не наговорилась еще. Ну, человѣчекъ нахальный! Вотъ ужъ въ душу-то влѣзаетъ! произнесла она про Плоскова, когда онѣ вышли на улицу.—Да ладно, влѣзай или не влѣзай ко мнѣ въ душу—все равно отъ меня тебѣ ничего не очистится. Нахалъ!

— Господи Боже мой! Вы даже простую услужливость учтиваго молодаго человѣка считаете за нахальство! вздохнула Люба.

— Не защищай, не защищай! Никогда тебѣ его не защитить.

Вернувшись съ дочерью домой, Дарья Терентьевна нашла и мужа дома. Онъ только-что вернулся изъ коммерческаго собранія, гдѣ игралъ въ винтъ.

— Ну, что? Какой тамъ народъ въ этомъ самомъ спектаклѣ играетъ? спросилъ онъ жену.

— Всякій. Кто съ бугорковъ, кто съ горокъ, но между ними и Корневъ.

— Корневъ? переспросилъ Андрей Иванычъ.— Ну, значитъ, всѣ Мукосѣевы будутъ на спектаклѣ,

а будутъ Мукосѣевы, такъ пріѣдутъ и Ячменниковы, Аладьевы тоже будутъ. Они всегда компаніей ѣздятъ. Общество, стало, будетъ хорошее.

— Только изъ-за Корнева и позволяю Любѣ играть, а то увезла-бы ее съ половины репетиціи и ужъ больше никогда-бы ее туда не пустила. Ты знаешь, Андрей Иванычъ, я устроила такъ, что она въ одной пьесѣ съ Корневымъ играетъ.

— Да что ты!

— Ей-ей... И Корневъ былъ такъ съ ней любезенъ, водилъ ее подъ-руку, училъ, какъ нужно играть роль. Очень, очень былъ къ ней внимателенъ.

— Ну, что-жъ... Это хорошо.

— Что-жъ тутъ хорошаго? Вотъ ужъ совсѣмъ не интересенъ, отвѣчала Люба.

— Корневъ-то не интересенъ? Хе-хе-хе... засмѣялся Андрей Иванычъ.—У отца его нѣсколько милліоновъ состоянія, а ты: не интересенъ!

— И вотъ она все такъ... подхватила Дарья Терентьевна. — Какой-нибудь голоштанный банковскій чиновничишко, въ родѣ этого Плоскова, такъ она—та-та-та, такъ передъ нимъ и лебезитъ, этотъ ей интересенъ, а про Корнева смѣетъ говорить, что онъ не интересенъ.

— Да вѣдь вы говорите про милліоны, а я про человѣка.

— Молчи. Дура и ничего не понимаешь. Конечно-же, тутъ ничего не можетъ быть серьезнаго съ Корневымъ, я объ этомъ и не думаю, но, все-таки, когда ты съ нимъ въ компаніи, ты на виду, да и вообще

пріятнѣе быть въ аристократическомъ купеческомъ обществѣ, чѣмъ, Богъ знаетъ, среди кого.

— Вѣрно, вѣрно... прибавилъ Андрей Иванычъ.— Мукосѣевы, Ячменниковы, Аладьевы, — всѣ они тоже актерствуютъ. А это, матушка, биржевые тузы. Познакомишься съ ними черезъ Корнева и тогда они могутъ перетянуть тебя въ ихъ кружокъ. А въ ихъ любительскомъ кружкѣ будешь играть, такъ это ужъ совсѣмъ хорошо.

— Да почему хорошо-то, почему? приставала Люба къ отцу.

— А ежели ужъ ты такъ глупа, что и этого не понимаешь, то ступай спать! строго сказала Дарья Терентьевна дочери и, въ свою очередь, отправилась въ свою спальню раздѣваться.

Андрей Иванычъ шелъ сзади Дарьи Терентьевны и бормоталъ:

— Все она отлично понимаетъ, а только любитъ поюродствовать и попротиворѣчить.

XIII.

НА ВТОРУЮ репетицію спектакля Дарья Терентьевна не поѣхала, у ней болѣла голова, а Любу отпустила одну, хотя и скрѣпя сердце и съ приличными наставленіями.

— Ну, поѣзжай, сказала она.—Только Бога ради будь подальше отъ этого Плоскова. Ну, что онъ тебѣ!

— Да вѣдь нельзя-же, маменька, бѣжать отъ человѣка, какъ отъ чумы, ежели онъ въ одномъ со мной спектаклѣ играетъ. Такой-же актеръ-любитель, какъ и я, отвѣчала Люба.

— Бѣгать тебя никто отъ него не заставляетъ, а вѣдь у васъ сейчасъ какія-то хожденія подъ-руку начинаются. Просто удаляйся отъ него.

— Я не понимаю, что вы находите худаго въ хожденіи подъ руку.

— А то, что это не балъ. Дѣвушка не должна быть наединѣ съ мужчиной и не должна съ нимъ перешептываться.

— Однако-же, когда Корневъ взялъ меня подъ руку, вы ничего про это не говорили.

— Корневъ и Плосковъ! Вѣдь это-же, я думаю, мать моя, ты сама знаешь, что такая разница, какъ небо и земля. Впрочемъ, ежели ты такъ будешь говорить, то я тебя и совсѣмъ не пущу на репетицію. Оставайся дома!

— Да я что-же?.. Я ничего не говорю... смущенно проборматала Люба.

— Дай мнѣ слово, что ты не будешь съ этимъ Плосковымъ наединѣ...

Люба пожала плечами и отвѣчала:

— Ну, хорошо... Ну, извольте...

Любѣ дали кучера. Она поѣхала на репетицію безъ сопровожденія горничной, но на своей лошади... Провожая Любу, Дарья Терентьевна опять сказала:

— Да не засиживайся тамъ на репетиціи, а скорѣй домой... Ты даже вотъ что... Ты попроси этого офицера, чтобы ваши пьесы первыми отрепетиро-

вали. Кончишь репетицію и поѣзжай домой. Лучше всего скажи объ этомъ Корневу. Онъ устроитъ.

— Да хорошо, хорошо.

Какъ изъ тюрьмы выскочила изъ дома Люба. Чувство, что она ѣдетъ на репетицію одна, что за ней не будутъ слѣдить, наполняло ея сердце довольствомъ. Когда она пріѣхала на репетицію, актеры опять были уже всѣ въ сборѣ. Быть въ своемъ любительско-актерскомъ кружкѣ имъ очень нравилось и они собрались далеко еще ранѣе назначеннаго часа. Когда Люба только еще вошла въ зало, къ ней тотчасъ же двинулась на встрѣчу Кринкина. Вѣчно находящійся при ней гимназистъ Дышловъ пошелъ было за ней, но она отогнала его отъ себя, что Люба очень явственно видѣла.

— Здраствуйте, душечка, привѣтствовала Любу Кринкина и разцѣловала ее, не снимая съ носа золотаго пенснэ.—Сегодня вы безъ maman? Ну, это, знаете, даже и лучше. Вообще эти maman на репетиціи какъ-то лишнія. Онѣ стѣсняютъ все общество и ужъ тогда настоящаго неподдѣльнаго веселья среди любителей не бываетъ. Вы не обидьтесь, что я вамъ такъ прямо про это говорю, но я всегда откровенна. Пойдемте... Сейчасъ можно и «Которая изъ двухъ» начать репетировать.

Онѣ стали подвигаться къ режиссерскому столу, за которымъ сидѣлъ Луковкинъ.

— Кого вы ищете глазами?—спросила Кринкина Любу, улыбаясь.—Не ищите, его нѣтъ здѣсь. То есть онъ былъ, но ушелъ и скоро опять придетъ.

— Я никого не ищу... смущенно проговорила Люба.

— Не притворяйтесь. Никто такъ легко не угадываетъ, что творится въ сердцахъ влюбленныхъ, какъ я. Это ужъ моя особенность. Вы ищете мосье Плоскова, но мосье Плосковъ пошелъ покупать колбасу, ветчину и сыръ къ чаю. Сегодня его очередь угощать насъ. Впрочемъ, онъ сейчасъ вернется. Ахъ, нужно было видѣть, какъ онъ ожидалъ у входа вашего прибытія! Но мы, жестокосердныя, послали его въ колбасную лавку за провіантомъ къ чаю. Ожидая васъ, онъ какъ основу сновалъ около входной двери, какъ маятникъ стѣнныхъ часовъ мотался. О, любовь великое дѣло!

Слушая эти слова, Люба покраснѣла и потупилась. Сердечко ея билось усиленно.

— Михаилъ Иванычъ! Вотъ и Любовь Андреевна пріѣхала. Пьесу «Которая изъ двухъ» можно начинать, обратилась Кринкина къ режиссеру.

— Какъ-же, какъ-же... Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, засуетился Луковкинъ, поздоровался съ Любой и захлопалъ въ ладоши, сзывая участвующихъ на сцену.

— А Корнева нѣтъ? спросила Люба.

— Не пріѣхалъ. Онъ предупредилъ, что пріѣдетъ поздно. У нихъ въ Мукосѣевскомъ кружкѣ сегодня своя репетиція, такъ онъ пріѣдетъ къ намъ послѣ той репетиціи.

— Ахъ, какъ это жаль! А я хотѣла васъ просить чтобы вы тѣ двѣ пьесы, гдѣ я участвую, репетировали первыми. Мнѣ нужно сегодня быть дома пораньше, у насъ гости, соврала Люба.

— Не задержимъ, не задержимъ. Какъ только

Корневъ пріѣдетъ—сейчасъ и водевиль «Что имѣемъ не хранимъ» репетировать начнемъ.

Вскорѣ явился Плосковъ. Люба увидѣла его въ то время, когда репетировала на сценѣ. Онъ стоялъ передъ сценой и кланялся Любѣ. Она улыбнулась и также закивала ему. Онъ тотчасъ-же пришелъ за кулисы и когда Люба въ антрактѣ между своими сценами вышла также за кулисы, подскочилъ къ ней.

— Безъ мамаши сегодня? Вотъ такъ-то лучше. началъ онъ, взявъ Любу за руку, не выпуская ея руки, осмотрѣлся по сторонамъ и тихо поднесъ ее къ своимъ губамъ.

— Что вы дѣлаете! попробовала Люба отдернуть свою руку, но онъ уже поцѣловалъ руку.

— Скажите, за что ваша мамаша такъ не любитъ меня? Неужели за то, что я не богатъ, какъ Корневъ, что я служащій банковскій конторщикъ? спросилъ онъ.

— Да она не не любитъ васъ, а просто такъ... отвѣчала смущенно Люба.—Она вотъ не хочетъ, чтобы вы ходили со мной подъ руку.

— Да вѣдь это-же принято. Нѣтъ, тутъ не то. Она не любитъ меня за то, что я конторщикъ, но вѣдь и конторщики разные бываютъ. Я стою на хорошей дорогѣ, имѣю въ годъ тысячъ до пяти заработка и послѣ новаго года разсчитываю на повышеніе по службѣ. Вы знаете, у насъ въ банкѣ есть служащіе съ окладомъ въ семь, восемь, девять тысячъ.

— Я не понимаю, зачѣмъ вы это мнѣ говорите... все еще смущенно произнесла Люба.

Въ это время режиссеръ крикнулъ на сценѣ:

— Мадмуазель Биткова! Гдѣ вы? Вашъ выходъ. Пожалуйте на сцену!

Люба выпорхнула изъ-за кулисъ. Проведя свою сцену, она опять вернулась въ кулисы. Плосковъ стоялъ все еще тамъ, около газоваго рожка.

— Вы давеча спросили меня, зачѣмъ я это все говорю, зачѣмъ говорю о моемъ общественномъ положеніи, началъ онъ.—Затѣмъ, Любовь Андреевна, что вы нравитесь мнѣ, что я имѣю серьезныя намѣренія. Я люблю васъ, Любовь Андреевна.

Онъ сложилъ руки пальцы въ пальцы, вывернулъ ихъ и опустилъ къ колѣнамъ. Въ такомъ положеніи онъ стоялъ молча. Молчала и Люба, вся вспыхнувъ.

— Мадмуель Биткова! Что-же это такое? Опять ваша сцена! снова раздался голосъ режиссера.

Люба опять выпорхнула на сцену, что-то заговорила, но спуталась. Суфлеръ громко «подавалъ» ей фразы, но она ихъ не слышала.

— Надо эту сцену сначала... надо сначала... говорилъ режиссеръ.—Начнемъ сначала.

Начали сцену вновь, но у Любы опять ничего не выходило. Она становилась не туда, говорила не то.

— Что съ вами, Любовь Андреевна? спрашивалъ режиссеръ.—Вы сегодня какая-то разсѣянная.

— Да... У меня сегодня ужасно голова болитъ.

Репетицію пьесы кончили. Люба опять вышла въ кулисы. Высыпали туда-же со сцены и другіе участвующіе въ пьесѣ. Плосковъ также все еще былъ въ кулисахъ.

— Пойдемте въ зрительное зало и сядемъ гдѣ-

нибудь подальше. Я долженъ докончить начатое объясненіе, сказалъ Плосковъ и подалъ Любѣ руку.

— Нѣтъ, нѣтъ. Я дала маменькѣ слово, что ни съ кѣмъ не буду ходить сегодня подъ-руку, отстранила Люба его руку.

— Но вѣдь вашей маменьки здѣсь нѣтъ и она не увидитъ.

— Все равно. Пойдемъ такъ.

Люба стала уходить изъ-за кулисъ въ зрительную залу. Плосковъ шелъ за ней сзади. Въ залѣ онъ сравнялся съ ней и пошелъ рядомъ.

— Куда-нибудь подальше пойдемте... Вотъ хоть въ тотъ дальній уголъ. Тамъ мы будемъ на единѣ... шепталъ онъ.

XIV.

ПЛОСКОВЪ велъ Любу въ отдаленный темный уголъ зрительной залы. Пробирались они медленно, шагъ за шагомъ. Имъ пришлось проходить мимо Кринкиной, сидѣвшей рядомъ съ своимъ постояннымъ кавалеромъ гимназистомъ Дышловымъ. Дышловъ въ это время держалъ передъ ней открытую коробку съ конфектами и она брала изъ нея щипчиками какую-то шоколадинку. Завидя Плоскова и Любу, Кринкина умильно взглянула на нихъ сквозь пенснэ и произнесла:

— Голубки, совсѣмъ голубки... Не хотите-ли, голубки, вы полакомиться?

— Мерси... проговорила Люба, отрицательно покачавъ головой.—Что-то не хочется.

Поблагодарилъ и Плосковъ. Кринкина продолжала:

— Впрочемъ, идите, идите. Не буду прерывать вашего пріятнаго теть-а-теть... Воркующимъ голубкамъ созерцаніе другъ друга замѣняетъ все.

— Видите, Виталій Петровичъ, что уже объ насъ говорятъ, шепнула Плоскову Люба, когда они оставили за собой Кринкину и Дышлова.

— А пускай говорятъ. Что-жъ изъ этого? Въ моихъ къ вамъ чувствахъ я не скрываюсь.

— А надо скрываться, потому ежели это дойдетъ до маменьки, она не позволитъ мнѣ и въ спектаклѣ играть.

— Но вѣдь и нужно-же, чтобы когда-нибудь дошло, замѣтилъ Плосковъ.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ. Это невозможно. Увѣряю, васъ, что тогда конецъ моему актерству и вы перестанете меня видѣть.

Плосковъ и Люба пришли въ уголъ зала.

— Сядемте, Любовь Андреевна, сказалъ онъ.

— Зачѣмъ-же мы будемъ здѣсь-то сидѣть? Пойдемте лучше туда, гдѣ всѣ, отвѣчала она, однако сѣла.

Плосковъ помолчалъ и сказалъ:

— Я, Любовь Андревна, уже открылъ вамъ свои чувства, но еще не знаю, скрѣплены-ли они взаимностью. Любите-ли вы меня, Любовь Андревна?

Люба отвѣчала не вдругъ.

— Можетъ быть и люблю, но вѣдь ничего изъ этого не выдетъ... пробормотала она.

— Я съ серьезными намѣреніями. Я хочу просить вашей руки.

— И ни къ чему это не поведетъ. Маменька и такъ-то рветъ и мечетъ, когда я съ вами.

— Но я хотѣлъ поговорить съ вашимъ папашей, открыться ему. Онъ, кажется, человѣкъ разсудительный и съ сердцемъ.

— И маменька съ сердцемъ, но она ищетъ мнѣ жениха богатаго.

— Позвольте... Но вѣдь и я-же не бѣденъ. Я уже говорилъ вамъ объ этомъ. На свое жалованье я живу прилично, вы будете жить прилично на ваше приданое. Вотъ это-то я и хочу при объясненіи высказать вашему папашѣ. Я упаду ему въ ноги, буду молить, чтобы онъ уговорилъ вашу мамашу.

— Во-первыхъ, онъ уговаривать не станетъ, а во-вторыхъ, нашу мамашу и уговорить нельзя. Вы не знаете мою мамашу. Нѣтъ, нѣтъ, вы этого не дѣлайте!

— Но Боже мой, что-же я долженъ тогда предпринять! Я жить безъ васъ не могу.

— Погодите. Просто погодите.

— Но что-же можетъ выйти хорошаго, ежели я буду ждать.

— Можетъ быть что-нибудь и выдетъ.

— Вы сами-то, Любовь Андреевна, готовы выйти за меня замужъ? допытывался Плосковъ.

— Конечно-же, да, но что-же дѣлать, ежели это невозможно!

Плесковъ помолчалъ и сказалъ:

— Попробуемте все-таки обратиться къ сердцу вашихъ родителей. Упадемте имъ въ ноги, будемъ просить, молить.

— Васъ выгонять изъ нашего дома, а меня никуда одну пускать не будутъ.

— Но вѣдь это-же ужасно.

— Потому я васъ и останавливаю, что будетъ ужасно.

Плесковъ опять помолчалъ и спросилъ:

— А обвѣнчаться тайно отъ папаши и мамаши?..

— Что вы, что вы! Да развѣ это можно?! испуганно заговорила Люба.

— Отчего-же?.. Вѣдь люди это иногда дѣлаютъ.

— Нѣтъ, нѣтъ... Оставьте.

— Да вѣдь я говорю, что это въ крайнемъ случаѣ. Есть люди, которые намъ въ этомъ помогутъ. Смотрите, какая милая женщина Кринкина... Она съ удовольствіемъ поможетъ. Вы поѣдете какъ будто-бы на репетицію, а я ужь буду ждать. Встрѣчу васъ и прямо въ церковь... Мои пріятели будутъ свидѣтелями. Нужно только ваше метрическое свидѣтельство. Метрическое свидѣтельство вы можете достать?

— Лучше и не говорите объ этомъ.

— Стало быть ваша любовь ко мнѣ не сильна. А я-то какъ васъ люблю!

— И я васъ люблю. Но вѣдь это-же будетъ скандалъ! Господи Боже мой! Да я и представить себѣ не могу, что это будетъ!

— Ничего не будетъ. Отъ вѣнца мы прямо къ вашимъ родителямъ, упадемъ имъ въ ноги... Великихъ преступниковъ прощаютъ, а не только что дѣвушекъ, которыя вышли замужъ по влеченію сердца, но противъ воли родителей. А что до скандала, то нѣтъ такого скандала, который-бы не забывался. Подумайте, Любинька... Надѣюсь, вы мнѣ теперь позволите такъ васъ называть?

— И думать не смѣю. Вѣдь это ужасъ что такое!

Люба сидѣла потупившись, перебирала платокъ и говорила:

— Не простятъ, не простятъ. Какъ возможно простить. Вы не знаете папеньку съ маменькой.

— Сейчасъ послѣ вѣнца не простятъ, такъ потомъ простятъ, стоялъ на своемъ Плосковъ.—Метрическое свидѣтельство ваше гдѣ хранится?

— Конечно-же у папеньки.

— А взять вы его не можете?

— Какъ взять? Украсть? Да что вы!

— Не украсть, а просто взять. Какая-же это кража, если вы свое берете!

— Нѣтъ, нѣтъ. Не будемъ говорить объ этомъ.

— Ну, тогда копію съ метрическаго свидѣтельства добудемъ. Я знаю, что были случаи, когда и по копіи съ метрическаго свидѣтельства вѣнчали. Вы вѣдь знаете, въ какомъ приходѣ вы крещены?

— Конечно-же знаю... Только все это невозможно!.. Оставьте все это.

— Зачѣмъ оставлять? Надо дѣйствовать. Вы, какъ совершеннолѣтняя дѣвушка, попросите себѣ копію съ метрическаго свидѣтельства. Я обращусь къ одному

знакомому адвокату и спрошу его, какъ надо это сдѣлать на законномъ основаніи.

— Бога ради, оставьте, Виталій Петровичъ...

— Само собой разумѣется, что вѣнчаться тайно, мы будемъ только тогда, когда испробуемъ всѣ другія средства и ваши родители будутъ неумолимы.

— Не могу я этого, ни за что не могу... Все равно не могу.

— Тогда гдѣ-же ваша любовь послѣ этого! воскликнулъ Плосковъ.

— Не попрекайте... Но, ей-ей, не могу. Погодите, дайте подумать, дайте сообразить.

— Хорошо, думайте, соображайте, а я буду страдать.

Плосковъ тяжело вздохнулъ, взялъ Любу за руку, крѣпко сжалъ руку и прошепталъ:

— Ангелъ мой! Ежели-бы ты могла заглянуть въ мою душу, ты увидѣла-бы, какъ любитъ тебя Виталій, какъ глубоко страдаетъ онъ, и пожалѣла-бы его!

— Да я и то жалѣю... тихо пробормотала Люба.

У чайнаго стола гремѣли стаканами.

— Воркующіе голубки! Чай пить... кричала Кринкина Любѣ и Плоскову.

XV.

Корнева долго ждали, но онъ на репетиціи такъ и не былъ, приславъ въ концѣ вечера записку съ извиненіемъ, что не можетъ пріѣхать по случаю затянувшейся репетиціи въ Мукосѣевскомъ кружкѣ. «Что имѣемъ— не хранимъ» такъ и не репетировали въ этотъ вечеръ, отложивъ до слѣдующаго вечера.

— Просто запутался, сказалъ про Корнева Конинъ.—Вѣдь я знаю мукосѣевскія репетиціи. Тамъ цѣлыя пиршества устраиваются, жженки изъ кирш-вассера варятъ, крюшоны уничтожаютъ.

Режиссеръ Луковкинъ тотчасъ-же отпустилъ Любу домой. Плосковъ бросился ее провожать, но она остановила его.

— Бога ради не дѣлайте этого, сказала Люба.— Я сегодня на своей лошади. У меня у подъѣзда кучеръ.

— Но я только до кучера.

— И до кучера не надо. Вы думаете, маменька не станетъ завтра разспрашивать кучера, провожали-ли вы меня? Непремѣнно станетъ спрашивать. Вы не знаете, какая она хитрая!

— Тогда я только до прихожей.

На темно освѣщенной лѣстницѣ Плосковъ осмотрѣлся и, видя, что никого нѣтъ, схватилъ Любу

въ объятія и сталъ цѣловать. Онъ цѣловалъ ее въ лицо, въ шею, въ руки.

— Что вы, что вы... Насъ могутъ увидѣть, шептала Люба, но не отбивалась.

— Будешь моею, во что-бы то ни стало будешь, иначе я покончу съ собой! говорилъ онъ.

Смущенная, вся раскраснѣвшаяся, поѣхала Люба домой.

«Что-то будетъ? Что-то изъ всего этого будетъ?» думалось ей. «Ну, да пускай что будетъ, то будетъ, а все-таки онъ меня очень любитъ!» рѣшила она и на душѣ ея сдѣлалось радостно, пріятно.

Весело поднялась она по лѣстницѣ до своей квартиры, впорхнула въ прихожую, быстро раздѣлась и пошла въ комнаты. Въ гостиной уже ждала ее мать.

— Ну, что—былъ Корневъ на репетиціи? спросила она.

— Былъ, мамочка, былъ, соврала Люба, нѣсколько замявшись.

— Ну, какъ онъ съ тобой?

— Да какъ?.. Ничего... Очень любезенъ... Разговаривали.

— О чемъ? допытывалась Дарья Терентьевна.

— Да объ разномъ. Училъ онъ меня, какъ играть роль.

— Ты-то будь съ нимъ только полюбезнѣе. А другого разговора у тебя съ нимъ не было?

— Какой-же можетъ быть другой разговоръ?

— Не притворяйся дурой. Ну, да все равно.

Не провожалъ онъ тебя до прихожей? Не помогалъ одѣвать пальто?

— Нѣтъ, мамаша, этого не было.

— А тотъ? Этотъ... Какъ его? Ну, вотъ этотъ...

— Вы про Плоскова должно быть? Тоже не провожалъ. Вѣдь вы-же запретили. Съ Плосковымъ-то я только здравствуй да прощай. Некогда было и разговаривать.

— Ой, врешь!

— Да что-жъ мнѣ врать-то!

— Мнѣ думается, что онъ тебя даже и до дома провожалъ. Смотри, вѣдь я кучера спрошу. Тогда хуже будетъ.

— Что-жъ, ставьте на одну доску съ прислугой, а только ежели вамъ говорятъ, что не провожалъ, такъ вы должны вѣрить, что не провожалъ. Зачѣмъ я вамъ буду врать-то?

— Ну, то-то. Впрочемъ, ежели Корневъ будетъ вызываться провожать, то пускай провожаетъ, я буду очень рада.

Ночью Любѣ снился Плосковъ. Видѣлось ей, что будто онъ увозитъ ее на тройкѣ. Она въ бѣломъ подвѣнечномъ платьѣ, а сзади ихъ гонится ея маменька Дарья Терентьевна, тоже на тройкѣ.

На другой день, когда Люба часу въ одиннадцатомъ встала, горничная таинственно подала ей маленькій розовый конвертикъ.

— Давеча утромъ молодой баринъ подалъ. Тотъ самый баринъ, что насъ въ прошлый разъ провожалъ домой, когда мы съ вами были въ гостяхъ на Пескахъ, сказала она. — Онъ пришелъ къ намъ

рано утромъ по черной лѣстницѣ, вызвалъ меня въ кухню и просилъ потихоньку передать вамъ въ собственныя руки. Только вы, барышня, меня, Бога ради, не выдавайте.

— Ну, вотъ еще что выдумала! Я тебѣ даже что-нибудь за это и подарю, отвѣчала Люба, вся вспыхнувъ, и быстро разорвала конвертикъ.

Плосковъ писалъ:

«Хочу хоть на письмѣ перемолвиться съ Вами, дорогая Любинька! Я счастливъ, я безмѣрно счастливъ, такъ какъ вчера узналъ отъ Васъ, что любимъ Вами взаимно. О, какъ-бы дорогъ былъ мнѣ теперь Вашъ портретъ, хотя-бы маленькая карточка. Въ разлукѣ съ Вами я глядѣлъ-бы на нее и она замѣняла-бы хоть отчасти наши рѣдкія свиданія. Если таковая у Васъ есть, то передайте ее Вашей горничной, а я, возвращаясь со службы изъ банка, зайду за ней. Безцѣнная Любинька! Посылаю Вамъ летучій поцѣлуй. Письмо мое безсвязно, но это отъ безмѣрнаго счастія. Голова идетъ кругомъ. Вашъ Виталій».

Люба поднесла письмо къ губамъ и поцѣловала.

«Боже мой! какъ онъ любитъ меня! Любитъ до безумія... Но что изъ этого выйдетъ, и ума не приложу. Ужасъ, ужасъ!» думала она.—«Послать ему мою карточку или не послать?» мелькало у нея въ головѣ, она долго колебалась и, наконецъ, рѣшила передать карточку горничной.

— Фектя, сказала она ей.—Вѣдь этотъ молодой человѣкъ пишетъ, что онъ зайдетъ за отвѣтомъ?

— Да, барышня, это онъ сказалъ и мнѣ.

— Такъ вотъ передай ему этотъ конвертикъ. Тутъ моя карточка. Только, Бога ради, чтобы никто не видалъ и маменькѣ ни гугу.

— Да что вы, барышня! Какъ-же я вашей маменькѣ что-нибудь скажу! Вѣдь я знаю, что это значитъ. Вы-то только какъ-нибудь не проговоритесь. А что до меня-то, то будьте покойны, я насчетъ этихъ тайновъ умѣю.

Послѣ обѣда, часу въ седьмомъ вечера, горничная шепнула Любѣ:

— Заходилъ. Передала.

— Спасибо. Приди ужо ко мнѣ въ комнату. Я тебѣ свою широкую голубую ленту подарю, что я лѣтомъ на кушакѣ носила, подмигнула ей Люба.

XVI.

НА ДРУГОЙ день вечеромъ, послѣ второй репетиціи, когда Кринкина, въ ожиданіи чая, при свѣтѣ лампы подъ розовымъ абажуромъ, полулежала у себя въ гостиной на кушеткѣ и болтала съ своимъ неизмѣннымъ кавалеромъ, гимназистомъ Дышловымъ, въ прихожей ея раздался звонокъ и ей доложили о Плосковѣ.

— Nicolas, поправьте пожалуйста у меня немножко платье,— сказала онъ гимназисту и, обратясь къ горничной, прибавила:—Просите мосье Плоскова.

Плосковъ вошелъ въ гостиную и при видѣ гимназиста нѣсколько смутился.

«Чортъ знаетъ, что такое! Этотъ гимназистъ ни на шагъ отъ нея. Ну, какъ я буду говорить съ ней о Битковой»? подумалъ онъ съ досадой.

— Бонжуръ... — встрѣтила его Кринкина, не поднимаясь съ кушетки.—Какими судьбами?.. Вы не отъ Луковкина-ли? Не случилось-ли какой-нибудь перемѣны въ спектаклѣ?

И она протянула Плоскову сильно набѣленную руку. Плосковъ взялъ ея руку и поцѣловалъ.

— Нѣтъ, многоуважаемая Лариса Павловна, я пріѣхалъ просто такъ, пріѣхалъ засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе,—проговорилъ онъ.

— Ой, не вѣрю! Ежели не перемѣна въ спектаклѣ, то навѣрное какое-нибудь дѣло есть. Я даже по лицу вижу, что дѣло, и непремѣнно любовное, иначе-бы вы не пріѣхали. Садитесь и разсказывайте. Мосье Дышлова можете не стѣсняться. Это другъ мой и другъ друзей моихъ.

Плосковъ сѣлъ, но говорить о Любѣ стѣснялся.

— Почти всѣ наши банковскіе служащіе будутъ у насъ въ спектаклѣ,—началъ онъ.

— Да сборъ будетъ полный, объ этомъ и думать нечего. Всѣ наши стараются раздавать билеты,— отвѣчала Кринкина.—А вы вотъ лучше скажите-ка мнѣ, какъ ваши дѣла съ Любочкой Битковой. Видѣли-ли вы ее сегодня?

— Да гдѣ-же видѣть?

— Ахъ, Боже мой! Да гдѣ угодно, можно назначить свиданіе. Вотъ сказали-бы ей, что у меня

сегодня чтеніе пьесъ для втораго спектакля. Она пріѣхала-бы и вы пріѣхали-бы—вотъ и было-бы свиданіе.

— Да развѣ я, Лариса Павловна, могу распоряжаться вашимъ домомъ!

— Мой домъ всегда открытъ для моихъ друзей, а я вѣчный и неизмѣнный другъ всѣхъ влюбленныхъ. Гдѣ любовь, тамъ я распяться готова.

Кринкина сдѣлала умильные глаза, пристально посмотрѣла на Плоскова и прибавила:

— Ну, разсказывайте. Ей-ей, этого юношу вамъ нечего стѣсняться.

Гимназистъ поднялся со стула, обдернулъ на себѣ мундиръ и заговорилъ:

— Да я уйду, Лариса Павловна, въ другую комнату, ежели это нужно.

— Хотите, чтобы онъ удалился?—спросила Кринкина.

Плосковъ замялся.

— Дѣйствительно, я хотѣлъ-бы поговорить съ вами минутъ пять наединѣ,—сказалъ онъ.

— Ну, уйдите, Nicolas, — обратилась Кринкина къ гимназисту.—Да вотъ вамъ и дѣло. Поторопите горничную, чтобы она поскорѣе изготовила самоваръ.

Гимназистъ, поскрипывая сапогами, удалился въ другую комнату. Плосковъ придвинулся къ Кринкиной, взялъ ее обѣими руками за руку, и потрясая эту руку, сказалъ:

— Помогите, Лариса Павловна...

— Насчетъ Любочки Битковой? Ну, что, не от-

гадчица-ли я чужихъ мыслей? Я сразу по глазамъ увидѣла, зачѣмъ вы пріѣхали. Кусокъ лакомый. Въ какомъ положеніи у васъ съ ней дѣло? Только говорить искренно и ничего не утаивать.

Кринкина улыбнулась и погрозила ему пальцемъ.

— Вчера я признался ей въ любви, — сказалъ Плосковъ.

— Давно пора. Ну, а она что?

— Она тоже меня любитъ. Вотъ и портретъ мнѣ свой подарила.

Плосковъ вынулъ изъ кармана карточку и показалъ.

— Какъ-же насчетъ женитьбы-то? — спросила Кринкина.

— Добровольно за меня не отдадутъ.

— Да вѣдь вы не пробовали.

— Мамаша ея меня просто видѣть не можетъ. Это и Любочка не скрываетъ.

— А вы попробуйте обратиться къ ея отцу. Вы его хорошо знаете?

— Мы жили вмѣстѣ на дачѣ въ Озеркахъ. Я кланяюсь съ нимъ. Я разсчитываю такъ, что ежели я обращусь къ нему, то хотя-бы онъ и благосклонно ко мнѣ отнесся, то Дарья Терентьевна, то-есть мамаша Любы, все равно разобьетъ его. Да нѣтъ, это невозможно! Невозможно, чтобы и онъ согласился на нашъ бракъ!

Плосковъ вскочилъ со стула и въ волненіи заходилъ по гостиной.

— Попробуйте все-таки съ нимъ хорошенько познакомиться-то. Онъ что такое? Купецъ?

— Да... Биржевой. У него контора.

— А къ вашему банку онъ какое-нибудь отношеніе имѣетъ?

— Онъ пользуется у насъ большимъ кредитомъ, хорошо знакомъ съ нашими директорами.

— Попробуйте сначала къ нему обратиться насчетъ протекціи по службѣ, а потомъ...

— Да вѣдь изъ этого ничего не выйдетъ. Нѣтъ, Лариса Навловна, я рѣшилъ увезти Любочку тайно и обвѣнчаться съ ней тоже тайно, какъ вы мнѣ и совѣтовали. Помогите мнѣ.

— Да вѣдь прежде надо испробовать всѣ средства до похищенія. Вѣдь вамъ не отказывали, вы даже еще и предложенія не дѣлали.

— Я и самъ такъ думалъ сначала, но теперь убѣдился, что мнѣ откажутъ, а откажутъ, тогда ужъ и не увезешь Любочку тайно. Ее будутъ караулить, перестанутъ отпускать одну.

— Вздоръ! Захочетъ, такъ убѣжитъ.

— Въ томъ-то и дѣло, что она какъ-то ни да, ни нѣтъ... Колеблется. Даже больше чѣмъ колеблется. Вотъ по этому-то я и обращаюсь къ вамъ и поговорите съ ней... Убѣдите.

— Хорошо, хорошо. Только значитъ она васъ не сильно любитъ. Надо влюбить еще больше, сказала Кринкина и спросила:—У васъ съ ней до чего дошло? Говорите, говорите, не стѣсняйтесь.

Плосковъ потупился и отвѣчалъ:

— Мы съ ней цѣловались. Я обнялъ ее, сталъ цѣловать и она ничего...

— Это гдѣ-же? На репетиціи?

— Да... На лѣстницѣ, когда она уходила.

— Люблю молодцовъ! весело сказала Кринкина.— Послушайте, вы погодите спектакля. На спектаклѣ навѣрное будутъ ея отецъ и мать — вотъ вы тутъ какъ-нибудь и старайтесь подластиться къ нимъ. Старайтесь только, чтобы они на васъ звѣремъ-то не смотрѣли. А прежде чѣмъ ее увозить, вы къ отцу ея съѣздите и попросите его насчетъ протекціи. Старики это любятъ. Они хоть ничего не сдѣлаютъ, а все-таки это любятъ. Это польстится отцу и почемъ знать!..

— Пожалуй, сдѣлаю, какъ вы говорите. Но вы Любиньку-то все-таки направьте какъ-нибудь такъ, чтобы она при случаѣ была рѣшительнѣе.

— Это вы все насчетъ побѣга-то? Хорошо, хорошо. Но предупреждаю васъ, къ побѣгу нужно прибѣгнуть въ крайности. Сколько за ней?

— Увѣряю васъ, что я не изъ корысти.

— Полноте, полноте. Любовью любовью, а деньги деньгами. Такъ вотъ... завтра вечеромъ у насъ репетиція на сценѣ, а послѣ-завтра назначайте ей у меня свиданіе. Завтра и послѣзавтра я съ ней и переговорю, а потомъ мы все это вмѣстѣ обсудимъ. Нѣтъ, побѣгъ—это ужъ послѣднее.

— Мерси, Лариса Павловна. Вы меня оживляете.

Плосковъ поцѣловалъ руку Кринкиной.

— О, я другъ влюбленныхъ! сказала она.—Больше ничего не имѣете мнѣ сказать по секрету, такъ я позову моего гимназистика.

— Больше ничего.

— Мосье Nicolas! позвала Кринкина Дышлова.

Гимназистъ сейчасъ-же выскочилъ изъ сосѣдней комнаты. Очевидно онъ подслушивалъ.

— Самоваръ ужъ въ столовой на столѣ, сказалъ онъ.—Можно идти пить чай.

XVII.

На слѣдующій день Люба опять получила черезъ горничную записку отъ Плоскова. Онъ писалъ:

«Безцѣнная, милая, добрая, хорошая моя Любочка! Жить и не видать васъ для меня пытка. Жажду и алчу быть около васъ. Вчера и сегодня я хожу какъ полоумный, по тысячѣ разъ въ день взглядываю на вашъ портретъ, но портретъ только блѣдная копія оригинала. Я былъ вчера у Кринкиной. Кринкина позволяетъ намъ пользоваться ея квартирой для устройства нашихъ свиданій. Это прекрасная женщина съ теплой душой. Скажите вашей мамашѣ, что сегодня вечеромъ у Кринкиной чтеніе пьесъ для второго спектакля и пріѣзжайте къ Кринкиной поворковать со мной вашимъ серебрянымъ голоскомъ. Обожающій васъ Виталій».

Прочитавъ записку, Люба вспыхнула, поцѣловала ее и спрятала за корсажемъ на груди. Что-то теплое приливало къ ея сердцу и ей дѣлалось пріятно и радостно, такъ что у ней даже захватывало духъ.

«Онъ любитъ меня, безмѣрно любитъ».. мелькало у ней въ головѣ.

Но отпуститъ-ли ее мать къ Кринкиной — Люба сильно сомнѣвалась. Дарья Терентьевна знала, что репетиція будетъ завтра и уже ворчала, что репетиціи очень часты, но сегодняшнее собраніе у Кринкиной было для нея новостью. Люба задумала исподволь приготовить мать къ этому. За завтракомъ она сказала ей:

— Рѣшительно не знаю, какое мнѣ сегодня вечеромъ платье одѣть...

— Какъ платье? Куда? Зачѣмъ сегодня? удивленно вскинула на нее глаза Дарья Терентьевна.

— Какъ, куда! Да вѣдь сегодня вечеромъ у Кринкиной чтеніе пьесъ для второго спектакля. Я и забыла вамъ объ этомъ сказать.

— Для втораго? Ну, ужь, матка, довольно. Не будешь ты во второмъ спектаклѣ играть.

— Тамъ Корневъ будетъ, вашъ-же излюбленный Корневъ, чуть не плача проговорила Люба.

— А, что Корневъ! И Корневъ будетъ къ тебѣ имѣть больше уваженія, если увидитъ, что ты меньше по репетиціямъ да по разнымъ кринкинскимъ собраніямъ треплешься. Что это въ самомъ дѣлѣ: третьяго дня репетиція, сегодня собраніе, завтра опять репетиція. Ни одного вечера дома не посидишь. Не поѣдешь ты къ Кринкиной.

— Но вѣдь это-же нужно, маменька, я дала слово Корневу, что буду участвовать во второмъ спектаклѣ. Этотъ второй спектакль, кажется, онъ и устраиваетъ, лгала Люба.

— Что Корневъ! Я знаю... Не Корневъ тебѣ нуженъ, а этотъ балбесъ... Какъ его?..

— Увѣряю васъ, что балбесъ тутъ не причемъ. Даю вамъ слово, что Плосковъ не причемъ.

— Молчи. Не поѣдешь! сердито оборвала ее Дарья Терентьевна.

Люба заплакала.

— Реви... Реви еще больше, такъ я и завтра тебя на репетицію не пущу, совсѣмъ тебѣ въ спектаклѣ играть не позволю. Объ ней заботятся, ее не пускаютъ по разнымъ Кринкинымъ, Лукошкинымъ болты бить, а она реветъ! Вотъ до чего тебя этотъ шалопайный мальчишка Плосковъ испортилъ! продолжала Дарья Терентьевна.

— Маменька, голубушка, отпустите. Вѣдь ей-ей это будетъ въ высшей степени неучтиво, ежели я не явлюсь къ Кринкиной, упрашивала Люба мать.— И передъ Корневымъ неучтиво и передъ Кринкиной невѣжливо. Умоляю васъ, отпустите.

— Ахъ, чтобы и совсѣмъ провалиться твоей крашеной Кринкиной! Глупая, нахальная, безстыжая баба! Чего это она съ этимъ гимназистомъ возится! Видѣла я. Такъ свои подведенныя бѣльмы передъ нимъ и закатываетъ! Ни на шагъ отъ него. Старуха— и съ гимназистомъ... Понимаю вѣдь я, что это значитъ! Видѣла я, какъ она съ нимъ миндальничаетъ. И какой примѣръ дѣвушкамъ, которыя у ней бываютъ! Да и гимназистъ-то дуракъ...

— Да вѣдь гимназистъ ея родственникъ, маменька... Кажется, даже племянникъ, попробовала сквозь слезы возразить Люба

— Не ври, я сама ее спрашивала. Такой-же онъ ей родственникъ, какъ и тебѣ. Просто путанная бабенка. «Онъ, говоритъ, сирота и другъ театра, а всѣ друзья театра—мои друзья». Понимаю я, какой это другъ!

— Такъ вы не пустите меня къ Кринкиной?

— Сказала, что не пущу и не пущу!

Люба вышла изъ-за стола, направляясь къ себѣ въ комнату, легла тамъ на кушетку и продолжала плакать.

Часовъ въ пять отецъ Любы, Андрей Иванычъ, пріѣхалъ изъ конторы домой обѣдать. Люба вышла къ столу все еще надувшаяся, съ красными отъ недавнихъ слезъ глазами. Отецъ, впрочемъ, не замѣтилъ этого. Выпивъ передъ супомъ рюмку водки, онъ распрашивалъ сына гимназиста объ его отмѣткахъ по ученію и наконецъ, обратясь къ женѣ и дочери, сказалъ:

— А у меня сегодня въ конторѣ былъ вашъ новый знакомый Плосковъ.

Люба вздрогнула и вспыхнула, а Дарью Терентьевну даже передернуло.

— Вотъ нахалъ-то! воскликнула Дарья Терентьевна.—Зачѣмъ-же это онъ приходилъ?

Андрей Иванычъ развелъ руками и пожалъ плечами.

— Да Богъ его знаетъ — зачѣмъ. Странно какъ-то... Во-первыхъ, приходилъ знакомиться, а во вторыхъ, просилъ протекціи по службѣ въ Плуталоскомъ банкѣ. Онъ въ Плуталовскомъ банкѣ служитъ.

— Ну, ужь это нахальство, это совсѣмъ нахальство!.. твердила Дарья Терентьевна. — Видишь, видишь, а ты его хвалишь и выгораживаешь, обратилась она къ дочери.

— Нахальства-то тутъ, пожалуй, особеннаго нѣтъ, продолжалъ Андрей Иванычъ:—а что онъ пронырливый и искательный человѣкъ, то это вѣрно. Впрочемъ, теперь такимъ и быть надо, а то подъ лежачій камень вѣдь и вода не течетъ.

При этихъ словахъ отца Люба перевела духъ. На сердцѣ ея сдѣлалось легче. Тотъ не останавливался и разсказывалъ:

— Вошелъ онъ и отрекомендовался: «Будучи, говоритъ, хорошо знакомъ съ вашей супругой и дочерью»...

— Да я терпѣть его не могу! Просто не выношу! воскликнула опять Дарья Терентьевна.

— Постой. Не перебивай, остановилъ ее Андрей Иванычъ. — Ничего въ немъ особенно худаго нѣтъ. Бѣдный и искательный парень. «Такъ и такъ... Будучи, говоритъ, съ ними знакомъ, я еще не имѣлъ случая настоящимъ манеромъ представиться вамъ»... Мнѣ, то есть. «Былъ, говоритъ, два раза въ вашемъ домѣ, но такъ какъ въ визитное время васъ трудно дома застать, то я и счелъ своимъ долгомъ пріѣхать къ вамъ въ контору, чтобы засвидѣтельствовать свое почтеніе». Ну, и тамъ прочее... Онъ хвалилъ тебя, потомъ Любу, однимъ словомъ мелкимъ бѣсомъ разсыпался и, наконецъ, приступилъ съ просьбой о протекціи. Открывается тамъ у нихъ ваканція завѣдую-

щаго вексельнымъ отдѣленіемъ, что-ли, такъ просилъ похлопотать и замолвить о немъ у директоровъ словечко. Около двухсотъ рублей онъ теперь получаетъ, что-ли, ну, а то мѣсто, о которомъ онъ хлопочетъ, съ окладомъ въ триста рублей въ мѣсяцъ. «Мой папаша, говоритъ, самъ пріѣдетъ васъ просить за меня». Старика-то я знаю. Изъ разорившихся купцовъ онъ. Человѣкъ такъ себѣ, но какъ биржевой маклеръ— горе. Такъ вотъ-съ, вашъ знакомый былъ у меня, прибавилъ Андрей Иванычъ.

— Да какой-же онъ нашъ-то знакомый! Просто влѣзъ, втерся въ домъ! снова воскликнула Дарья Терентьевна.

— Ну, вотъ онъ и напредки просилъ дозволить ему навѣщать нашъ домъ.

— Ну, а ты-то что? Дозволилъ ему?

— Да что-жъ я могу сказать! Конечно-же, сказалъ, что милости, молъ, просимъ.

— Напрасно. Не ко двору онъ намъ

— А окажется не ко двору, такъ и по шапкѣ можно... Не контрактъ съ нимъ заключать.

— Просить-то въ банкѣ ты за него все-таки будешь?

— Да поговорю директорамъ, но только вѣдь у нихъ всегда есть свои кандидаты: у кого племянникъ, у кого такъ какой-нибудь протеже. Поговорю. Отъ слова меня не убудетъ, закончилъ Андрей Ивановичъ.

Люба торжествовала въ душѣ. Она была готова отъ радости броситься отцу на шею, но скрывала

эту радость, дабы не выдать себя. Послѣ обѣда она уже не пыталась и приставать къ отцу и матери, чтобы ее отпустили къ Кринкиной, она не хотѣла раздражать мать и успокоилась, утѣшая себя тѣмъ, что завтра на репетиціи увидится съ Плосковымъ и передастъ ему тѣ, по ея мнѣнію, благопріятныя для него слова, которыя говорилъ про него ея отецъ.

Заснула она въ эту ночь съ радостными мечтами.

XVIII.

Репетиціи Люба ждала съ нетерпѣніемъ, чтобы передать Плоскову, какъ невраждебно отнесся къ нему въ разговорахъ ея отецъ. Она даже нѣсколько разъ въ день принималась считать сколько часовъ осталось до репетиціи. За обѣдомъ она почти ничего не ѣла, до того нервы ея были возбуждены ожиданіемъ свиданія съ Плосковымъ. Въ концѣ обѣда радость ея за любимаго человѣка еще болѣе усилилась. Андрей Иванычъ за сладкимъ блюдомъ сказалъ:

— Ахъ, да... Говорилъ я сегодня въ банкѣ директору-распорядителю про этого вашего Плоскова. Онъ тамъ, оказывается, на хорошемъ счету. Хвалятъ. Директоръ очень хвалилъ. Говоритъ, что усердный работникъ.

Люба слушала, затая дыханіе.

— Ну, и что-же, получитъ онъ новое мѣсто? вырвалось у ней.

— Не знаю... Директоръ обѣщался подумать, сообразить.

— И охота это тебѣ, Андрей Иванычъ, за чужихъ людей распинаться! У тебя свои племянники конторщиками въ банкѣ служатъ, замѣтила Дарья Терентьевна.

— Да вѣдь не въ этомъ банкѣ служатъ племянники-то. Да я вовсе и не распинался, а просто сказалъ директору, что вотъ есть у нихъ такой-то Плосковъ, который просилъ меня за него походатайствовать. Отчего-жъ не сказать, ежели я былъ въ банкѣ и видѣлъ директора. Да, можетъ быть, и не вспомнилъ-бы я объ этомъ Плосковѣ, ежели-бы у меня сегодня утромъ его отецъ въ конторѣ не былъ.

— Ахъ, и отецъ его ужъ былъ? въ одинъ голосъ спросили мать и дочь.

— Въ томъ-то и дѣло, что пріѣзжалъ просить. Почтенный старикъ, старинный купецъ. Плакался на маклерскія дѣла, отвѣчалъ Андрей Иванычъ—Да и какой онъ маклеръ! Старый, больной, еле ноги таскаетъ. Нынче маклера-то—въ одно ухо вдѣнь, въ другое вынь. Только такіе нынче и годятся для маклерскихъ дѣлъ. Маклеръ долженъ быть на манеръ вьюна: скользкій, юркій.

Послѣ обѣда Люба, стараясь быть какъ можно спокойнѣе, сказала матери:

— Ну, я маменька, поѣду на репетицію...

— Куда ты спозаранку-то! Репетиція у васъ наз-

начена въ восемь часовъ, а теперь только семь, остановила ее мать.

— Да вѣдь пока поѣдешь, да пока пріѣдешь. Кромѣ того, я хотѣла съ Корневымъ поговорить, спросить его, какъ мнѣ одѣться для водевиля.

— И съ Корневымъ поговорить еще успѣешь. На это тебѣ цѣлый вечеръ будетъ. Кромѣ того, вотъ я отдохну, да, можетъ быть, и сама съ тобой поѣду.

Любу всю покоробило.

— Зачѣмъ-же вамъ-то себя обременять? Вѣдь вы и такъ устали.

— А затѣмъ, чтобы отгонять отъ тебя Плоскова. Что это, въ самомъ дѣлѣ, онъ къ намъ привязался!

Дарья Терентьевна однако не поѣхала, но велѣла Любѣ взять съ собой горничную въ провожатыя.

Плосковъ встрѣтилъ Любу на лѣстницѣ. Онъ уже поджидалъ ее и радостно протянулъ ей руки.

— Радуйтесь, шепнула она ему съ замираніемъ сердца.—Наши дѣла поправляются.

— Знаю, знаю. По милости вашего папаши я, можетъ быть, получу повышеніе по службѣ и прибавку къ жалованью, отвѣчалъ Плосковъ.

Они вошли въ зрительный залъ и Люба принялась разсказывать ему дословно все то, что говорилъ про него ея отецъ.

— Папенька у насъ совсѣмъ не такой человѣкъ, какъ маменька, прибавила она.—А вотъ маменька— съ этой не сообразишь.

— Но вѣдь папенька-то у васъ все-таки голова въ домѣ?

— Какъ вамъ сказать... Голова-то голова, но что

до меня касается, то тутъ ужъ маменька. Не взлюбила она васъ, да и что хотите. Вѣдь вотъ ужъ я какъ просилась къ Кринкиной-то вчера! Не пустила— и прямо изъ-за васъ.

— Все-таки я такъ очарованъ любезностью вашего папаши, что буквально ожилъ. По воскресеньямъ днемъ вашъ папаша бываетъ дома?

— Бываетъ.

— Ну, такъ я пріѣду къ нему съ визитомъ, чтобы поблагодарить его за любезность. Я теперь оживаю.

— Только, Бога ради, старайтесь непремѣнно застать папеньку.

— Да, да... Въ воскресенье пріѣду съ визитомъ, а потомъ выберу другое утро, явлюсь къ нему въ контору—и буду просить вашей руки.

— Да, да... Только это потомъ... Пожалуйста, потомъ... Дайте ему къ вамъ немножко привыкнуть, упрашивала Люба.—Вотъ вы съ нимъ на спектаклѣ тоже увидитесь. Ахъ, я все-таки боюсь маменьки! Вы себѣ представить не можете, какъ она васъ не взлюбила!

— Да за что? Скажите, что я ей сдѣлалъ?

— А вотъ за то, что мы любимъ другъ друга.

— Да вѣдь она еще ничего не знаетъ.

— Не знаетъ, но ужъ чуетъ, что вы влюблены, боится, что вы посватаетесь. Вы знаете, она меня только изъ за Корнева и на репетицію-то сюда пускаетъ, а то давно-бы ужъ не позволила мнѣ и въ спектаклѣ играть. Показалось ей, что Корневъ очень со мной любезенъ былъ. Да нѣтъ! Просто не любитъ

она васъ за то, что вы конторщикъ въ банкѣ. Богача она мнѣ прочитъ, за богача хочетъ отдать. Сколько разъ я вамъ объ этомъ говорила.

— Скажите, какъ-бы мнѣ хоть немножко заслужить ея расположеніе? допытывался Плосковъ.

— И ума не приложу!

— Что она любитъ? Чѣмъ-бы ей мнѣ угодить?

— Ничего она у насъ особенно не любитъ. Котовъ, впрочемъ, большихъ любитъ. Но нѣтъ, это все не то.

— Тогда нельзя-ли ей кота подарить? Ужъ я разыскалъ-бы самаго большаго.

— Безполезно. Лучше и не пробуйте. Смѣяться всѣ у насъ въ домѣ будутъ.

Люба тяжело вздохнула. Плосковъ тоже вздохнулъ и прибавилъ:

— Черезъ недѣлю попробую у вашего папаши просить вашей руки, а откажетъ—обвѣнчаемся тайно.

— Но вѣдь это же ужасъ, что будетъ! произнесла Люба.

— Кто любитъ, тотъ долженъ быть на все готовъ.

Въ это время режиссеръ Луковкинъ увидалъ Любу и возгласилъ:

— Госпожа Биткова пріѣхала! Господинъ Корневъ тоже уже здѣсь. Занятые въ пьесѣ «Что имѣемъ—не хранимъ» пожалуйте на сцену.

И онъ, по своему обыкновенію, захлопалъ въ ладоши.

XIX.

Въ ВОСКРЕСЕНЬЕ Дарья Терентьевна и Люба ѣздили въ Дѣвичій монастырь къ обѣднѣ. Тамъ на кладбищѣ были похоронены ихъ родственники. Люба и Дарья Терентьевна слушали обѣдню въ соборѣ. Вдругъ около нихъ, какъ изъ земли, выросъ Плосковъ. Франтоватый, припомаженный, завитой, онъ стоялъ, приложа къ груди новую шляпу цилиндръ. Увидѣвъ его, Люба вспыхнула, Дарью Терентьевну, наоборотъ, всю покоробило. Плосковъ, не подходя къ нимъ, улыбнулся и поклонился легкимъ поклономъ. Люба радостно закивала ему, а Дарья Терентьевна еле отвѣтила на поклонъ и отвернулась.

— И сюда явился! Ты, что-ли, ему здѣсь свиданіе назначила? прошептала она дочери.

— И не думала! Что вы, мамаша!

— Такъ откуда-же онъ узналъ, что ты будешь здѣсь у обѣдни?

— Просто совпаденіе. Можетъ быть, и у него здѣсь кто-нибудь похороненъ на кладбищѣ.

— Еще смѣешь въ церкви врать! Просто назначила свиданіе.

— Увѣряю васъ, что нѣтъ. Можетъ быть, дѣйствительно, въ разговорѣ на репетиціи какъ-нибудь

и проговорилась, что буду въ Дѣвичьемъ монастырѣ а онъ слышалъ — и вотъ пріѣхалъ.

— Нахалъ!

Послѣ обѣдни Плосковъ подошелъ къ нимъ и освѣдомился о ихъ здоровьѣ. Дарья Терентьевна еле-еле протянула ему руку и тотчасъ-же повела дочь изъ церкви.

— Ну, просто кляну себя, дуру, что дозволила тебѣ въ спектаклѣ играть, злобно шептала она дочери. — Вотъ, полюбуйся, что изъ этого выходитъ И чего онъ хлопочетъ, я не понимаю! Вѣдь ничего этого никогда не будетъ, къ чему онъ стремится! ничего ему отъ этого не очистится.

Люба тяжело вздыхала и молчала. Выйдя изъ церкви, онѣ отправились на кладбище. Плосковъ издали шелъ за ними. Такимъ-же манеромъ провожилъ онъ ихъ и съ кладбища до экипажа. Когда онѣ сѣли въ свою крытую пролетку, Плосковъ опять, издали-же, приподнялъ передъ ними шляпу. Дарья Терентьевна сдѣлала видъ, что не замѣчаетъ поклона, и отвернулась.

Пріѣхавъ домой, за завтракомъ Дарья Терентьевна сказала мужу:

— Вообрази, нахалъ-то вѣдь и у обѣдни въ Дѣвичьемъ монастырѣ былъ! А ты еще вздумалъ за него директора просить, хлопотать о немъ.

— За Любой ухаживаетъ... Это вѣрно, улыбнулся въ отвѣтъ Андрей Иванычъ.

— А что-жъ, это, по твоему, хорошо? Хорошо это? И еще какъ хладнокровно говоришь!

— Да что-жъ мнѣ горячиться-то! Для дѣвушки

тутъ ничего, кромѣ чести, нѣтъ, ежели за ней ухаживаютъ.

— Ну, съ тобой не сговоришь! — махнула рукой Дарья Терентьевна. — Для чего онъ ухаживаетъ? Вѣдь онъ ухаживаетъ-то, я думаю, съ цѣлью, а развѣ можетъ изъ этого что-нибудь выйти? Только дѣвчонку съ толку сбиваетъ. Да ужъ сбилъ, сбилъ. Это я по всему вижу.

Послѣ завтрака Андрей Иванычъ прилегъ у себя въ кабинетѣ на диванъ почитать газеты. Вдругъ, часа въ два, въ прихожей раздался звонокъ и лакей подалъ ему визитную карточку Плоскова. Андрей Иванычъ улыбнулся.

«Мѣтитъ на Любу, дѣйствительно мѣтитъ», подумалъ онъ, поднялся съ дивана и сказалъ лакею:

— Проси въ гостиную. Я сейчасъ приду.

Плосковъ былъ во фракѣ и разгуливалъ по гостиной, разсматривая картины, висѣвшія на стѣнѣ. Завидя входящаго Андрея Иваныча, онъ тотчасъ-же приложилъ шляпу къ груди и поклонился:

— Пріѣхалъ поблагодарить васъ, многоуважаемый Андрей Иванычъ, за ваши хлопоты обо мнѣ въ банкѣ у нашего директора, сказалъ онъ.—Хотя того мѣста, о которомъ я васъ просилъ напомнить директору, я и не получилъ, но все-таки у насъ были передвиженія и я повысился и по службѣ, и по содержанію. Мнѣ дали шестьсотъ рублей въ годъ прибавки, за которыя и приношу вамъ сердечную благодарность.

Плосковъ еще разъ сдѣлалъ поклонъ.

— Ну, что-жъ... Очень радъ, что могъ быть вамъ

полезенъ, отвѣчалъ Андрей Иванычъ. — Прошу садиться.

Садясь, Плосковъ сказалъ:

— Если вы, многоуважаемый Андрей Иванычъ, не оставите меня протекціей, то я, съ вашей помощью, надѣюсь со временемъ еще подвинуться. Въ нашемъ банкѣ есть мѣста съ очень большимъ окладомъ.

— Похлопочемъ, похлопочемъ, когда понадобится, опять произнесъ Андрей Иванычъ и сдѣлалъ паузу, забарабанивъ пальцами по столу и отыскивая темы для разговора.

— Могу я видѣть Дарью Терентьевну и Любовь Андреевну, дабы засвидѣтельствовать и имъ мое почтеніе? спросилъ Плосковъ.

— Да, да... Сейчасъ я ихъ позову. Онѣ, кажется, въ столовой чай пьютъ.

Андрей Иванычъ приподнялся, но звать не пришлось. Люба знала уже о визитѣ Плоскова и стояла въ другой комнатѣ, слушая разговоръ. Она тотчасъ-же вышла въ гостиную, а вслѣдъ за нею выплыла и Дарья Терентьевна.

— Еще разъ здравствуйте, Любовь Андреевна. Вотъ я пріѣхалъ поблагодарить вашего папеньку. Вчера я, по его протекціи, получилъ хорошую прибавку къ жалованью, началъ Плосковъ, обращаясь къ Любѣ, и сказалъ Андрею Иванычу: — Второй разъ сегодня вижусь уже съ вашей дочерью... И въ первый разъ совершенно случайно.

— Слышалъ, слышалъ. Говорила мнѣ жена.

— Ну, ужъ что на кладбище-то вы пріѣхали

случайно, то этому я никогда не повѣрю, подхватила Дарья Терентьевна.

Плосковъ подскочилъ къ ней и, когда она протянула ему руку, хотѣлъ поцѣловать ея руку, но она отдернула ее, сказавъ:

— Оставьте, оставьте, не люблю я этого...

Плосковъ чмокнулъ воздухъ и сказалъ:

— Увѣряю васъ, многоуважаемая Дарья Терентьевна, что случайно. Мнѣ очень нравится пѣніе монашенокъ и я довольно часто ѣзжу къ обѣднѣ въ Дѣвичій монастырь.

— Ну, вотъ... А Люба мнѣ сказала, что у васъ тамъ родственники похоронены. Разбери, кто правъ.

— Я, мамаша, сказала въ догадку, я сказала, что, можетъ быть, похоронены, вставила свое слово Люба.

— Всѣ-то вы съ этимъ спектаклемъ спутались и бредите, что на языкъ попадетъ.

— Вамъ не нравится, что Любовь Андреевна играетъ? улыбнулся Плосковъ.—Скоро, скоро, многоуважаемая Дарья Терентьевна, будетъ конецъ. Сыграемъ и настанетъ интервалъ. Ахъ, да... чтобы не забыть... спохватился онъ. — Любовь Андреевна сказывала, что вы страстная поклонница большихъ котовъ, а у меня какъ разъ есть случай доставить вамъ громаднѣйшаго кота.

Дарья Терентьевна измѣнила строгое лицо въ улыбку.

— Да, я люблю хорошихъ котовъ, но куда съ ними!.. У насъ и такъ два...

— Котъ-то ужъ очень хорошъ, а главное — не-

обычайныхъ размѣровъ. Тамъ, гдѣ онъ находится, имъ очень тяготятся и ищутъ помѣстить его въ хорошія руки.

— А какого онъ цвѣта?

Плосковъ замялся.

— Котъ-то? Сѣрый... Да, сѣрый и съ бѣлыми лапками. Настоящій сибирскій, сказалъ онъ.

— Ежели сибирскій, то долженъ быть дымчатый и безъ отмѣтинъ.

— Ну, ужъ я не знатокъ въ тонкостяхъ, а только говорятъ, что сибирскій. Прикажете?

— Нѣтъ, не надо. Впрочемъ, я подумаю и скажу Любѣ. Въ спектаклѣ она передастъ вамъ.

— Да куда намъ! У насъ и такъ два, замѣтилъ Андрей Иванычъ.

— Въ томъ-то и дѣло, что два... Драться будутъ.

— Служитъ... продолжалъ Плосковъ.

— Ну?! Ужъ вы наскажете!

Дарья Терентьевна продолжала улыбаться. Тѣнь неудовольствія совсѣмъ исчезла съ ея лица.

— Впрочемъ, погодите немножко. Насчетъ кота мы подумаемъ, сказала она.—Андрей Иванычъ вѣдь и самъ любитъ котовъ.

— Только большихъ, только большихъ.

— Огромный! подтвердилъ Плосковъ и сталъ прощаться, сказавъ:—Ну, такъ насчетъ кота я буду ожидать вашего рѣшенія.

По уходѣ его, Андрей Иванычъ произнесъ:

— Хитрый, охъ, какой хитрый!

— Просто нахалъ, опять пришла къ своему прежнему рѣшенію Дарья Терентьевна.

XX.

АКТЕРЫ-ЛЮБИТЕЛИ безъ такъ называемой генеральной репетиціи спектакля не обходятся. Это доставляетъ имъ случай изъ одного спектакля сдѣлать два. На генеральной репетиціи сцена обставляется декораціями, освѣщается точно такъ же, какъ и въ спектаклѣ, занавѣсъ опускается послѣ каждаго акта, мужчины, въ особенности комики, тщательно гримируются и облекаются въ костюмы. Такъ было и въ данномъ случаѣ на послѣдней репетиціи, которая происходила наканунѣ спектакля. Исключеніе составляли только актрисы-любительницы на молодыя роли. Онѣ хоть и очень усердно набѣлились и нарумянились, но, чтобы не помять къ спектаклю нарочно сшитыхъ платьевъ, играли кто въ чемъ хотѣлъ. Генеральная репетиція отличалась отъ спектакля еще тѣмъ, что почти всѣ мужчины-исполнители были полупьяны. Корневъ и Конинъ пріѣхали каждый съ большой корзиной вина и закусокъ и устроили въ уборныхъ цѣлое пиршество. Поили также парикмахера, портнаго, бутафора, подносили и плотникамъ. На эту репетицію Люба пріѣхала съ маленькимъ братомъ-гимназистомъ Федей. Федя былъ приставленъ къ ней Дарьей Терентьевной и ему было поручено слѣдить за сестрой. Люба посадила его въ

первый рядъ стульевъ, а сама ушла за кулисы, гдѣ и оставалась во все время репетиціи. Федя, впрочемъ, два раза приходилъ къ сестрѣ за кулисы, но она тотчасъ-же прогоняла его, сунувъ ему яблоко и конфектъ. Въ женской уборной царила Кринкина. Сама набѣленная и нарумяненная до того, что съ лица ея сыпалось, она бѣлила и румянила и другихъ и подвела Любѣ такъ глаза, что Федя, увидя сестру, даже отшатнулся отъ нея.

— Ой, ой, какіе у тебя глаза-то! Точно у быка, сказалъ онъ:—Зачѣмъ это ты накрасилась? воскликнулъ онъ.

— Не твое дѣло. Такъ надо. Зачѣмъ ты пришелъ за кулисы? Постороннимъ лицамъ сюда входъ запрещается. Ступай вонъ, отвѣчала она. — Вотъ тебѣ гостинцы и иди и ѣшь тамъ, гдѣ я тебя посадила.

За кулисами бродили загримированные актеры. Корневъ, разгуливая съ бутылкой, говорилъ и внѣ пьесы старческимъ голосомъ своей роли. Конинъ, готовясь къ исполненію роли отставнаго капитана, былъ въ мундирѣ безъ погоновъ и басилъ, гимназистъ Дышловъ въ длинноволосомъ парикѣ художника размахивалъ руками, дѣлая жесты.

— Люба, ты покажи мнѣ, съ кѣмъ ты цѣловаться то будешь на сценѣ? приставалъ къ сестрѣ Федя.

— Ступай, ступай! Нечего тебѣ тутъ толкаться, гнала она его и выгнала въ зрительную залу.

Къ Любѣ подошелъ Плосковъ. Онъ игралъ пустенькую рольку молодого человѣка въ пьесѣ «На

Пескахъ» и былъ въ прилизанномъ парикѣ съ височками.

— Ахъ, какой вы противный въ этомъ парикѣ! воскликнула Люба.

— Нельзя-съ. Такая роль, отвѣчалъ Плосковъ.— Ахъ, да... А какъ насчетъ кота, котораго я обѣщалъ вашей мамашѣ?

— Нѣтъ, нѣтъ. Мамаша и слышать не хочетъ. Да вы котомъ и не расположите ее въ вашу пользу. Она не взлюбила васъ и стоитъ на своемъ.

— Жалко. А мясникъ-кошатникъ въ самомъ дѣлѣ обѣщалъ достать мнѣ какого-то удивительнаго кота.

— И не спрашивайте ее завтра на спектаклѣ объ этомъ котѣ, а то еще хуже разсердится.

— Тогда не поднести-ли ей завтра здѣсь бомбоньерку конфектъ или букетъ?

— Да что вы! Развѣ она актриса!

— И не актрисамъ подносятъ. Это просто любезность. Очень ужъ мнѣ хочется хоть немножко расположить ее въ мою пользу.

— Бросьте. Ничего вы не подѣлаете.

— Ну, тогда я вамъ поднесу завтра букетъ.

— Что вы, что вы! Пожалуйста безъ глупостей...

— Какія же тутъ глупости? Вѣдь вы актриса— вотъ я и поднесу вамъ букетъ. Я поднесу во время роли, велю подать черезъ оркестръ.

— Нѣтъ, нѣтъ, Не надо этого.

— Какъ не надо? Да вѣдь это-же отъ публики.

— Какая-же это публика, ежели это вы. Вы такой-же актеръ, какъ и я.

— Этого никто и знать не будетъ. Всѣ будутъ думать, что отъ публики. А это очень эфектно.

— Прошу васъ, не дѣлайте этого. Вы меня только сконфузите.

— Кринкина даже сама себѣ будетъ подносить букетъ, однако, не сконфузится-же.

— То Кринкина, а то я. Нѣтъ, это мнѣ будетъ даже непріятно. Еще ежели-бы я была опытная актриса...

— Вашей маменькѣ будетъ пріятно. Вы покажете этотъ букетъ ей, а внутри букета будетъ моя визитная карточка.

— Ахъ, Виталій Петровичъ, вы не знаете нашу маменьку! Что отъ васъ—все ей будетъ непріятно.

— Ну, все-таки я попробую. Вѣдь это будетъ тріумфъ. Всѣ вамъ будутъ аплодировать, вызывать васъ, а вы выйдете на сцену и будете съ букетомъ въ рукахъ. Болѣе пятидесяти нашихъ банковскихъ служащихъ будутъ въ спектаклѣ и я попрошу ихъ поусердствовать насчетъ аплодисментовъ вамъ. Какой-же матери, спрашивается, будетъ непріятно, если ея дочь такъ почтена! Букетъ будетъ шикарный, съ широкими лентами.

Люба улыбнулась и сказала:

— Ну, зачѣмъ-же вамъ такъ тратиться?

— Ангелъ мой, для васъ я готовъ душу свою истратить, себя закабалить! съ пафосомъ сказалъ Плосковъ.—Такъ вотъ ждите завтра поднесенія.

— Безполезно только все это будетъ.

— Пробовать надо, надо всячески пробовать.

Началась репетиція пьесы «Которая изъ двухъ», гдѣ Люба играла роль горничной.

Водевиль «Что имѣемъ—не хранимъ» шелъ последней, четвертой пьесой. Корневъ и Конинъ были уже совсѣмъ пьяны, шалили на сценѣ, но, какъ опытные актеры-любители, играли все-таки лучше другихъ.

Репетиція кончилась далеко за полночь, но бражничанье въ мужской уборной все еще продолжалось.

— Господа! Что будетъ, ежели вы и завтра во время спектакля такое угощеніе затѣете! говорилъ офицеръ Луковкинъ, къ которому Корневъ лѣзъ съ стаканомъ вина, требуя, чтобы тотъ выпилъ до дна.

— Завтра ничего этого не будетъ. Три законныхъ рюмки коньяку во весь спектакль—вотъ и вся музыка, отвѣчалъ Корневъ и комически воскликнулъ:—Пей подъ ножемъ Прокопа Ляпунова!

Люба послѣ репетиціи тотчасъ-же отправилась домой. Плосковъ бросился ее провожать. Выходя изъ-за кулисъ въ зрительную залу, она сказала:

— Вы, пожалуйста, при Федѣ-то остерегитесь. Лучше было-бы даже, чтобы вы вовсе не провожали меня. Вѣдь маменька для того его и отпустила со мной, чтобы онъ шпіонилъ.

— Ахъ, Любочка, да вѣдь ужъ я теперь хочу дѣйствовать въ открытую!

— А будете сегодня дѣйствовать въ открытую, такъ можетъ случиться такъ, что мнѣ завтра и въ спектаклѣ не придется играть: вѣдь Федя про все наябедничаетъ маменькѣ, что только увидитъ.

Плосковъ остановился.

— Ваша правда, произнесъ онъ.—Тогда ужъ простимся здѣсь...

Онъ оглянулся вокругъ. За кулисами никого не было. Изъ мужской уборной доносились пьяные голоса и кто-то кричалъ «ура». Плосковъ обнялъ Любу, привлекъ ее къ себѣ на грудь и крѣпко, крѣпко поцѣловалъ. Она отвѣтила на поцѣлуй, быстро вырвалась и, сказавъ «до завтра», выбѣжала въ зрительную залу къ Федѣ.

— Что ты такъ долго, Люба? Вѣрно съ этимъ стриженымъ цѣловалась? спросилъ онъ.

— Молчи, дрянной мальчишка! Смѣешь ты это говорить про сестру! Вотъ я на тебя папенькѣ нажалуюсь! крикнула она на него и направилась съ нимъ къ выходу.

XXI.

Въ МАТЕРІАЛЬНОМЪ отношеніи спектакль удался, какъ нельзя лучше. Зрительная зала была переполнена. Исполнители ѣздили по знакомымъ и продавали билеты съ рукъ. Незнакомыхъ съ кѣмъ-либо изъ актеровъ въ залѣ почти не было, а потому понятное дѣло, что зрители не скупились на апплодисменты. Въ особенности усердствовали банковскіе служащіе. Они каждаго исполнителя принимали при выходѣ его на сцену и сопровождали при уходѣ со сцены громомъ

рукоплесканій. Корневъ и Конинъ, кромѣ того, посадили въ заднихъ рядахъ стульевъ своихъ артельщиковъ. Вызовамъ не было конца. Въ первыхъ рядахъ сидѣли родственники исполнителей и были какъ-бы застрѣльщиками въ дѣлѣ апплодисментовъ. Весь мукосѣевскій любительскій кружокъ былъ въ сборѣ, но апплодировалъ только Корневу, какъ одному изъ членовъ своего кружка. Игралъ Корневъ дѣйствительно недурно, да и вообще пьеса «Что имѣемъ не хранимъ», гдѣ онъ участвовалъ, прошла глаже другихъ пьесъ. Она шла въ концѣ спектакля. При поднятіи занавѣса Дарья Терентьевна, сидѣвшая въ первомъ ряду, между мужемъ и молодой Мукосѣевой, актрисой-премьершей мукосѣевскаго кружка, и негодовавшая вмѣстѣ съ ней за то, что Кринкиной въ пьесѣ «Бѣлая камелія» былъ поднесенъ букетъ, несказанно удивилась, когда въ оркестръ былъ поданъ второй букетъ, еще большихъ размѣровъ чѣмъ первый.

— Это кому еще? Неужели вотъ этой толстой старухѣ? кивнула она на актрису, исполнявшую роль Матрены Марковны?

— Не знаю ужъ право, отвѣчала Мукосѣева.— А впрочемъ, можетъ быть, и вашей дочери.

— Любѣ? Кто ей поднесетъ букетъ! Какая она актриса! Ее въ первый разъ и на сценѣ-то видятъ.

— Да вѣдь здѣсь подносятъ знакомые.

— А у Любы и знакомыхъ-то нѣтъ. Мы да Корневъ. Мы не станемъ подносить, потому что не только поощрять не хотимъ ее, но даже подумываемъ вовсе запретить ей играть въ спектакляхъ.

— Отчего? Это очень милое удольствіе. Я-же вѣдь играю.

— Вы и она! Вы дама и играете всегда вмѣстѣ съ мужемъ, а она дѣвица. На дѣвушку, знаете, всегда какъ-то странно смотрятъ, когда она появляется на сценѣ. И наконецъ, какое это общество! Вашъ кружокъ и здѣшній! Развѣ есть какое-нибудь сравненіе? Только что Корневъ развѣ, а то всѣ актеры кто съ бора, кто съ сосенокъ: какіе-то банковскіе чиновники, какой-то адвокатикъ, шляющійся по мировымъ судьямъ. Вотъ ваше общество — это дѣло другое.

— Хотите, такъ мы съ удовольствіемъ примемъ вашу дочь играть въ наше общество, предложила Мукосѣева.

— Очень вамъ благодарна за нее, но, знаете, ей послѣ этого спектакля надо подольше посидѣть дома. И такъ ужъ она двѣ недѣли подъ рядъ каждый вечеръ то на репетиціи, то на чтеніи пьесъ,—отвѣчала Дарья Терентьевна.—Ужъ развѣ мѣсяца черезъ два-три, тамъ какъ-нибудь на святкахъ...

— Смотрите, смотрите... Букетъ-то вѣдь въ самомъ дѣлѣ для вашей дочери...—перебила ее Мукосѣева.—Ежели-бы подносить его этой комической старухѣ, то нужно было-бы подносить сейчасъ, потому сейчасъ было у ней лучшее мѣсто въ роли, ее вызывали четыре раза, а букета все-таки не поднесли.

— Поднесутъ. Вотъ еще будутъ вызывать я поднесутъ.

— Да нѣтъ-же, нѣтъ. Погодите, я сейчасъ скажу

мужу, чтобы онъ спросилъ въ оркестрѣ, кому приготовленъ этотъ букетъ.

Мукосѣева шепнула что-то сидѣвшему съ ней рядомъ въ первомъ ряду мужу; тотъ приподнялся со стула и наклонился въ оркестръ, заговоривъ съ музыкантомъ. Черезъ минуту онъ опять сѣлъ на свое мѣсто и, потянувшись къ Дарьѣ Терантьевнѣ черезъ свою жену, сказалъ:

— Букетъ для вашей дочери. Сейчасъ ей будутъ подносить.

— Батюшки! Да кто-же это такой ей подноситъ? вся вспыхнула Дарья Терентьевна.

— Должно быть ужъ есть человѣкъ, улыбнулась Мукосѣева.

— Увѣряю васъ, только не мы.

— Да я и не думаю, что вы, но интересующійся ею человѣчекъ все-таки, стало быть, есть.

— Андрей Иванычъ, ты знаешь, букетъ-то вѣдь будутъ Любѣ подносить, шепнула Дарья Терентьевна мужу.

— Да что ты!

Но въ это время во всѣхъ рядахъ зааплодировали Любѣ и букетъ потянулся на сцену, подаваемый капельмейстеромъ. Капельмейстеръ далъ Любѣ уйти и когда она вновь вышла на сцену, вызываемая усиленными апплодисментами, протянулъ ей букетъ. Люба смѣшалась и не брала букетъ. Къ рампѣ подскочилъ Конинъ и, принявъ отъ капельмейстера букетъ, передалъ его Любѣ. Театръ дрожалъ отъ рукоплесканій. Банковскіе чиновники просто неистовствовали. Люба кланялась и уходила со сцены.

Вызовы слѣдовали одинъ за другимъ. Дарья Терентьевна смотрѣла на дочь и умилилась до слезъ.

— Господи! Да кто-же это ей?.. спрашивала она, взглядывая на мужа.—Неужели Корнѣвъ?

Андрей Иванычъ тоже былъ пораженъ и твердилъ:

— Не знаю, матушка, не знаю. Я съ тобой сижу, такъ почемъ-же мнѣ-то знать!

«Или Плосковъ»? задала себѣ мысленно вопросъ Дарья Терентьевна и тутъ-же рѣшила: «да нѣтъ, откуда ему, изъ какихъ средствъ? Вѣдь такой букетъ больше пятидесяти рублей стоитъ».

А вызовы между тѣмъ продолжались.

Но вотъ спектакль конченъ. Дарья Терентьевна спѣшитъ въ женскую уборную. Въ кулисахъ она встрѣчаетъ дочь, окруженную исполнителями. Тутъже и Плосковъ съ букетомъ въ рукахъ. Дарья Терентьевна поцѣловала дочь и сказала:

— Поздравляю, поздравляю. Хорошо сыграла. Но кто тебѣ поднесъ этотъ букетъ?

— Право не знаю, мамаша, отвѣчала Люба, взглянувъ на Плоскова.

— Ну, иди раздѣваться, иди да смажь съ себя скорѣй эту краску, а то лицо оперхнетъ.

Люба отправилась въ уборную. Дарья Терентьевна послѣдовала за ней Тамъ раздѣвалась только комическая старуха Табанина. Дарья Терентьевна опять приступила къ дочери съ вопросомъ, кто поднесъ букетъ.

— А вотъ сейчасъ посмотримъ. Здѣсь въ букетѣ есть карточка. Я еще давеча ее видѣла, сказала

Люба и, вынувъ изъ букета визитную карточку, подала ее матери.

— Да читай сама, матка. Ты знаешь, я безъ очковъ плохо вижу.

— Плосковъ—вотъ кто.

Дарья Терентьевна съ улыбкой покачала головой и сказала:

— Охъ, хитрый пролазъ! Ну, да все-таки спасибо ему.

— Вы ужъ, Бога ради, хоть сегодня-то при прощаньи не смотрите на него звѣремъ, шепнула Люба матери.

— Зачѣмъ звѣремъ смотрѣть? Я даже поблагодарю его.

— Ну, то-то.

Въ двери уборной раздался легкій стукъ и голосъ Андрея Иваныча спрашивалъ:

— Жена! Люба! Скоро вы выйдете?

Дарья Терентьевна тотчасъ-же вышла къ нему.

— Можешь ты думать, вѣдь букетъ-то нахалъ Плосковъ поднесъ.

— Представь себѣ, я сейчасъ-же догадался. Это онъ въ благодарность за мою протекцію. А только какой-же онъ нахалъ? Просто человѣкъ хотѣлъ сдѣлать пріятное и Любѣ и намъ. Гдѣ онъ? Надо будетъ поблагодарить его.

— Только ты, пожалуста, не очень, а то онъ и не вѣдь что о себѣ возмечтаетъ.

А Плосковъ былъ ужъ тутъ какъ тутъ. Не прошло и минуты, какъ онъ вышелъ изъ кулисы. Битковы подошли къ нему и поблагодарили его.

— Душевно радъ, что могъ угодить, расшаркивался Плосковъ и взасосъ поцѣловалъ руку у Дарьи Терентьевны.—Ну, а какъ-же насчетъ кота? спросилъ онъ.—Прислать вамъ его? Котъ-то ужъ очень хорошій. Хозяева его уѣзжаютъ изъ Петербурга, не хотятъ его отдать кому-нибудь и просили меня отыскать такой домъ, гдѣ-бы его любили.

— Да ужъ возьмемъ, возьмемъ, сказалъ Андрей Ивановичъ.

— Ну, пожалуй, пришлите его, прибавила Дарья Терентьевна.

— Зачѣмъ присылать? Почту за особенное удовольствіе самъ собственоручно доставить его вамъ, отвѣчала Плосковъ и раскланялся.

Вскорѣ Люба переодѣлась и Битковы отправились домой.

XXII.

Спектакль, въ которомъ участвовала Люба, присутствіе на спектаклѣ богачей Мукосѣевыхъ и приглашеніе Мукосѣевыми Любы въ свой актерско-любительскій кружокъ, произвелъ на Дарью Терентьевну пріятное впечатлѣніе, такъ что она перестала ворчать на Любу за ея участіе въ спектаклѣ. Также ей очень понравилось, что Любѣ былъ поднесенъ букетъ Плосковымъ, хотя о самомъ виновникѣ этого поднесенія

она старалась не разговаривать. Приглашеніе Любы въ мукосѣевскій кружокъ было сдѣлано Мукосѣевой черезъ Дарью Терентьевну и Дарья Терентьевна на другой-же день не замедлила сообщить объ этомъ Любѣ, прибавивъ:

— Съ банковскими чиновниками ты уже теперь покончишь играть, а вотъ въ мукосѣевскомъ кружкѣ я тебѣ дозволю сыграть одинъ разикъ на Святкахъ. Такъ я и Мукосѣевой сказала.

Спектакль былъ въ воскресенье, а во вторникъ къ вечеру Дарья Терентьевна получила на свое имя довольно объемистый конвертъ. Въ конвертѣ былъ номеръ газеты и при ней карточка Плоскова. Газета была свернута такъ, что ярко бросалось въ глаза что-то обведенное краснымъ карандашомъ. Это была рецензія о спектаклѣ. Конвертъ былъ распечатанъ въ присутствіи Любы. Люба тотчасъ-же схватила газету и, вся вспыхнувъ, съ разгорѣвшимися щеками прочла рецензію. Разумѣется, рецензія была переполнена похвалами участвующимъ. Только про гимназиста Дышлова было сказано, что онъ былъ не на мѣстѣ и мѣшалъ ансамблю, да и про Корнева, что онъ въ нѣкоторыхъ сценахъ черезъ-чуръ утрировалъ комизмъ. Обведенныя-же строки краснымъ карандашомъ гласили слѣдующее:

«Роль Софьи прекрасно исполнила г-жа Биткова— молодая восходящая звѣздочка на горизонтѣ любительскаго кружка. Она была награждена шумными рукоплесканіями и ей былъ поднесенъ роскошный букетъ. Поднесеніе сопровождалось рядомъ восторженныхъ вызововъ».

Когда Люба прочла это, Дарья Терентьевна вдругъ начала слезливо моргать глазами и заплакала.

— Что вы это, маменька? О чемъ? быстро спросила ее Люба.

— Да такъ... Ни о чемъ... Все вѣдь это вздоръ, пустяки... Поддѣлано... Ну, какая ты актриса!..

— Отчего-же поддѣлано? Отчего-же: какая актриса? Такая-же, какъ и другія, и даже, можно сказать, лучше другихъ.

— Не заносись, не заносись.

— Да я и не заношусь, а все-таки пріятно.

— Конечно-же, пріятно. Кто объ этомъ говоритъ!

— А вотъ вы все ругаетесь.

— Но кто-же-бы это могъ написать въ газетѣ? допытывалась Дарья Терентьевна.

— Да ужъ извѣстно кто. Только одинъ человѣкъ и есть, который мнѣ сочувствуетъ и готовъ за меня въ огонь и въ воду... отвѣчала Люба и хотя не упомянула имени, но Дарья Терентьевна тотчасъ же поняла, о комъ идетъ рѣчь, и отвѣчала:

— Ты про Плоскова? Полно, полно. Да развѣ онъ пишетъ въ газеты? Достаточно того, что прочиталъ, да вотъ прислалъ намъ, чтобы порадовать тебя.

— А я вамъ говорю, что пишетъ. Самъ мнѣ разсказывалъ, что пишетъ, и даже деньги за это получаетъ. Тутъ какъ-то была его статья о пенсіонной кассѣ для служащихъ въ частныхъ банкахъ, потомъ о собачьихъ намордникахъ, лѣтомъ

онъ также писалъ о происшествіи, когда съ поѣзда на Финляндской желѣзной дорогѣ солдатъ свалился.

— Скажи на милость, я и не знала, что онъ пишетъ! дивилась Дарья Терентьевна.

— Въ томъ-то и дѣло, маменька, что вы многаго, очень многаго про него не знаете, таинственно улыбнулась Люба.

— А ты ужъ успѣла узнать про него всю подноготную? Хвались, хвались. Есть чѣмъ хвалиться! воскликнула Дарья Терентьевна.

— Такъ что-жъ изъ этого? Ничего нѣтъ худого. По крайней мѣрѣ, я не имѣю о немъ превратнаго понятія. Вотъ и о его писаніи. Знаю, что онъ отъ газетъ когда тридцать рублей въ мѣсяцъ получитъ, когда сорокъ за свое писаніе.

— Ну, велики-ли эти деньги! Изъ-за хлѣба на квасъ.

— Ну, все-таки деньги. А вы вѣдь его чуть не нищимъ считаете.

— Вовсе я его нищимъ не считаю, а что онъ человѣкъ безъ средствъ, то это вѣрно. Но все-таки спасибо ему, что онъ про тебя такъ...

— Ага! Теперь спасибо! А передъ спектаклемъ чуть изъ дома не выгнали. Человѣкъ и букетъ, и похвалу въ газетахъ... полное рвеніе ко мнѣ... а вы смотрите на него, какъ на какого-то...

Люба не договорила.

— Да ужъ полно тебѣ, полно... Будетъ... Достаточно... сказала Дарья Терентьевна.

— Вотъ пріѣдетъ онъ къ намъ, такъ должны

будете загладить свой проступокъ и хорошенько поблагодарить его, продолжала Люба.

— А развѣ онъ пріѣдетъ?

— Да какъ-же... А кота-то привезетъ.

Къ обѣду пріѣхалъ изъ своей конторы Андрей Иванычъ и ему была показана статья въ газетѣ.

— Читалъ... отвѣтилъ онъ, улыбаясь. — Сегодня ужъ и такъ мнѣ со всѣхъ сторонъ суютъ эту газету. Былъ на биржѣ — и тамъ показывали. Мукосѣевъ показывалъ. Вѣдь это все — Плосковъ, говорятъ. Онъ и актеръ, онъ и газетный строчила. Вотъ за букетъ-то надо будетъ замолвить объ немъ два словечка директорамъ. Жалованья ему прибавили, такъ пусть хоть наградку какую-нибудь поосновательнѣе послѣ новаго года дадутъ.

— Не нравится мнѣ вотъ только, что онъ—пролазъ, замѣтила Дарья Терентьевна.

— Ѣсть получше хочетъ — оттого и пролазъ. Теперь только пролазы и живутъ.

Хвалебной газетной замѣткѣ Люба придавала особенное значеніе. Она вырѣзала замѣтку и налѣпила ее въ альбомъ, въ который ей въ разное время вписывали свои автографы въ стихахъ и въ прозѣ ея подруги, а также и нѣкоторые молодые люди, посѣщавшіе ихъ домъ.

На слѣдующее утро Люба, видя, что мать въ благодушномъ состояніи, подсѣла къ ней, поцѣловала ее, завела разговоръ издалека, чуть-ли не объ Адамѣ и Евѣ, и вдругъ съѣхала на Плоскова. Черезъ нѣсколько времени она спрашивала мать:

— А что, маменька, ежели-бы онъ ко мнѣ посватался?

Мать испуганно посмотрѣла на нее и сказала:

— И изъ головы вонъ выбрось.

— Да отчего-же! Вѣдь вы сами теперь видите, что онъ человѣкъ хорошій, привязанный къ нашему дому.

— Съ голоду съ нимъ помрешь,—вотъ отчего.

— Ужъ и съ голоду! Вѣдь онъ хорошее жалованье получаетъ, да и такъ зарабатываетъ въ разныхъ мѣстахъ. Ну, не будемъ мы жить богато, а съ голоду все-таки не помремъ.

— Брось, брось говорить объ этомъ. Ты глупа и ничего не понимаешь. Замужество — не шутка. Тутъ не двоимъ надо жить... Пойдутъ дѣти.

— Но вѣдь вы дадите-же за мной приданое.

— А приданое прожить и опять глазами хлопать? Нѣтъ, ужъ ты оставь.

Люба умолкла. Изъ словъ матери она однако замѣтила, что та ужъ гораздо мягче говорила про Плоскова, и это нѣсколько ее утѣшило. Теперь сбиралась она поговорить объ этомъ-же предметѣ съ отцомъ и искала случая.

XXIII.

ДАРЬЯ Терентьевна окончательно настояла, чтобы Люба не участвовала въ спектакляхъ кружка Кринкиной или банковскихъ чиновниковъ, какъ его называла сама Дарья Терентьевна. Въ день появленія рецензіи въ газетѣ режиссерствующій офицеръ Луковкинъ пріѣзжалъ къ Битковымъ, разсыпался въ похвалахъ таланту Любы и просилъ ее отъ имени кружка пріѣхать къ Кринкиной для совѣщанія и выбора пьесъ для втораго спектакля, но его поблагодарили за любезное приглашеніе и играть Любѣ все-таки не дозволили. Возможность видѣться съ Плосковымъ у Кринкиной и на репетиціяхъ для Любы пресѣклась. Люба скучала о Плосковѣ. Пять дней она уже не видала его. Ложась спать, она два раза даже плакала. Приходилось изыскивать новыя средства для свиданія съ нимъ. Она уже собиралась писать ему въ банкъ записку и просить его, чтобы онъ приходилъ въ субботу ко всенощной въ домовую церковь, куда она обыкновенно ходила съ матерью къ службамъ, но пріѣхавшій изъ своей конторы къ обѣду ея отецъ за столомъ сказалъ:

— Ахъ, да... Сегодня у меня въ конторѣ опять Плосковъ былъ и просилъ позволенія сегодня вечеромъ привезти къ намъ обѣщаннаго кота.

Люба вспыхнула и нагнулась къ тарелкѣ. Дарья Терентьевна покосилась на нее, насмѣшливо улыбнулась и произнесла:

— Влѣзаетъ, влѣзаетъ этотъ молодчикъ къ намъ въ домъ. Радъ, что случай есть.

— Да вѣдь сами-же вы рѣшили взять кота, пробормотала Люба.

— Ну, котъ-то тутъ послѣднее дѣло. Это только предлогъ, чтобы прiѣхать къ намъ.

— А хоть-бы и такъ? Другiе-бы дорожили тѣмъ, что ихъ такъ цѣнятъ и стараются имъ услужить.

— Не такого онъ сорта, чтобъ имъ дорожить.

Люба покачала головой и съ дрожанiемъ въ голосѣ сказала:

— Нѣтъ ему у васъ выслуги.

— Да и не будетъ въ томъ смыслѣ, въ которомъ онъ хочетъ. Вѣдь я понимаю, чего онъ хочетъ. Вотъ ежели-бы Корневъ кота привезъ, да добивался-бы выслуги...

— Что такое Корневъ! Кутила, пьяный человѣкъ. Только что богатъ. Говорятъ, у него на сторонѣ куча дѣтей.

— Ну, это не тебѣ разбирать! строго проговорила Дарья Терентьевна.—Ты дѣвушка и не должна этого понимать.

— Да мнѣ сама Кринкина показывала со сцены въ дырочку занавѣса его мадамъ въ первомъ ряду стульевъ.

— Молчи, срамница! А Кринкину за такiе разговоры съ дѣвушкой слѣдовало-бы за хвостъ да палкой...

— Ну, довольно, довольно, оставьте... остановилъ мать и дочь Андрей Иванычъ и перемѣнилъ разговоръ на другую тему.

Вообще онъ былъ сегодня въ благодушномъ состояніи, шутилъ, сбирался устроить пикникъ при зимней первопуткѣ гдѣ-нибудь за городомъ въ ресторанѣ и обѣщался пригласить молодежь для танцевъ.

Послѣ обѣда онъ, по обыкновенію, закурилъ сигару и легъ у себя въ кабинетѣ отдохнуть на диванѣ, все еще развивая сидѣвшей около него Дарьѣ Терентьевнѣ свою мысль о пикникѣ.

— Нельзя... Надо дочь потѣшить чѣмъ нибудь, да и самимъ встряхнуться слѣдуетъ, говорилъ онъ.

Дарья Терентьевна ни одобряла, ни порицала мысли о пикникѣ, когда же она вышла изъ кабинета, Люба, прислушивавшаяся къ ихъ разговору изъ другой комнаты, тотчасъ-же вошла въ кабинетъ. Видя отца въ веселомъ настроеніи духа, она рѣшилась узнать его мнѣніе о Плосковѣ.

— Не спите еще? спросила она, подойдя къ дивану, поцѣловала отца и сѣла у него въ ногахъ.

Голосъ ея дрожалъ.

— Вотъ маменька все бранитъ Плоскова... А, ей-ей, онъ человѣкъ не дурной и даже очень хорошій, начала она.—Вѣдь вы не тѣхъ мыслей, что маменька?

Отецъ пристально посмотрѣлъ на нее и отвѣчалъ:

— Да, разумѣется, я не браню его. За что бранить искательнаго любезнаго человѣка? А только

скажу, что тебѣ не слѣдуетъ съ нимъ кокетничать.

— Да развѣ я съ нимъ кокетничаю?

Голосъ Любы еще болѣе дрогнулъ. Андрей Иванычъ приподнялся на локтѣ и еще пристальнѣе взглянулъ на дочь.

— Ты что это такъ... Какъ будто ни въ тѣхъ, въ сѣхъ?.. произнесъ онъ.—Посмотри мнѣ прямо въ глаза.

Люба потупилась.

— Мнѣ, папенька, его жалко. Почемъ знать...

Она не договорила. Отецъ спустилъ ноги съ дивана и сѣлъ.

— Эге! протянулъ онъ.—Да ты никакъ и въ самомъ дѣлѣ?..

Онъ тоже не договорилъ.

— Нѣтъ, я, папочка, ничего, но мнѣ знать хочется... что-бы вы сдѣлали, ежели-бы Плосковъ ко мнѣ посватался?—нѣсколько смѣлѣе спросила Люба.

Отецъ поднялся съ дивана и заходилъ по кабинету, усиленно пыхтя сигарой. Люба продолжала сидѣть потупившись.

— Да у тебя развѣ ужъ былъ съ нимъ какой-нибудь разговоръ объ этомъ?—спросилъ онъ наконецъ.

— Былъ...—чуть слышно прошептала Люба.

— И тебѣ онъ нравится?

— Нравится.

— Вотъ ужъ этого я не ожидалъ такъ скоро!—возвысилъ голосъ Андрей Иванычъ, продолжая ходить по кабинету.

— Да вѣдь ужъ я, папенька, съ нимъ давно знакома, я еще лѣтомъ съ нимъ очень часто видалась

въ Озеркахъ на музыкѣ. Онъ подходилъ къ намъ сколько разъ и маменька тогда ничего... Я, папенька, съ нимъ на каждомъ танцовальномъ вечерѣ въ вокзалѣ по нѣскольку разъ танцовала. Мазурку танцовала... Одно только, что лѣтомъ онъ не бывалъ у насъ въ домѣ...

Андрей Иванычъ слушалъ и соображалъ. Черезъ нѣсколько времени онъ произнесъ:

— Нѣтъ, Люба, не того... Нѣтъ, надо погодить.

— То есть что это значитъ: погодить? спросила она.

— Ты сама знаешь что... Надо погодить... Можетъ быть, найдется кто-нибудь и повиднѣе... Я не отказываю тебѣ въ конецъ, но надо погодить. Плосковъ не уйдетъ. Ежели не найдется другаго, то... Но...

Андрей Иванычъ путался въ рѣчи. Признаніе Любы для него было неожиданностью.

— Вѣдь ты привыкла къ роскоши. Ну, посуди сама, какъ онъ тебя будетъ содержать на свое жалованье? продолжалъ Андрей Иванычъ.—Вѣдь, это, это...

— Возьмите его къ себѣ въ контору бухгалтеромъ. Вѣдь у васъ бухгалтеръ Михаилъ Семенычъ четыре тысячи получаетъ, такъ вотъ на мѣсто Михаила Семеныча...

— Нѣтъ, Люба, ты Богъ знаетъ, что говоришь. Такъ нельзя... Надо подождать... Ты покуда выброси все это изъ головы, честью тебя прошу—выброси изъ головы.

Люба заплакала.

Въ это самое время въ прихожей раздался звонокъ. Черезъ нѣсколько времени въ кабинетъ заглянула горничная и сказала:

— Барышня, вы здѣсь? А я васъ ищу, ищу... Тамъ господинъ Плосковъ кота мамашѣ привезли, но мамаша ваша отдохнуть легли. Какъ прикажете: потревожить мамашу или подождать, а вы выйдете къ господину Плоскову?

Люба быстро отирала слезы платкомъ и молчала.

— Сейчасъ мы вмѣстѣ выйдемъ. Попроси господина Плоскова въ гостиную, отвѣчалъ за нее Андрей Иванычъ.

— Да они ужъ и такъ въ гостиной, отвѣчала горничная, уходя изъ кабинета.

Андрей Иванычъ подошелъ къ дочери и поцѣловалъ ее въ голову.

— Ну, поди къ себѣ, умойся послѣ слезъ и потомъ выходи въ гостиную. Я тамъ буду, сказалъ онъ дочери ласково и прибавилъ:—Вотъ ужъ не кстати, такъ не кстати пожаловалъ этотъ Плосковъ съ своимъ котомъ!.. Да вотъ еще что... Скажи матери, чтобы она вышла въ гостиную. Вѣдь котъ-то для нея принесенъ.

Андрей Иванычъ крякнулъ, взглянулъ на себя въ зеркало, сдѣлалъ спокойное лицо, обдернулъ домашнiй пиджакъ и вышелъ изъ кабинета.

XXIV.

Плосковъ привезъ кота въ корзинкѣ. Вынувъ его изъ корзинки еще въ передней, онъ внесъ его въ гостиную и, посадивъ рядомъ съ собой на стулъ, началъ гладить въ ожиданіи прихода хозяевъ, но котъ, видя незнакомую ему обстановку, соскочилъ со стула и запрятался подъ диванъ. Плосковъ началъ вызывать кота изъ-подъ дивана, шепча «кисъ-кисъ-кисъ». Котъ не выходилъ. Плосковъ опустился на колѣна и полѣзъ доставать кота изъ-подъ дивана. Въ такомъ положеніи засталъ Плоскова вошедшій въ гостиную Андрей Иванычъ.

— Что это вы? Что это вы? заговорилъ Андрей Иванычъ при видѣ ползающаго по полу Плоскова.

— Виноватъ-съ... вскочилъ съ пола Плосковъ. Котъ ушелъ подъ диванъ, а я хотѣлъ Дарьѣ Терентьевнѣ собственноручно его поднести. Мое почтеніе, многоуважаемый Андрей Иванычъ.

— Здравствуйте, здравствуйте, батенька, но только напрасно вы сами подъ диванъ лазали. Сейчасъ я скажу человѣку и онъ вытащитъ кота.

Андрей Иванычъ позвонилъ, а самъ косился на Плоскова. Плосковъ пріѣхалъ запросто, вечеромъ, а между тѣмъ былъ во фракѣ и въ бѣломъ галстукѣ.

«Ужъ не хочетъ-ли онъ сегодня предложеніе дѣ-

лать и просить руки Любы, что въ такомъ парадѣ? мелькнуло у него въ головѣ.—Но что я скажу ему? Вѣдь нельзя же Любу выдавать за него».

Кота вытащили изъ-подъ дивана. Плосковъ взялъ его уже на руки и не выпускалъ изъ рукъ. Котъ былъ дѣйствительно большой, черный съ бѣлыми лапками и бѣлой мордой. Андрей Иванычъ взглянулъ на кота и сказалъ:

— Ахъ, черный котъ-то? А вы сказали намъ тогда, что сѣрый, сибирскій.

Плосковъ смѣшался.

— Да... Но я, изволите-ли видѣть, не подробно распросилъ... Это котъ однихъ моихъ знакомыхъ... заговорилъ онъ.—Они уѣзжаютъ изъ Петербурга и просили меня передать его въ хорошія руки.

Въ гостиную вошла Дарья Терентьевна. Плосковъ бросился къ ней.

— Вотъ-съ, позвольте вамъ преподнести обѣщаннаго звѣря, Дарья Терентьевна, пробормоталъ онъ, подавая ей кота.

— Черный? въ свою очередь воскликнула Дарья Терентьевна.—А вы говорили намъ, что сѣрый, сибирскій. Къ чернымъ-то я особеннаго пристрастія не имѣю.

Плоскову пришлось опять оправдываться.

— Простите ужъ. Просто это вышло по недоразумѣнію. Я не вполнѣ справился у моихъ знакомыхъ. Мнѣ помнилось, что они говорили о сѣромъ котѣ, а вотъ онъ оказался чернымъ, заговорилъ онъ.

— Черные никогда не бываютъ добродушными.

Дарья Терентьевна, однако, взяла на руки кота и принялась его гладить.

— Вы говорили, что онъ лапку даетъ и служитъ? спрашивала она и стала просить у кота лапку, но тотъ не давалъ.

— Да мнѣ говорили, что онъ и лапку подаетъ и служитъ, но теперь онъ, очевидно, будетъ дичиться въ чужомъ домѣ и его не скоро заставишь.

Плосковъ искалъ глазами Любу, но Люба не выходила. Разговоръ у него съ отцомъ и матерью Любы не клеился, да и не о чемъ было говорить. Дарья Терентьевна все-таки поблагодарила его за кота, поблагодарила и за хвалебную рецензію объ игрѣ Любы въ спектаклѣ.

— Я не знала, что вы пишите, сказала она.

— Пишу-съ. Это даетъ мнѣ нѣкоторую заработку, которая служитъ подспорьемъ, отвѣчалъ Плосковъ.

— Конечно вамъ спасибо, но все-таки не слѣдовало такъ расхваливать дѣвушку. Вѣдь это можетъ ей окончательно голову вскружить, прибавилъ Андрей Иванычъ.—Ну, какая она актриса!

— Съ дарованіемъ-съ, съ большимъ дарованіемъ... Этого никто не отрицаетъ. Я отдалъ ей только должную дань и нисколько не преувеличивалъ, проговорилъ Плосковъ и, обрадовавшись, что рѣчь идетъ о Любѣ, спросилъ: — А гдѣ-же Любовь Андревна? Ее нѣтъ дома?

— Дома, дома... Но не знаю, что она не выходитъ. Вѣрно она въ своей комнатѣ. Не знаю, сказали-ли ей объ васъ. Сейчасъ я ее позову.

Андрей Иванычъ поднялся со стула и направился

къ Любѣ, дабы посмотрѣть, достаточно-ли она успокоилась отъ слезъ, дабы выйти къ Плоскову, но на порогѣ изъ гостиной въ другую комнату встрѣтился съ Любой. Глаза ея были еще красны и Плосковъ, поздоровавшись съ ней, сразу замѣтилъ, что она плакала.

— Здоровы-ли вы, Любовь Андреевна? На мой взглядъ, вамъ что-то не по себѣ? спросилъ Плосковъ Любу.

— Да... У меня что-то голова болитъ. Съ утра болитъ, отвѣчала та и погладила кота, прибавивъ:— Я думаю, наши-то коты его бить будутъ.

Разговоръ не клеился. Поговорилио о котѣ и умолкли. Плоскову приходилось попрощаться и уходить, но онъ поднялся со стула и приложилъ руку къ груди. Лицо его было блѣдно и покрыто красными пятнами. Съ дрожаніемъ въ голосѣ онъ произнесъ:

— Многоуважаемые Андрей Иванычъ и Дарья Терентьевна, я рѣшаюсь на отчаянный подвигъ, хотя и въ смутной надеждѣ на успѣхъ. Я люблю вашу дочь Любовь Андреевну и прошу у васъ ея руки. Я... Я... И она тоже... Мы любимъ другъ друга взаимно.

Онъ опустился на одно колѣно. Дарья Терентьевна ахнула. Люба сидѣла потупившись, Андрей Иванычъ быстро вскочилъ со стула и бросился поднимать Плоскова.

— Полноте, полноте... Что вы! заговорилъ онъ, стараясь припомнить его имя и отчество.—Полноте господинъ Плосковъ. Зачѣмъ это?

— Я прошу присудить меня къ жизни или къ смерти, оттого я и преклоняю колѣна. Оставьте меня, дайте мнѣ простоять такъ до окончанія приговора, продолжалъ Плосковъ.

— Не хорошо такъ... Встаньте... Могутъ войти люди... Прошу васъ, встаньте... Поговоримъ сидя, суетился около Плоскова Андрей Иванычъ и, поднявъ его, посадилъ на стулъ.

Люба въ это время плакала,

— Не реви! Чего ты! раздраженно крикнула на нее Дарья Терентьевна и, обратясь къ Плоскову, сказала:—Ахъ, господинъ Плосковъ, какой вы переполохъ вносите въ нашъ домъ. Жениться на дѣвушкѣ... Вы думаете, это шутка? А чѣмъ вы жить будете, позвольте васъ спросить? Вѣдь Люба привыкла къ роскоши. Она вонъ на своихъ лошадяхъ разъѣзжаетъ.... У насъ шесть человѣкъ прислуги... А выдетъ за васъ, такъ что она будетъ дѣлать? Глазами хлопать? Или опять иди подъ крыло къ родителямъ?

— Постой, Дарья Терентьевна, не горячись, надо спокойно... останавливалъ ее Андрей Иванычъ.

— Я имѣю настолько средствъ, чтобъ содержать жену, я служу, получаю приличное жалованье, имѣю побочныя заработки, заговорилъ Плосковъ, но Андрей Иванычъ и его перебилъ.—Позвольте... Дайте мнѣ высказаться... Виноватъ... Я забылъ ваше имя и отчество...

— Виталій Петровичъ!..

— Милѣйшій Виталій Петровичъ! Я убѣжденъ, что не въ роскоши счастье, вѣрю, что вы настолько имѣете средствъ, чтобы прилично содержать жену,

но сколь мнѣ ни прискорбно это, но простите, долженъ отказать вамъ въ рукѣ Любы и прямо изъ-за ея молодости. Люба еще молода, мы еще не думаемъ выдавать ее замужъ, мы еще не привыкли кѣ этой мысли.

Плосковъ поднялся и выпрямился.

— Стало быть, все кончено и приговоръ подписанъ? глухимъ голосомъ спросилъ онъ.

— Видите-ли, я вамъ отказываю теперь, но можетъ быть не откажу потомъ, черезъ годъ, черезъ полгода, когда вы, такъ сказать, возобновите вашу просьбу. Прежде всего дайте намъ подумать, дайте намъ сообразить, дайте намъ привыкнуть къ вамъ.

— Такъ полгода ждать? Но вѣдь мы за это время умремъ съ печали.

— Зачѣмъ умирать! Отъ любви никто не умираетъ, но надо подождать. Дайте намъ подождать...

— Прощайте... Прощайте, Любовь Андреевна... произнесъ Плосковъ.

— Виталій! взвизгнула Люба и бросилась къ Плоскову на шею.

— Любовь! Да что-же ты это дѣлаешь! закрижала на нее Дарья Терентьевна и оттащила Любу нъ то самое время, когда тотъ покрывалъ щеку Любы поцѣлуями.

Плосковъ направился изъ гостиной въ прихожую. Андрей Иванычъ схватился за голову. Люба, вырвавшись изъ рукъ матери, упала внизъ лицомъ на диванъ и истерически плакала.

XXV.

Ну, не нахалъ-ли онъ! кричала Дарья Терентьевна, послѣ ухода Плоскова.—Вѣдь этого-то я и ожидала! Этого-то я и опасалась! Оттого-то мнѣ и были противны эти репетиціи съ спектаклемъ.

Андрей Иванычъ только отдувался и разводилъ руками, но въ отвѣтъ на слова жены и онъ произнесъ:

— Противны, а сама дозволила играть. Просила даже меня, чтобъ я ей разрѣшилъ.

— Да вѣдь кто-жъ это зналъ, что разразится дѣло на этомъ мальчишкѣ! Я полагала, что она тамъ себѣ хорошаго, основательнаго жениха найдетъ. Думала про Корнева...

— Да развѣ Корневъ основательный? Сынъ богатаго отца, но за то кутилишка.

Люба не возражала и продолжала плакать. Изъ гостиной она перешла въ свою комнату и заперлась тамъ. Мать нѣсколько разъ стучалась къ ней, но она не отворяла.

«Господи. Боже мой! Не наѣлась-бы чего? Нынче вонъ все дѣвушки изъ-за озорничества спички ѣдятъ и кислоту пьютъ», думала она и отправилась за Андреемъ Ивановичемъ.

— Ну, откуда у ней тамъ сѣрныя спички или

кислота? У насъ сѣрныхъ-то спичекъ и въ заводѣ нѣтъ, отвѣчалъ Андрей Иванычъ.

— Сѣрныхъ спичекъ нѣтъ, такъ ножницы есть, ножикъ... Тутъ вѣдь не такъ отъ любви, какъ отъ озорничества.

Дарья Терентьевна тряслась, какъ въ лихорадкѣ. Андрей Иванычъ и самъ струсилъ и отправился требовать, чтобы двери были отворены.

— Отвори, Люба! Что это за безобразіе на ключъ одной запираться! кричалъ онъ.

Отвѣта не послѣдовало.

— Батюшки! Да ужъ жива-ли? Она не отвѣчаетъ! взвизгнула Дарья Терентьевна.

— Отвори, говорятъ тебѣ, не дѣлай скандала! А то я велю двери съ петлей снять! продолжалъ Андрей Иванычъ.

— Можете, что хотите дѣлать... послышался голосъ Любы.

— Жива... перевела духъ Дарья Терентьевна.

— Конечно-же жива... пробормоталъ Андрей Иванычъ, и самъ обрадовавшись, что услыхалъ голосъ дочери, сталъ ее уговаривать:—Пусти-же меня переговорить съ тобой. Я хочу переговорить... Ты вѣдь не такъ меня поняла, когда я говорилъ съ Плосковымъ.

Щелкнулъ замокъ. Любао тперла дверь, но когда отецъ и мать вошли въ комнату, она бросилась на постель и отвернулась къ стѣнѣ. Андрей Иванычъ тотчасъ-же вынулъ ключъ изъ замка и спряталъ его въ карманъ.

— Ты не такъ меня поняла, сказалъ онъ.—

Я вѣдь Плоскову въ окончательной формѣ не отказывалъ, а сказалъ только, что надо подождать.

— Чего-же ждать-то? Вѣдь мнѣ ужъ двадцать первый годъ, послышался отвѣтъ Любы.

— Ну, такъ что-жъ изъ этого? Скажите на милость какая старуха! И наконецъ, мы вѣдь его еще не знаемъ. Что онъ такое? Кто онъ такой?

Андрей Иванычъ всячески хотѣлъ смягчить свой отказъ, но Дарья Терентьевна перебила мужа.

— Какъ не знаемъ? Все знаемъ, проговорила она.—Самъ-же ты разсказывалъ намъ, что давно знаешь его отца-маклера, справлялся и сколько этотъ Плосковъ жалованья получаетъ въ банкѣ, а просто онъ не пара ей. Ну, посуди сама, Любушка, какая это для тебя пара? Развѣ это партія! Вѣдь ты дѣвушка не бѣдная, мы, выдавая тебя замужъ, хотимъ наградить хорошо, а тутъ ни съ того ни съ сего за человѣка, у котораго ни кола, ни двора.

— Да вѣдь наградить-то меня все-таки хотите. Вотъ когда наградите, тогда и будетъ у него колъ и дворъ, сквозь слезы отвѣчала Люба.

Отецъ подошелъ къ ней, дотронулся до нея рукой и сказалъ:

— Успокойся. Перемелется — все мука будетъ. Встань, умойся и пойдемъ пить чай.

Къ чаю, однако, Люба не вышла. Дарья Терентьевна сама снесла ей чашку чаю съ булками и поставила на столъ, но Люба не прикоснулась къ чаю. Въ домѣ сдѣлалось уныніе. Андрей Ивановичъ хотѣлъ послѣ чаю ѣхать въ клубъ, такъ какъ его ждали тамъ на партію винта, но не поѣхалъ. Онъ

бродилъ по комнатамъ и отдувался. Ему попался черный котъ привезенный Плосковымъ, тоже бродившій по комнатамъ и приглядывавшійся къ новому мѣсту. Битковъ съ сердцемъ пнулъ его ногой.

Часовъ въ одиннадцать вечера у Битковыхъ, по заведенному порядку, ставили на столъ холодный ужинъ. Люба не вышла и къ ужину. Пришлось ложиться спать. Передъ отправленіемъ въ спальню, Дарья Терентьевна зашла въ комнату дочери. Люба не спала, лежала съ отрытыми глазами, все еще заплаканными, и съ носовымъ платкомъ въ рукѣ, но при входѣ матери отвернулась къ стѣнѣ.

— Какъ это хорошо поступать такъ съ матерью, которая отъ тебя души въ себѣ не чаетъ и хлопочетъ о твоемъ-же благѣ! сказала она, стараясь вызвать Любу на разговоръ, но та молчала.

— Прощай... Я спать иду...

Отвѣта не послѣдовало.

Дарья Терентьевна молча перекрестила ее и удалилась.

Ночью Дарья Терентьевна спала тревожно и, просыпаясь, раза три ходила въ комнату дочери. Въ первый разъ она нашла дочь читающею книгу въ постели, два другіе раза уже спящею. Дарья Терентьевна оба раза замѣтила, что дочь бредила. Плохо спалось и Андрею Ивановичу.

— Ну, что? спросилъ онъ жену, когда та вернулась въ спальню.

— Скажите на милость, какую дурь на себя напустила! Вся горитъ и бредитъ, отвѣчала та.

— Про него бредитъ?

— Разобрать нельзя, что бормочетъ, но бредитъ.

На другой день Люба не вышла и къ утреннему чаю, одѣлась и опять легла въ постель.

— Больна ты, что-ли? спросила ее мать входя въ ея комнату.

— Ахъ, Боже мой! Да развѣ можетъ быть человѣкъ здоровъ, ежели у него всю жизнь разбили!

— Ты изъ пьесъ да изъ романовъ-то словами не говори, а лучше поздоровайся съ матерью.

— Пріятно-ли мнѣ съ вами здороваться, если вы явный врагъ мой.

Люба заплакала.

— Ну, что я буду дѣлать съ этой своенравной дѣвченкой! всплеснула руками Дарья Терентьевна и вышла изъ комнаты Любы.

Завтракать Люба попросила принести ей горничную, немножко поѣла, а послѣ завтрака принялась писать Плоскову записку, то и дѣло поглядывая на дверь, опасаясь, чтобы не вошла мать, такъ какъ отецъ вынутый вчера изъ дверей ключъ все еще не возвращалъ и запереться въ комнатѣ было невозможно.

Въ запискѣ Люба написала:

«Милый и дорогой Виталій! Послѣ вчерашняго я на все рѣшилась. Я убѣгу изъ дома и мы повѣнчаемся тайно. Устраивай это все какъ можно скорѣе и пришли черезъ горничную отвѣтъ. Пришла-бы къ тебѣ сама въ банкъ, но боюсь встрѣтиться тамъ съ папашей. Вѣдь онъ часто у васъ въ банкѣ бываетъ. Послѣ завтра буду у всенощной въ гимназіи, ежели маменька не навяжется со мной, а навяжется, то

не пойду, потому что тогда ужъ будетъ невозможно переговорить съ тобой. Алчу и жажду тебя видѣть... Но гдѣ? Гдѣ? Прощай, мой дорогой. Цѣлую тебя заочно. Твоя Л.».

Написавъ записку, Люба дала горничной деньги и просила ее переслать эту записку къ Плоскову въ банкъ съ посыльнымъ.

XXVI.

ВСЕ еще лежитъ? Все еще не успокоилась? спросилъ Андрей Иванычъ у жены про дочь, когда вернулся изъ конторы домой обѣдать и не увидалъ встрѣчавшей его, обыкновенно, дочери.

— Лежитъ. Гдѣ успокоиться! Давеча вставала она съ постели, что-то пописала, но изъ комнаты своей не выходила, отвѣчала Дарья Терентьевна.—Завтракъ носили ей въ ея комнату, но она только чуть чуть до него дотронулась.

— Не на шутку должно быть нравится парень, покачалъ головой Андрей Иванычъ.

— На стѣну лѣзетъ. Но не понимаю, что она въ этомъ Плосковѣ нашла хорошаго! Не диво еще, если-бы красавецъ былъ, а то самый обыкновенный.

— Понравится иногда и сатана лучше яснаго сокола. А все-таки это ужасно непріятно.

— Да ужъ какая пріятность! Бѣда... Вотъ не было-то печали, такъ черти накачали, прости Господи! вздохнула Дарья Терентьевна и прибавила:— Ты знаешь, она не на шутку больна, горничная разсказываетъ, про нее, что давеча хининъ принимала. Зайди къ ней, посмотри—и теперь лежитъ съ компресомъ на головѣ.

— Гм... Ты давеча сказала, что она писала что-то. Ужъ не письмо-ли Плоскову? задалъ вопросъ Андрей Иванычъ.

— А что ты думаешь? Съ нея станется. Вотъ надо горничную спросить, не посылала-ли она ее письмо въ почтовый ящикъ опускать.

Была спрошена горничная, но та на-отрѣзъ отперлась.

— Да ты говори правду! крикнулъ на нее Андрей Иванычъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, баринъ. Я говорю правду. Съ чего-же мнѣ скрывать?

Андрей Иванычъ вошелъ въ комнату Любы. Люба лежала съ книгой въ рукахъ и компресомъ на головѣ.

— Здравствуй, сказалъ онъ.—Больна?

— Еще-бы быть здоровой! отвѣчала Люба, не перемѣняя своего положенія.—Погодите, еще чахотка будетъ, въ гробъ уложите.

— Ну, ну... Изъ-за всякаго мальчишки да еще чахотка! пробормотала мать.

— Ежели больна, то не послать-ли за докторомъ? участливо спросилъ отецъ, прикладывая свою руку къ головѣ дочери.

— Доктора отъ этихъ болѣзней не лечатъ, вздохнула та.

— Пойдемъ обѣдать.

— Не могу.

Люба не вышла и къ обѣду. Обѣдъ послали ей въ ея комнату. Вмѣстѣ съ обѣдомъ горничная подала ей и записку отъ Плоскова.

— Баринъ самъ принесли и на черной лѣстницѣ отвѣта дожидаются.

Люба быстро разорвала конвертъ. Плосковъ писалъ:

«Милая, добрая, сердечная, безконечно дорогая Любочка! Записочка твоя оживила меня и указываетъ путь къ счастью. Люба любитъ меня! Люба рѣшается быть моею! Люба сагласна уйти изъ-подъ родительскаго крова и обвѣнчаться со мной тайно! Ангелъ безцѣнный! Сегодня знаменательный день въ моей жизни. Бѣжимъ, бѣжимъ и обвѣнчаемся! Но для этого надо непремѣнно твое метрическое свидѣтельство. Добудь непремѣнно метрическое свидѣтельство— и тогда я изберу какую-нибудь дальнюю церковь, чтобы намъ вѣнчаться. Но на письмѣ переговариваться трудно. Завтра буду у всенощной въ гимназіи и стану ждать тебя, но ежели ты ко всенощной почему-нибудь не придешь, то приходи послѣ-завтра въ часъ дня въ Пассажъ. Тамъ мы и переговоримъ. Посылаю тебѣ милліонъ поцѣлуевъ и жду отвѣта. Твой Виталій».

Люба читала записку и мѣнялась въ лицѣ. Сердце учащенно билось, красными пятнами покрывались ея блѣдныя щеки, глаза искрились. Прочитавъ за-

писку, она хотѣла поцѣловать ее, но увидала горничную, которая стояла тутъ-же и ждала отвѣта, удержалась и спрятала письмо въ карманъ.

— Что-же сказать барину-то? Онъ стоитъ на черной лѣстницѣ.

— Скажите, что все будетъ исполнено, поспѣшно отвѣтила Люба.

Горничная ушла. Люба еще разъ перечитала записку и прижала ее къ губамъ.

«Метрическое свидѣтельство... Господи! Да гдѣ-же хранится у папеньки мое метрическое свидѣтельство? прошептала она.—Ежели въ конторѣ въ желѣзномъ сундукѣ, то какъ его оттуда достать! Ни за что не достанешь... Да ежели и въ письменномъ столѣ въ кабинетѣ, то тоже не достанешь, мелькнуло у ней въ головѣ. Неужели ломать замокъ? Вѣдь это ужасъ что такое»!

Послѣ обѣда, Андрей Иванычъ, по обыкновенію, удалился къ себѣ въ кабинетъ полежать на диванѣ. Пришла Дарья Терентьевна и опустилась на диванъ въ ногахъ мужа. Андрей Иванычъ курилъ. Она сидѣла молча, но наконецъ спросила:

— Думаешь, все это обойдется? Вѣдь совсѣмъ дѣвка закусила удила. Рветъ и мечетъ.

— Ничего не знаю .. Рѣшительно ничего не знаю... вздохнулъ Андрей Иванычъ.

— Боюсь, какъ-бы на самомъ дѣлѣ не захворала въ серьезъ. И жалко-то ее, да и нельзя согласиться на то чего она хочетъ.

— Ну, положимъ, что согласиться-то можно. Гдѣ

нынче такихъ особенныхъ-то жениховъ найдешь! Вѣдь и то сказать, не каторжный онъ.

— Ты, кажется, сдаешься? Нѣтъ, нѣтъ... Этого нельзя... замахала руками Дарья Терентьевна.—Чѣмъ имъ жить будетъ? Помилуй...

— Ничего я покуда не сдаюсь, а говорю, что ежели она долго не успокоится—и, въ самомъ дѣлѣ, хворать начнетъ. Зачѣмъ-же, въ самомъ дѣлѣ, быть врагомъ дочери? А что насчетъ того, что чѣмъ имъ жить—поможемъ какъ-нибудь. Все-таки вѣдь жалованье получаетъ онъ, съ наградами-то тысячи двѣ съ половиной имѣетъ. Ну, положимъ, ежели не выдавать ей на руки ея приданныхъ двадцать тысячъ, а положить только на ея имя, чтобы она пользовалась процентами—вотъ ужъ у нихъ еще тысяча рублей есть.

— Ахъ, Андрей Иванычъ, что ты говоришь! опять вздохнула Дарья Терентьевна.

— Я говорю про крайній случай.

— И въ крайнемъ случаѣ не хорошо. Двѣ съ половиной тысячи да одна—три съ половиной. Ну, что такое три съ половиной тысячи, ежели у нихъ дѣти пойдутъ!

— Ахъ, Боже мой! Да вѣдь подвигаться по службѣ-то будетъ. Ну, похлопочемъ за него...

— Андрей Иванычъ, да ты, кажется, ужъ совсѣмъ?..

— Ничего я не совсѣмъ.

— Какъ не совсѣмъ? Ты такъ спокойно. Нѣтъ, нѣтъ... Люба привыкла къ роскоши.

— Ну, у себя въ конторѣ дамъ ему занятія. Въ

банкѣ онъ днемъ, а у меня по вечерамъ.—Помощникъ бухгалтера у меня есть-же и получаетъ тысячу двѣсти, — ну, вотъ это жалованье ему. Пусть трудится.

— Ахъ, не такого я себѣ прочу зятя!

— А какого-же? Чтобы съ неба звѣзды хваталъ?

— Андрей Иванычъ! Я съ тобой въ серьезъ, а ты въ шутку!..

— Да въ чемъ-же тутъ шутка-то?

— Ахъ, оставь пожалуйста.

Дарья Терентьевна надулась и вышла изъ кабинета мужа.

XXVII.

У ЛЮБЫ только и мыслей было, какъ-бы добыть свое метрическое свидѣтельство. Дѣло въ томъ, что она не знала даже, гдѣ оно хранится. Задать объ этомъ вопросъ отцу, хоть-бы при другомъ разговорѣ, она боялась, опасаясь, что отецъ догадается о задуманномъ ею планѣ, и потому рѣшилась попытать мать, считая ее попростоватѣе. Разговоръ о метрическомъ свидѣтельствѣ Люба начала съ матерью издалека. Передъ сномъ, когда Дарья Терентьевна зашла къ Любѣ въ комнату, чтобы проститься, Люба, все еще лежавшая съ компресомъ на головѣ, спросила ее:

— А у васъ живо еще ваше метрическое свидѣтельство?

Дарья Терентьевна даже выпучила глаза отъ удивленія, до того вопросъ былъ неожиданъ.

— Мое метрическое свидѣтельство? повторила она.—А тебѣ зачѣмъ? Зачѣмъ ты это спрашиваешь?

Люба улыбнулась, стараясь держать себя какъ можно хладнокровнѣе, и отвѣчала:

— Да вотъ я сейчасъ читала въ книгѣ про метрическое свидѣтельство. Потеряла одна дама свое метрическое свидѣтельство и черезъ это разныя хлопоты.

— Конечно-же живо. Оно у Андрея Иваныча.

— А мое? Вѣдь у меня тоже есть метрическое свидѣтельство?

— А какъ-же не быть? Тоже есть.

— И оно у папаши?

— Да, да...

— А гдѣ оно хранится?

— Всѣ бумаги у него хранятся въ конторѣ, въ желѣзномъ шкапу. Тамъ и метрическія свидѣтельства, тамъ и купчія крѣпости и духовное завѣщаніе. Только съ чего ты это спрашиваешь?

— Да просто такъ.

«Ну, изъ конторы, да изъ желѣзнаго шкапа мнѣ ужъ никакъ не добыть метрическаго свидѣтельства», рѣшила Люба и крѣпко опечалилась.

Ночью ей снилось метрическое свидѣтельство, снилось, какъ она ломаетъ гвоздемъ замокъ у желѣзнаго шкапа въ конторѣ, но вдругъ входитъ отецъ и накрываетъ ее. Люба тотчасъ-же проснулась. Сердце

ея усиленно билось, на лбу выступалъ потъ. Послѣ этого сна она съ трудомъ могла успокоиться.

Утромъ первыя ея мысли были также о метрическомъ свидѣтельствѣ.

«Господи! Да неужели-же нельзя обвѣнчаться безъ метрическаго свидѣтельства?!.» мелькало у нея въ головѣ, а сердце такъ и сжималось болѣзненно.

На этотъ разъ Люба старалась уже казаться здоровою, такъ какъ она собиралась сегодня идти ко всенощной, дабы видѣться тамъ съ Плосковымъ. Передъ завтракомъ она надѣла на себя корсетъ, переодѣлась изъ блузы въ платье и вышла завтракать въ столовую.

— Лучше тебѣ теперь? Поправилась? спросила ее мать.

— Да вамъ-то какое дѣло! раздраженно отвѣчала Люба.— Сами причина моей болѣзни и еще спрашиваете! Послѣ такой передряги люди никогда не поправляются, а не валяться-же мнѣ цѣлый мѣсяцъ въ постели. Надо и воздуху понюхать. Сегодня, напримѣръ, я пойду ко всенощной.

— Ну, вотъ и отлично. Авось, Богъ тебя образумитъ. Помолиться никогда не мѣшаетъ. Пойдемъ вмѣстѣ, и я съ тобой пойду.

Люба вспыхнула и отвѣчала:

— Вотъ съ вами-то я ужъ ни за что не пойду! Что это, въ самомъ дѣлѣ, словно хвостъ, всюду сзади! И если-бы еще добрые родители были. А то въ болѣзнь вгоняютъ. Дайте мнѣ одной-то отдышаться.

— Нѣтъ, ужъ одну я тебя ни за что не отпущу.

Вѣдь ужъ я теперь догадываюсь, зачѣмъ ты ко всенощной идешь. Чтобы съ нимъ видѣться?

— А хоть-бы и съ нимъ?

— Да что ты, бѣлены объѣлась, что-ли? Не пущу, ни за что не пущу, потому не желаю, чтобы ты съ нимъ видѣлась.

— Не убережете! сказала Люба и вышла изъ-за стола, не кончивъ завтрака.

Ко всенощной, однако, Люба не пошла и рѣшилась идти на свиданіе съ Плосковымъ завтра въ Пассажъ. Къ обѣду она опять не вышла, переодѣлась въ блузу и легла у себя въ комнатѣ съ книжкой въ рукѣ на постель. Отецъ, придя домой изъ конторы, по обыкновенію, зашелъ къ ней въ комнату поздороваться. Съ нимъ была и мать.

— Вотъ, сказала она указывая на дочь:—утромъ была человѣкъ человѣкомъ, выходила къ завтраку, а теперь раскапризилась и опять легла. А изъ-за чего раскапризилась-то? Изъ-за того, что я не пускаю ее сегодня одну ко всенощной, а хочу сама съ ней идти. Съ Плосковымъ, видишь ты, хочетъ тамъ видѣться и шушукаться, а я помѣха.

— Да вѣдь все равно не убережете, и не сегодня, такъ завтра буду съ нимъ видѣться, спокойно повторила свою угрозу Люба.

Андрей Иванычъ только покачалъ головой и пожалъ плечами. За обѣдомъ онъ сказалъ женѣ:

— Что-же это, однако, будетъ! Вѣдь такъ жить нельзя, ежели она не угомонится.

— Однако, не отдавать-же ее замужъ за перваго встрѣчнаго-поперечнаго! отвѣчала Дарья Терентьевна.

Такъ прошелъ еще день. На утро былъ праздникъ. Люба встала раньше обыкновеннаго, одѣлась съ утра и выходила къ утреннему чаю въ столовую.

— Къ обѣднѣ, что-ли, собралась? Пойдемъ ужъ хоть къ обѣднѣ-то вмѣстѣ, сказала ей мать, стараясь быть сколь возможно ласковѣе.

— Не желаю, рѣзко отвѣчала дочь.

— Да брось ты свой ретивый характеръ, будетъ тебѣ, угомонись.

— Бросьте вы сперва вашъ ретивый характеръ. Я своимъ ретивымъ характеромъ никому ничего не порчу, а вы мнѣ жизнь портите, въ болѣзнь меня вгоняете, до отчаянія доводите.

— Ахъ, актриса, актриса! покачала головой Дарья Терентьевна.

— А вотъ увидите, какая актриса.

Къ обѣднѣ Дарья Терентьевна отправилась одна. Когда-же она явилась домой, Любы дома уже не было. Словно какой тяжелый камень опустился на грудь Дарьи Терентьевны. Руки и ноги у ней задрожали.

— Гдѣ Люба? спросила она горничную.

— Ушли-съ... Полчаса тому назадъ ушли. Одѣлись и ушли.

— Куда?

— Да должно быть къ обѣднѣ.

— Что ты врешь! Ее въ церкви не было. Я даже молебенъ отстояла, всѣхъ мимо себя пропустила, а ее не видѣла.

— Должно быть, куда-нибудь въ другую церковь ушла.

— Господи! Да чтоже это такое? Андрей Иванычъ! кричала, чуть не плача, Дарья Терентьевна и, когда тотъ вышелъ изъ кабинета съ газетой, сказала ему:—Вѣдь Любки-то дома нѣтъ. Она убѣжала.

— Какъ убѣжала? Куда? испуганно спрашивалъ Андрей Иванычъ.

— Да должно быть къ нему, подлецу.

— Что ты врешь! Она просто къ обѣднѣ ушла.

— Да не было ее у обѣдни въ нашей церкви.

— Ну, должно быть въ другую церковь.

— Да, да... Она говорила: все равно не убережете. Вотъ и не уберегли, не уберегли, не уберегли. И зачѣмъ только понесло меня одну къ обѣднѣ!

Дарья Терентьевна опустилась на стулъ и заплакала. Андрей Иванычъ утѣшалъ ее, что Люба у обѣдни, но и самъ тревожился.

Любу ждали къ завтраку, къ часу, но она не вернулась. Во второмъ часу сѣли за столъ, но ни мать, ни отецъ не могли ѣсть отъ безпокойства. Пробило два часа, а Любы все не было. Не сказавшись, Люба ушла въ первый разъ.

— Андрей Иванычъ! Голубчикъ! Надо искать ее... Надо послать... Надо по горячимъ слѣдамъ... Надо самому тебѣ ѣхать къ Плоскову. Гдѣ Плосковъ-то живетъ? Она непремѣнно у него. Боже мой, Боже мой! Что-же это такое! бормотала вся въ слезахъ Дарья Терентьевна,

Андрей Иванычъ и самъ трясся, какъ въ лихорадкѣ.

XXVIII.

ИЗЪ дома Люба вышла часу въ двѣнадцатомъ, а свиданіе съ Плосковымъ въ Пассажѣ назначено было въ часъ. Сдѣлала она это нарочно, дабы уйти въ то время, когда мать была у обѣдни. До часу ей еще порядочно пришлось походить по улицамъ. Улицы она избирала не многолюдныя: ходила по Итальянской за Пассажемъ, вокругъ Михайловскаго садика. Безъ пяти минутъ въ часъ она зашла въ Пассажъ. Въ Пассажъ она зашла съ Итальянской улицы. Плосковъ былъ уже тамъ. Онъ стоялъ около окна какого-то магазина и разсматривалъ выставленные товары. Люба до того обрадовалась, что чуть не бросилась ему на шею.

— Здравствуйте... Здравствуй... заговорила она, пожимая ему руки и мѣшаясь въ ты и вы.—Былъ у всенощной въ гимназіи? ждалъ меня? Я и хотѣла придти, да за мной маменька увязалась. Съ маменькой было-бы безполезно...

— Само собой. А я былъ, забрался еще до начала службы и всѣ глаза проглядѣлъ, отвѣчалъ Плосковъ.—Ну, что, не тяжело тебѣ быть дома?

— Ахъ, Виталій! Они просто поѣдомъ меня съѣли, проговорила Люба. — Надо это скорѣй какъ-нибудь кончить. Мнѣ жизнь не въ жизнь.

— Безъ документовъ и думать нечего вѣнчаться. Ну, что метрическое свидѣтельство?

— Въ желѣзномъ шкапу, у папеньки въ конторѣ. Оттуда его никакъ мнѣ добыть невозможно. Я и въ конторѣ-то разъ въ годъ бываю.

— Скверно.

Плосковъ задумался.

— Нельзя-ли какъ-нибудь безъ метрическаго свидѣтельства? приставала Люба.—Тогда я хоть сейчасъ... Я на все рѣшилась. Поѣдемъ, повѣнчаемся и ужъ домой я больше не вернусь.

— Да нельзя безъ документовъ. Надо хоть копію съ метрическаго свидѣтельства достать. Вотъ я съѣзжу въ домовую церковь и переговорю, нельзя-ли по копіи метрическаго свидѣтельства обвѣнчаться.

— Да вѣдь какъ-же я копію-то?.. Вѣдь я вамъ прямо говорю, что мое метрическое свидѣтельство въ желѣзномъ шкапу.

— Копію надо достать въ той церкви, гдѣ тебя крестили, или въ консисторіи. Въ какой церкви тебя крестили?

— Да развѣ меня въ церкви крестили? меня дома крестили. Гдѣ-же это видано, что богатые люди крестятъ дѣтей въ церкви!

— Ну, да, да... А изъ какой церкви былъ священникъ, который тебя крестилъ?

— Вотъ ужъ этого я, Виталій, рѣшительно не знаю. Развѣ я могу это помнить? Я тогда, самъ знаешь, была маленькая, наивно отвѣчала Люба.

— Надо узнать. Узнай какъ-нибудь незамѣтнымъ образомъ у отца или у матери. Можно вѣдь это

какъ-нибудь такъ... среди другаго разговора. А безъ этого и копіи достать нельзя.

Люба опечалилась.

— Теперь ужъ узнавать что нибудь незамѣтнымъ манеромъ нельзя. Сейчасъ поймутъ въ чемъ дѣло сказала она.—Ушла я изъ дома безъ спроса. Къ кому, зачѣмъ — они ужъ догадались. Воображаю я, что теперь у насъ дома дѣлается! Маменька рветъ и мечетъ. Я, Виталій, просто даже боюсь домой вернуться.

— Экая ты какая! Ну, какъ-же не узнать, заранѣе, въ какой церкви записано твое крещеніе! досадливо сказалъ Плосковъ.

— Да вѣдь ты-же объ этомъ мнѣ ничего не приказывалъ.

— Ну, какъ не приказывалъ! Я тебѣ еще на репетиціяхъ сколько разъ говорилъ о метрическомъ свидѣтельствѣ, о копіи.

— О метрическомъ свидѣтельствѣ и о копіи ты говорилъ, а чтобы узнать о церкви — ничего не упоминалъ. Что-же намъ дѣлать теперь, Виталій?

— Одно — непремѣнно узнать, въ какой церкви записано твое крещеніе.

Люба помолчала и наконецъ произнесла.

— Ахъ, Виталій, а ужъ я хотѣла прямо къ тебѣ!...

— Какъ ко мнѣ? Не вѣнчавшись-то?!. испуганно спросилъ Плосковъ.—Нѣтъ, нѣтъ, милая, этого нельзя. Это просто невозможно. Ты теперь поѣзжай домой, соври, что была у какой-нибудь подруги и не застала ее дома.

— Да у меня нѣтъ подругъ.

— Ну, какъ нѣтъ! А Оля и Маша? Трубачева .. Бекасова?

— Да я къ нимъ хожу только по приглашенію и, наконецъ, это было только наше дачное знакомство. На дачѣ знакомы, а въ городѣ нѣтъ.

— Ну, купи въ магазинѣ какую-нибудь вещь и скажи матери, что ты ходила за покупкой.

— Все равно не повѣрятъ. Не повѣрятъ и ужъ будутъ меня караулить и мнѣ тогда одной никуда изъ дома не урваться.

— Боже мой! Да вѣдь не на привязь-же тебя посадятъ.

— Посадятъ. Или сдѣлаютъ что нибудь въ родѣ этого. Вѣдь вынули-же они изъ двери моей комнаты ключъ, чтобы я не могла запираться въ комнатѣ и можно было всегда видѣть, что я дѣлаю. Ахъ, Виталій! Ты не знаешь, какіе мои родители изверги!

— Полно, полно, милая, это тебѣ только такъ кажется. Твой отецъ премилый, премягкій человѣкъ— одно только: упрямъ. Поѣзжай домой, старайся узнать изъ какой церкви священникъ тебя крестилъ, и напиши мнѣ объ этомъ, какъ можно скорѣй, записку въ банкъ, уговаривалъ Любу Плосковъ.

— Ахъ, Виталій! вздохнула Люба.

— Поѣзжай, поѣзжай. Въ Пассажѣ тебѣ тоже не слѣдуетъ долго оставаться. Тутъ довольно многолюдно, могутъ попасться твои знакомые, передать родителямъ. Прощай, другъ мой... Торопись... Уходи. А ежели видѣться намъ, то лучше видѣться на квартирѣ у Кринкиной. Въ среду вечеромъ я буду у ней. Можешь урваться—пріѣзжай.

— Да нѣтъ-же нѣтъ. Вѣдь я тебѣ русскимъ языкомъ говорю, что мнѣ теперь никуда одной изъ дома не урваться—отвѣчала Люба и уже на глазахъ ея были слезы.

— Урвешься. Богъ не безъ милости. Наконецъ я придумаю что-нибудь другое и сообщу тебѣ запиской. Уходи. Пойдемъ, я тебя посажу на извощика. Вонъ какой-то господинъ съ бакенбардами пристально смотритъ на тебя. Можетъ быть и знакомый. Пассажъ для дѣвушки мѣсто не вполнѣ приличное. И я-то былъ глупъ, что назначилъ тебѣ свиданіе въ Пассажѣ!—бормоталъ Плосковъ.

— Ахъ, Виталій, ну, зачѣмъ ты меня гонишь! Дай ты мнѣ еще побыть и поговорить съ тобой!

— Выйдемъ изъ Пассажа. Лучше мы на улицѣ поговоримъ.

Плосковъ шелъ впередъ и вывелъ Любу на улицу.

— И ума не приложу, что я теперь буду дома говорить!—вздыхала Люба.

— Послушай, вѣдь у васъ горничная преданный тебѣ человѣкъ. Ты можешь съ горничной куда-нибудь отлучиться изъ дома, меня увѣдомить, а ужъ я тебя укараулю.

— Трудно, но надо какъ-нибудь ухищряться. Ахъ, Виталій, Виталій!

— Садись скорѣй на извощика. Можетъ быть, тебя еще дома и не хватились, торопилъ Любу Плосковъ.

— Какъ не хватиться! Ну, будь что будетъ! Прощай...—покорно произнесла Люба, крѣпко пожимая руки Плоскова, съ улыбкой взглянула ему въ

лицо и шепотомъ прибавила:—Милый... голубчикъ... безцѣнный...

— Извощикъ!—крикнулъ Плосковъ и принялся усаживать Любу въ экипажъ. — Ну, а что кстати мой котъ?—спросилъ онъ вдругъ.

— Маменька его выгнала на дворъ и онъ пропалъ.

— Жалко. Прощай... До свиданія... Черезъ горничную и отъ меня будешь получать записки. Прощай... Извощикъ! Пошелъ!

Люба поѣхала домой.

XXIX.

Возвращаясь со свиданія съ Плосковымъ, Люба не безъ трепета приближалась къ своему дому. Она уже напередъ чувствовала все то, что на нее обрушится со стороны матери и отца. Совѣтъ Плоскова сдѣлать какую-нибудь покупку въ одномъ изъ магазиновъ и потомъ сослаться, что отлучка изъ дома была сдѣлана для покупки — она не исполнила. Она рѣшилась прямо объявить отцу и матери, что ходила гулять, чтобы видѣться на улицѣ съ Плосковымъ. Стать, однако, сразу лицомъ къ лицу передъ отцомъ и матерью ей было трудно; она знала, что тѣ ждутъ не дождутся ея звонка у дверей съ чистаго хода, дабы сразу осыпать ее бранью и попреками

а потому вернулась домой черезъ кухню, по черному ходу, и прошла къ себѣ въ комнату. Только спустя полчаса послѣ ея прихода отецъ и мать узнали, что она дома. Они тотчасъ-же вбѣжали въ ея комнату. Люба сидѣла у стола и перелистывала книгу.

— Безстыдница! Срамница! завопила Дарья Тереньевна.—Уйти изъ дома не спросясь, не сказавъ ни отцу, ни матери ни слова! Гдѣ это ты шлялась? Говори!

Губы у Любы затряслись и она отвѣчала:

— Шляться я нигдѣ не шлялась, а гдѣ была— тамъ меня теперь нѣтъ.

— Такъ не отвѣчаютъ родителямъ! крикнулъ Андрей Иванычъ. — Ты должна сказать, куда ходила.

— Ахъ, Боже мой! Да просто прогуляться ходила. Сколько дней дома сидѣла, такъ нужно-же было мнѣ воздухомъ подышать.

— Врешь, врешь! Ты къ нему ходила. На свиданіе съ Плосковымъ ходила! не унималась Дарья Терентьевна.

— Что къ Плоскову ходила — это неправда, а что видѣлась съ нимъ на улицѣ — скрывать не стану.

— Слышишь? Слышишь, Андрей Иванычъ? Ахъ, дрянь-дѣвчонка! Она еще смѣетъ про это безъ стыда и безъ совѣсти говорить! Ну, нажили мы дочку!.. На свиданіе съ молодымъ человѣкомъ! Каково, ежели кто-нибудь видѣлъ тебя изъ знакомыхъ съ нимъ!

Дарья Терентьевна всплеснула руками. Люба иронически улыбнулась.

— Въ самомъ дѣлѣ, ужасное происшествіе! Съ каторжникомъ меня увидали, съ душегубомъ, съ воромъ, съ мошенникомъ, сказала она.

— Еще разъ тебѣ говорю: не смѣй такъ отвѣчать! крикнулъ Андрей Иванычъ. — И вотъ тебѣ мой сказъ: съ сегодня безъ матери никуда! Уйдешь еще разъ одна — велю твою верхнюю одежду подъ замокъ убрать.

— Да нечего дожидаться, когда она еще разъ одна уйдетъ, надо это сейчасъ-же сдѣлать, прибавила мать.—Безъ меня теперь никуда! Слышишь: никуда! А эту твою раскрашенную Кринкину встрѣчу, такъ прямо въ лицо ей наплюю. Ты у ней, что-ли, была? Я ужъ и то хотѣла за тобой къ ней посылать.

— Только-бы себя оскандалили. Нигдѣ я не была. На улицѣ была и съ нимъ видѣлась.

— Это ужасъ, что такое! Не смѣй мнѣ про него говорить! Слышишь: не смѣй!

Андрей Иванычъ только тяжело вздыхалъ. На этомъ выговоръ и кончился.

— Что тутъ дѣлать съ дѣвчонкой?!.. чуть-ли не въ сотый разъ спросила Дарья Терентьевна мужа, когда они вышли изъ комнаты Любы.

Андрей Иванычъ подумалъ и отвѣчалъ:

— Да ужъ, по моему, повѣнчать ихъ, что-ли... Пусть живетъ въ недостаткахъ, коли сама этого хочетъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! На это я не согласна. Ни за что на свѣтѣ...

— Да вѣдь хуже будетъ, ежели...

Андрей Иванычъ не договорилъ.

— Что: ежели?.. Что: ежели?.. приставала къ нему Дарья Терентьевна.

— Да мало-ли что можетъ случиться, ежели дѣвчонка начнетъ бѣгать на свиданія...

— Нѣтъ, ужъ этого больше не случится, ни за что не случится. Какъ песъ сторожевой, буду ее караулить, никуда одна изъ дома не уйду, а ежели и уйду, — то сейчасъ все ея верхнее платье подъ замокъ.

— Все равно не укараулишь.

А Люба сидѣла у себя въ комнатѣ и думала, какъ-бы ей узнать, изъ какой церкви священникъ крестилъ ее. Сегодня и думать нельзя было выпытывать это у отца или у матери — сейчасъ догадаются, для чего она это спрашиваетъ. Приходилось повременить, показать видъ, что покорилась отцу и матери, перестать дуться, что она и сдѣлала, выйдя къ обѣду притворно-веселая. Но отецъ и мать все-таки продолжали дуться на нее сами. Обѣдъ прошелъ натянуто. Вечеромъ, впрочемъ, были коекто изъ родственниковъ и знакомыхъ. Отецъ игралъ въ винтъ, мать усѣлась играть въ мушку. Была и тетка Любы, старшая сестра ея матери, вдова. Въ карты она не играла, а только сидѣла около играющихъ. У Любы мелькнула мысль спросить тетку, не знаетъ-ли та, изъ какой церкви священ-

никъ крестилъ ее, Любу, и она тотчасъ-же отозвала отъ стола тетку.

— Послушайте, тетенька Марья Терентьевна, что я васъ хочу спросить, начала Люба. — Вы помните, когда я родилась?

— Еще-бы не помнить, если покойникъ мужъ и крестилъ-то тебя.

— Вотъ, вотъ... А у меня вчера былъ разговоръ съ одной подругой. Та спрашивала, изъ какой церкви священникъ крестилъ меня. Вы этого не помните?

— Изъ какой... Вотъ ужъ этого-то... Да нѣтъ, помню... Вы тогда жили на Лиговкѣ, близь Іоанна Предтечи, такъ, стало-быть, приходскій священникъ изъ церкви Іоанна Предтечи тебя и крестилъ.

— Да вѣрно-ли вы это знаете?

— Кажется, что изъ церкви Іоанна Предтечи. Сѣдой такой священникъ. Да что-же ты у отца съ матерью-то не спросишь! Сестра! Дарья Терентьевна!

— Нѣтъ, нѣтъ... Вы теперь не спрашивайте маменьку. Что ее отъ картъ отрывать! перебила Люба тетку.—Я ее лучше потомъ сама спрошу. А что я васъ спрашиваю, такъ думала, что вы тоже знаете.

— Да знаю, знаю... Отъ Іоанна Предтечи. Ты— старшая. Ужъ ежели твои родители вѣнчались у Іоанна Предтечи, то, стало-быть, и тебя крестилъ священникъ отъ Іоанна Предтечи. Сѣдой такой...

Въ это время игра въ винтъ кончилась и Андрей

Иванычъ проходилъ по гостиной, гдѣ сидѣла Люба съ теткой. Тетка тотчасъ-же остановила его.

— Андрей Иванычъ, вотъ у насъ разговоръ. Вѣдь вы съ Дарьей и вѣнчались у Іоанна Предтечи, и всѣхъ дѣтей крестили у Іоанна Предтечи?

Люба дернула-было тетку за рукавъ, но Андрей Иванычъ уже отвѣчалъ:

— Да, да... Всѣхъ у Іоанна Предтечи, кромѣ маленькой Кати. А Катю крестилъ священникъ изъ Владимірской церкви, потому что тогда мы уже жили въ Владимірскомъ приходѣ. А вы зачѣмъ спрашиваете?

— Да такъ, разговоръ.

— Но дѣтей крестилъ не тотъ священникъ отъ Іоанна Предтечи, который насъ вѣнчалъ, а другой. Я и звалъ тогда вотъ для Любы того, который насъ вѣнчалъ, но онъ былъ болѣнъ. Это я какъ сейчасъ помню... А когда ужъ другія дѣти стали рождаться, то онъ умеръ. Это я отлично помню.

Сказавъ это, Андрей Иванычъ отправился въ другую комнату.

Люба сіяла отъ удовольствія. Теперь она знала, откуда надо добывать копію съ метрическаго свидѣтельства. Добыть свѣдѣнія о своемъ крещеніи казалось ей очень трудно, но дались они ей легко. Она вздохнула свободно и повеселѣла.

«Завтра-же пошлю Виталію записку въ банкъ и увѣдомлю его объ этомъ», рѣшила она.

XXX.

Гости отъ Битковыхъ разошлись рано. Въ двѣнадцать часовъ была подана холодная закуска и къ часу ночи уже никого изъ гостей не было. Домашніе начали расходиться по своимъ комнатамъ. Дарья Терентьевна принялась было опять выговаривать дочери за утренній поступокъ, но Андрей Иванычъ остановилъ ее, шепнувъ:

— Оставь. Все равно безполезно.

Люба пришла къ себѣ въ комнату, начала раздѣваться и чувствовала, что на душѣ ея было легко—она уже знала, гдѣ нужно добывать копію съ ея метрическаго свидѣтельства. Снявъ съ себя платье и корсетъ и надѣвъ ночную кофточку, она тотчасъ рѣшила написать объ этомъ Плоскову записку, для чего тотчасъ-же раскрыла бюваръ на письменномъ столѣ и приготовила письменныя принадлежности. Записку она рѣшила послать черезъ горничную съ посыльнымъ рано утромъ. Приготовляясь писать, она хотѣла запереться въ комнатѣ, но ключа въ дверяхъ все еще не было.

— Вѣдь эдакая мерзость! вырвалось у нея.— Ключъ не отдаютъ, платье верхнее грозятся запирать. Словно я арестантка какая!

Но писать покуда она еще медлила изъ опасе-

нія, не войдетъ-ли въ ея комнату мать. Черезъ полчаса мать дѣйствительно заглянула въ комнату. Она была въ юбкѣ и ночной кофточкѣ и уже мягко проговорила:

— Прощай, непокорная. Что-жъ ты это въ постель-то до сихъ поръ не ложишься?

— Ахъ, Боже мой! Да дайте мнѣ хоть въ этомъ-то свободу имѣть! отвѣчала Люба.

— Свободу... Отъ большой свободы-то вы и балуетесь. Отецъ твой потатчикъ, а ежели-бы были строгіе родители, то за твой давишній поступокъ...

— Ахъ, оставьте, пожалуйста! Довольно.

— Ну, иди и цѣлуй мать...

Люба подошла и чмокнула мать въ щеку. Дарья Терентьевна обвела комнату глазами и замѣтила разложенныя на столѣ письменныя принадлежности. Въ головѣ ея сразу мелькнуло: «писать хочетъ. Къ нему навѣрное къ нему, подлецу». Дочери она, однако, ничего нэ сказала и вышла.

Люба вздохнула свободнѣе, но за писаніе письма все еще не принималась, выжидая, не вернется-ли мать. Только черезъ четверть часа подсѣла она къ столу и взялась за перо. Она писала:

«Золотой, брилліантовый, безцѣнный Виталій! Ахъ, сколько я вынесла непріятностей, вернувшись домой со свиданія съ тобой, но за то сегодня-же Богъ послалъ мнѣ узнать то, что намъ такъ нужно. Копію съ моего метрическаго свидѣтельства надо доставать въ церкви Іоанна Предтечи, которая на Лиговкѣ, такъ какъ крестилъ меня священникъ изъ этой церкви. Это я узнала отъ моей тети незамѣтнымъ манеромъ,

стало быть это вѣрно. Ахъ, если-бы скорѣе ты досталъ эту копію и поскорѣе намъ повѣнчаться! Положеніе мое ужасное. Сегодня мнѣ объявили, что даже верхнюю одежду мою будутъ запирать, такъ что»...

Въ это время скрипнула половица и раздались шаги. Люба вздрогнула и обернулась. Въ комнатѣ стояла мать.

— Покажи, что пишешь!.. произнесла она, и прежде, чѣмъ Люба успѣла опомниться, бросилась къ бумагѣ.

Завязалась борьба. Люба отталкивала мать отъ письменнаго стола, мать старалась оттѣснить дочь.

— Маменька! Вѣдь это-же свинство чужія письма читать! кричала Люба.

— Врешь! Никакого тутъ свинства нѣтъ, кряхтѣла мать.

Обѣ онѣ схватились за бумагу и скомкали ее. Одна держала за одинъ кончикъ листа, другая за другой.

— Пусти!

— Не пущу!

Мать рванула и вырвала у дочери большую половину листа, такъ что у ней остался только какой-то клочекъ.

— Что-жъ это такое! Помилуйте... Развѣ можно такое звѣрство! вопіяла Люба, но мать уже почти бѣгомъ уходила изъ комнаты.

— Андрей Иванычъ! Андрей Иванычъ! Посмотри-ка, какія у насъ дѣла дѣлаются! кричала мать, подходя къ своей спальной.

Андрей Иванычъ уже спалъ. Онъ съ испугомъ соскочилъ съ постели, быстро сунулъ ноги въ туфли, накинулъ на себя халатъ и заспаннымъ голосомъ спрашивалъ:

— Что такое, матушка? Что такое случилось? О, Господи!

— Фигурантка-то наша вздумала письма къ нему писать. Вотъ я вырвала у ней...

— Какая фигурантка? Какія письма? Къ кому?

— Дочь, дочь.. Къ Плоскову писала, а я и поймала.

Въ спальной было темно и она освѣщалась только одной лампадкой у образа.

— На-ка, полюбуйся, продолжала Дарья Терентьевна, подавая ему скомканную бумагу.—Да что-жъ ты свѣчку-то не зажигаешь.

— Сейчасъ, сейчасъ зажгу.,. Фу, какъ ты меня напугала! Развѣ такъ можно! Я думалъ, пожаръ.

— Да ужъ пожаръ, по моему, все-таки лучше.

Свѣчка зажжена. Андрей Иванычъ суетится, расправляя смятую бумагу.

— Ну, что?! торжествующе спрашиваетъ у него Дарья Терентьевна.

— Ничего безъ очковъ не вижу! Гдѣ мое пенснэ?

За дверью раздались рыданія.

— Вонъ какъ забрало! Вонъ какъ плачетъ безстыдница-то! продолжала Дарья Терентьевна.—Да что-жъ ты не ищешь пенснэ-то! Вѣдь нужно-же прочесть.

— Пенснэ въ кабинетѣ. Сходи, пожалуйста.

— Бери свѣчу. Пойдемъ вмѣстѣ въ кабинетъ.

Андрей Иванычъ и Дарья Терентьевна отправились въ кабинетъ. Люба лежала на диванѣ въ прилегающей къ спальной гостиной. Когда отецъ и мать показались, она воскликнула:

— Ради Бога! Ради Христа! Не читайте и отдайте мнѣ записку.

— Нѣтъ, матушка, такъ не дѣлается, отвѣчала мать, проходя въ кабинетъ.

Люба вскочила съ дивана, забѣжала впередъ ихъ и упала имъ въ ноги. Она держала отца за полы халата и умоляла:

— Папашенька, не читайте... Всѣмъ святымъ прошу васъ, не читайте!

Отецъ расчувствовался и сталъ поднимать дочь съ пола.

— Люба, Люба! что ты дѣлаешь! Встань, говорилъ онъ.

Дарья Терентьевна вырвала у него изъ рукъ скомканную записку и быстро вышла изъ гостиной.

Когда онъ вошелъ въ кабинетъ, она уже съ пенснэ на носу при свѣтѣ свѣчки разбирала записку.

— Ему, ему пишетъ. «Золотой, брилліантовый».. Вотъ навязался-то чортъ окаянный! Чисто лѣшій онъ ее обошелъ, сказала она, передавая мужу и пенснэ и записку.

Записка была прочтена. Клочекъ ея, оставшійся у Любы, былъ клочкомъ неисписаннымъ.

— Позоръ, позоръ! Совсѣмъ позоръ! повторяла Дарья Терентьевна.

Андрей Иванычъ держалъ записку въ рукѣ и

молчалъ. Онъ совсѣмъ ошалѣлъ, узнавъ содержаніе письма.

— Вѣдь это, значитъ, убѣжать сбирается, опять сказала Дарья Терентьевна.—Нѣтъ, какова дочка!

Андрей Иванычъ по прежнему молчалъ.

— Да что-жъ ты ничего не говоришь-то, Андрей Иванычъ!

— Что мнѣ говорить? Тутъ и говорить нечего, послышался отвѣтъ.

— Однако, надо-же намъ что-нибудь дѣлать съ ней!

— Что дѣлать?.. Вѣнчать надо съ Плосковымъ, больше дѣлать нечего, ежели не хотимъ, чтобы она насъ осрамила, тяжело вздохнулъ Андрей Иванычъ.

Въ эту ночь отецъ, мать и Люба заснули только подъ утро.

XXXI.

Сильно разстроенный происшествіемъ вчерашней ночи, а потому полубольной, Андрей Иванычъ еле поднялся на утро съ постели. Не менѣе его съ трудомъ встала и Дарья Терентьевна. Первымъ ея дѣломъ было взять верхнее платье Любы и убрать въ шкапъ, заперевъ его на ключъ. Затѣмъ она позвала къ себѣ горничную и сказала:

— Какъ только замѣтишь, что Любовь Андреевна

собирается куда нибудь уходить—сейчасъ придти и сказать мнѣ. Слышишь?

— Слушаю, барыня.

— Да карауль ее хорошенько. Уйдетъ безъ моего вѣдома—ты ужъ такъ и знай, что я тебя сгоню.

— Да вѣдь ихъ развѣ удержишь, ежели онѣ...

— Не разсуждай!

Затѣмъ въ головѣ Дарьи Терентьевны мелькнула мысль, что Люба можетъ уйти изъ дома и въ ея, Дарьи Терентьевны, платьѣ, а потому она заперла и свое верхнее платье на ключъ. Когда она несла свое платье, ей встрѣтился Андрей Иванычъ.

— Вотъ до чего довела дѣвченка: платье приходится убирать, сказала она ему.

— Да этимъ не удержишь. Захочетъ убѣжать, такъ и безъ верхняго платья убѣжитъ, отвѣчалъ тотъ.

— Въ морозъ-то? Ну, вотъ еще.

— И на морозъ не посмотритъ.

— Да что-жъ ты меня пугаешь! Сказать развѣ гувернанткѣ, чтобы та за своей шубкой приглядывала? А то чего добраго Любка въ чужой шубѣ...

— И это не поможетъ. Не то нужно дѣлать.

А Люба въ это время еще спала.

Началось утреннее чаепитіе. Битковы сидѣли другъ противъ друга и молчали. Разговаривала только маленкая дочка Катя, сидя около гувернантки. Гувернантка обратилась къ Андрею Иванычу, прося его купить для Кати какія-то учебные предметы, но Дарья Терентьевна перебила ее, проговоривъ:

— Теперь ему не до этого. Пойдете съ Катей гулять и сами ей купите, что надо. Я дамъ деньги.

Когда гувернантка съ дѣвочкой вышли изъ-за стола, Дарья Терентьевна пристально посмотрѣла мужу въ глаза, подмигнула ему, сдѣлала тяжелый вздохъ и произнесла:

— Вотъ дѣла-то!

Андрей Иванычъ молчалъ.

— Надо что-нибудь дѣлать, однако... опять проговорила Дарья Терентьевна.

И на это отвѣта не послѣдовало.

— Что-жъ ты молчишь, Андрей Иванычъ! возвысила она голосъ.

— Молчу, потому что вчера еще рѣшилъ, что дѣлать.

— Потакать дѣвчонкѣ? Нѣтъ, нѣтъ, на это ужъ я ни за что не согласна.

— И ты должна быть согласна. Надоѣло ужъ мнѣ все это!

— Пошлешь за мальчишкой и поклонишься ему? Ахъ, отецъ, отецъ! Взглянись въ зеркало, вѣдь ты ужъ старикъ, а хочешь унижаться передъ дѣвчонкой съ мальчишкой. Неизвѣстно кого принять въ свою семью я несогласна.

— Сказалъ, что будешь согласна—и будешь!

Голосъ Андрея Иваныча былъ строгъ.

— Нѣтъ на это моего благословенія, не дамъ я своего благословенія! все еще не унималась Дарья Терентьевна.

— А я тебѣ говорю, что дашь.

Андрей Иванычъ двинулъ стуломъ и вышелъ изъ-за стола, а черезъ полчаса уѣхалъ къ себѣ въ контору.

А Люба хоть и проснулась къ полудню, но съ постели такъ и не вставала. Горничная принесла ей въ комнату завтракъ и кофе. Кофе Люба выпила въ постели, а до завтрака не дотронулась. Дарья Терентьевна раза четыре приходила къ ней, чтобы осыпать ее бранью и упреками, но въ отвѣтъ ей Люба не проронила ни слова.

Такъ время прошло до обѣда. Къ обѣду явился домой отецъ и прямо прошелъ въ комнату дочери.

— Все еще валяешься? сказалъ онъ.—Вставай! Вечеромъ Плосковъ пріѣдетъ. Я послалъ ему записку.

Дарья Терентьевна присутствовала тутъ-же.

— Ты что это? Ты потакать? Все еще не одумался? Нѣтъ, нѣтъ, я не согласна! Ни за что не согласна! завопила она.

У Любы мелькнулъ лучъ надежды. Она измѣнилась въ лицѣ, но все-таки еще не вѣря своему счастію, отвѣчала:

— Ежели вызовете его, чтобы читать ему нотаціи, то я ни за что не встану и не выду къ нему.

— Вставай, вставай и выходи обѣдать. Никакой ему натаціи не будетъ, а только попрошу его, чтобы онъ поскорѣе убралъ тебя отъ насъ.

— То есть какъ это? недоумѣвала Люба.

— Пусть скорѣй беретъ тебя въ чемъ ты есть и вѣнчается съ тобой.

— Папенька! Голубчикъ! радостно воскликнула Люба.

Она хотѣла вскочить съ постели, но вспомнила, что раздѣта, и опять потянула на себя одѣяло.

— Не радуйся, не радуйся, остановилъ ее Андрей

Иванычъ.—Вѣдь приданаго за тобой я никакого не дамъ. Пусть содержитъ тебя чѣмъ хочетъ.

— Да и не надо намъ никакого приданаго, заговорила Люба.

— Это ты говоришь, а вотъ погоди, что онъ вечеромъ скажетъ!

— И онъ ничего не скажетъ.

— Ну, посмотримъ. Еще разъ повторяю, что, кромѣ подвѣнечнаго платья, ничего я тебѣ не сдѣлаю. Вѣнчайся съ тѣмъ, что у тебя есть.

Дарья Терентьевна кусала губы и сжимала кулаки, но и она заговорила:

— Да нѣтъ, нѣтъ! Я и такъ не согласна! Ни за что не согласна. Взять безроднаго къ себѣ въ родню, видѣть бѣдность дочери.

— Насчетъ безродности оставь. Безродность его такая-же, какъ и у насъ съ тобой. Отецъ его купецъ, когда-то торговалъ, но раззорился, а теперь маклеромъ. Насчетъ бѣдности—бѣдности тоже не будетъ, а будетъ только недостатокъ. Ну, будутъ жить въ обрѣзъ.

— И на бѣдность, папенька, я согласна! воскликнула Люба.

— А ежели согласна, то вставай и выходи къ обѣду. Вечеромъ женихъ придетъ.

Андрей Иванычъ повернулся и вышелъ изъ комнаты дочери.

Минутъ черезъ десять Люба, уже одѣтая, вся сіяющая, выбѣжала въ столовую и бросилась къ отцу на шею, цѣлуя его въ лицо и бороду.

— Погоди радоваться-то... Возьметъ-ли еще женихъ безприданницу-то, сказалъ тотъ.

Отъ отца Люба кинулась къ матери, но та отстранила ее отъ себя:

— Не желаю я лизаться съ такой дочерью, которая идетъ на перекоръ воли родительской. Ступай прочь...

— Маменька! за что такая жестокость? опять приблизилась къ ней Люба.

— Ну, ну, ну... Я сказала и настою на своемъ, оттолкнула ее еще разъ мать.

— Вспомните, маменька, вѣдь и вы были молоды!

— Ты меня театральными-то словами не закидывай. Я была молода, но наперекоръ родительской волѣ не шла.

Обѣдъ прошелъ вяло. Люба и за обѣдомъ заигрывала съ матерью, стараясь ежеминутно ей улыбнуться, но мать сидѣла нахмурившись.

Вечеромъ пріѣхалъ Плосковъ.

XXXII.

Андрей Иванычъ лежалъ у себя въ кабинетѣ на диванѣ съ сигарой и отдыхалъ послѣ обѣда, когда ему доложили о пріѣздѣ Плоскова. Выдти къ Плоскову хотѣлось ему торжественно вмѣстѣ съ женой и дочерью, торжественно прочитать ему нотацію и потомъ уже

согласиться на бракъ его съ дочерью. Онъ отправился въ комнату Любы, но Любы тамъ уже не было, она выбѣжала къ Плоскову въ гостиную. Это обстоятельство нѣсколько разсердило его. Онъ перешелъ въ спальную, гдѣ сидѣла жена.

— Вели горничной снять со стѣны вотъ этотъ образъ да пойдемъ къ шалопаю-то. Пріѣхалъ ужъ... Надо объявить ему наше рѣшеніе да благословить ихъ, сказалъ онъ.

Дарья Терентьевна попрежнему сидѣла надувшись, хоть и раскладывала гранъ-пасьянсъ.

— Не пойду я. Что мнѣ идти? отвѣчала она.— Ты затѣялъ противъ моей воли, ты и ступай. Сердце у меня обливается кровью, что Люба выйдетъ замужъ за проходимца.

— Ну, полно, какой-же онъ проходимецъ! Бѣдный, ловкій, искательный человѣкъ, а ужъ проходимческаго ничего въ немъ нѣтъ. Нахаленъ немножко, но вотъ за нахальство-то мы его и накажемъ тѣмъ, что выдадимъ за него дочь безъ приданаго.

— Поди ты! Выдашь безъ приданаго, а потомъ расчувствуешься и дашь, махнула рукой Дарья Терентьевна.

— До бѣдности, конечно, ужъ дочь не допущу. Если будутъ большіе недостатки у нихъ, помогать буду, а капитала не дамъ.

— Помогать! Шутка сказать: помогать! Обстановку квартиры дашь, за уши его по службѣ въ банкѣ потянешь, а ему только этого и надо. Онъ тебя насквозь раскусилъ.

— Обстановку я дамъ имъ только тогда, ежели ты попросишь объ этомъ.

— Я? Чтобъ я за него просила? Ни за что на свѣтѣ!

— Не за него, а за дочь.

— И за непокорную дочь просить не стану. А его, этого самаго Плоскова, его и принимать у себя не стану. Пусть одна дочь ходитъ.

— Примешь.

— Андрей Иванычъ, не раздражай меня!

— Да я и не раздражаю, а только говорю, что будешь. Нельзя-же принимать дочь и не принимать ея мужа. Ну, пойдемъ, послушай, какъ я ему прочту нотацію.

— Сказала, что не пойду и не пойду, упрямилась Дарья Терентьевна.

— Однако, должны-же мы оба благословлять ихъ.

— Когда придетъ время благословлять, тогда и позовешь меня, а бесѣдовать съ нимъ вовсе не желаю.

Андрей Иванычъ тяжело вздохнулъ и отправился въ гостиную одинъ. Плосковъ сидѣлъ въ гостиной рядомъ съ Любой и, держа ее за руку, жарко съ ней разговаривалъ. Онъ и на этотъ разъ былъ во фракѣ. При входѣ Андрея Иваныча онъ быстро всталъ и покорно склонилъ голову. Андрей Иванычъ остановился на значительномъ разстояніи отъ него и старался напустить на себя строгость.

— Не ждалъ я, не гадалъ, молодой человѣкъ, что вы за всѣ мои хлопоты объ васъ по банку,

за все, что я сдѣлалъ для васъ, будете сманивать мою дочь бѣжать изъ родительскаго дома и вѣнчаться съ вами тайно. И это дѣвушку изъ хорошаго семейства,

Плосковъ все еще стоялъ опустя голову и только слегка приподнялъ глаза на Андрея Иваныча и развелъ руками.

— Безумная любовь моя... отчаяніе — заставили это сдѣлать, пробормоталъ онъ.

— Въ безумную любовь я не вѣрю-съ. Кто безуменъ, тотъ въ сумасшедшій домъ садись, а не подъ вѣнецъ сбирайся, отчеканилъ Андрей Иванычъ. — А ежели дѣвушка нравится, то нужно другимъ какимъ-нибудь способомъ домогаться ея руки, выжидать, а не подговаривать ее бѣжать. Вѣдь это все равно, что кража. Такъ только воры дѣлаютъ.

— Папенька... прошептала Люба, стоявшая въ отдаленіи отъ Плоскова, и сдѣлала шагъ къ отцу.

— Молчи. И тебѣ стыдно. Ты уже всякій стыдъ потеряла, перебилъ ее отецъ.—Вотъ хоть-бы и сейчасъ... Я призываю его къ себѣ, призываю по дѣлу, призываю, чтобы сдѣлать выговоръ за ту непріятность и переполохъ, что онъ сдѣлалъ въ нашемъ домѣ, а ты первая къ нему выскакиваешь и ужъ чуть не вѣшаешься къ нему на шею.

— Да вѣдь женихъ...

— Женихомъ будетъ тогда, когда я благословлю васъ. И не стоите вы, чтобы я благословлялъ васъ, но дѣлаю это, оберегая свой домъ, оберегая имя

дочери, которая мнѣ все-таки дочь, боясь скандала и огласки.

Плосковъ въ это время опустился на одно колѣно.

— Встаньте, молодой человѣкъ, здѣсь не театръ. Слушать можно и стоя! — возвысилъ голосъ Андрей Иванычъ и, когда Плосковъ поднялся, объявилъ:— Хорошо-съ, я отдаю за васъ мою дочь, потому что извергомъ никогда не былъ и не буду, чтобы мѣшать счастью, да-съ... но знайте, что вы берете невѣсту-безприданницу.

— Мнѣ ничего не надо, Андрей Иванычъ!— воскликнулъ Плосковъ.—Я имѣю руки и надѣюсь...

— Пожалуйста, безъ театра. Здѣсь не театръ, опять оборвалъ его Андрей Иванычъ и прибавилъ:— Ну-съ, такъ вотъ... И знайте, что и потомъ ничего за ней не будетъ. Вы теперь вотъ стоите и думаете: «дескать, мягкій человѣкъ... говоритъ, что ничего не дастъ, а потомъ смилостивится». Нисколько не смилостивлюсь.

Люба въ это время взглянула на Плоскова и улыбнулась.

— Не улыбайся, не улыбайся. Я твердъ, подхватилъ отецъ. — Благословлю и, кромѣ подвѣнечнаго платья, ничего не дамъ. Берите въ томъ, что у ней есть.

— Мнѣ ничего не надо, Андрей Иванычъ, опять произнесъ Плосковъ.

— А вотъ посмотримъ, такъ-ли потомъ запоете. Иди, Люба, къ матери и скажи ей, чтобъ она шла сюда съ образомъ.

Но идти Любѣ не пришлось. За дверью раздались рыданія Дарьи Терентьевны и сама она вышла въ гостиную съ образомъ.

— Вотъ бери... Благословляй... — проговорила она, передавая мужу образъ.

— Да и ты становись со мной рядомъ... Надо вдвоемъ...

Дарья Терентьева не возражала и встала около мужа.

— Ну, а теперь вы вотъ можете на колѣни... отнесся Андрей Иванычъ къ Плоскову.

Плосковъ взялъ за руку Любу, подвелъ ее къ родителямъ и вмѣстѣ съ ней опустился на колѣни. Андрей Иванычъ благословилъ образомъ и передалъ образъ Дарьѣ Терентьевнѣ. Та благословляла, плакала и говорила:

— А только ничего имъ не давай, Андрей Иванычъ, ничего... Не стоютъ они приданаго.

Благословивъ, Дарья Терентьевна обняла дочь и заплакала навзрыдъ. Плакала и Люба.

— Непокорная, непокорная... твердила Дарья Терентьевна.

Къ ней подошелъ и Плосковъ.

— Не стоило-бы васъ цѣловать, да такъ ужъ только, что будущій зять. И то только по слабости отца, а ужъ совсѣмъ не по моей волѣ. Не люблю я такихъ... пробормотала она и сухо поцѣловала Плоскова.

Обнялъ дочь и Плоскова Андрей Иванычъ и тутъ-же прибавилъ:

— Садитесь на диванъ. Вина-то подать, что-ли, чтобы поздравить?.. спросилъ онъ жену.

— Какъ хочешь. Ты затѣялъ, ты и распоряжайся.

Андрей Иванычъ велѣлъ подать вина. Хлопнула пробка бутылки шампанскаго и начались поздравленія. Дарья Терентьевна и тутъ говорила:

— Помимо моей воли это, рѣшительно помимо

Объявили о женихѣ и прислугѣ и сказали, чтобъ и та поздравляла.

Когда поздравленія кончились, Плосковъ спросилъ Андрея Иваныча:

— А мнѣ поцѣловать невѣсту теперь позволите, папашенька?

— Да ужъ цѣлуй. Теперь невѣста. Все-таки, не за угломъ.

Плосковъ просидѣлъ у Битковыхъ до полуночи. Онъ чай пилъ и ужиналъ. За чаемъ Дарья Терентьевна перестала дуться на Плоскова и подробно распрашивала его, сколько онъ получаетъ жалованья, награды и вообще сколько зарабатываетъ. Андрей Иванычъ дѣлалъ смѣту примѣрныхъ расходовъ своего будущаго зятя при женатой жизни. За ужиномъ Дарья Терентьевна была уже отчасти ласкова съ Плосковымъ и даже положила ему сама кусокъ кушанья на тарелку. Андрей Иванычъ потребовалъ еще бутылку шампанскаго. Говорили о томъ, когда назначить свадьбу. Плосковъ слегка шутилъ. Люба была весела. Они радовались. Они достигли того, чего желали.

ДВА СОПЕРНИКА.

ДВА СОПЕРНИКА.

I.

ХОЛОДНЫЙ осенній вечеръ. Луна свѣтитъ во всю. Мимо палисадника одной изъ дачъ бродитъ очень молодой человѣкъ въ бѣлой фуражкѣ и съ сучковатой самодѣльной палкой, посматриваетъ на освѣщенныя окна дачи и посвистываетъ. Прошелся онъ мимо палисадника разъ, прошелся два раза, три—и остановился у рѣшетки. Въ садикѣ за рѣшеткой пробѣжала бѣлая мохнатенькая собаченка.

— Мимишка! Мимишка! покликалъ онъ ее.

Собаченка пронзительно на него залаяла и бросилась на балконъ дачи, гдѣ стала царапаться въ запертую дверь, просясь въ комнаты. Молодой человѣкъ устремилъ свой взоръ на балконъ и сталъ насвистывать романсъ «Только стало смеркаться немножко». Онъ свисталъ его умышленно громко, стараясь, очевидно, обратить на себя вниманіе. Дверь на балконѣ отворилась, показалась лысая голова съ папироской, дала пинокъ взвизгнувшей при этомъ собаченкѣ и пропустила ее въ комнаты.

— Фу, ты, пропасть! Гдѣ-же это Наденька-то?! пробормоталъ молодой человѣкъ.—Самъ отецъ вышелъ собаку впустить, а Наденьки нѣтъ.

Онъ началъ вперивать взоръ въ стеклянную балконную дверь, стараясь увидать въ комнатѣ Наденьку, но стекла были запотѣвши и онъ не увидалъ ничего. Онъ еще раза два прошелъ мимо палисадника и сталъ свистать «Тигренка». За ворота палисадника вышелъ кучеръ въ безрукавкѣ и съ трубкой и сѣлъ на скамейку.

«Просить кучера вызвать горничную Феню, а Феню просить вызвать Наденьку», мелькнуло въ головѣ молодаго человѣка. «Два пятіалтынныхъ есть... Кучеру дать пятіалтынный и Фенькѣ пятіалтынный... На табакъ, впрочемъ, къ завтраму у меня ничего не останется. Ну, да гильзы есть, а на табакъ я могу занять у Ульянова двугривенный».

Онъ подошелъ къ кучеру и учтиво поклонился.

— Вы съ здѣшняго двора, любезный? спросилъ онъ.

— Съ здѣшняго. У доктора служимъ.

— Такъ вотъ вамъ на чай и будьте добры вызвать мнѣ горничную Феню, вотъ изъ этой дачи. У Прохоровыхъ она живетъ.

Кучеръ сверкнулъ глазами, отстранилъ руку молодаго человѣка и сказалъ:

— За Феньку я тебѣ, баринъ, ноги обломаю—вотъ что...

— То есть какъ это? За что-же?

— Пошелъ... Пошелъ... А то такую встряску дамъ, что не скоро забудешь!

— Позволь... Да я не къ Фенѣ. Мнѣ на Феню наплевать. Ты, можетъ быть, къ ней меня ревнуешь, такъ я хочу у ней только попросить, чтобы она прохоровскую барышню ко м ѣ вотъ сюда къ рѣшеткѣ на минутку вызвала.

— Знаю я васъ, чертей!

— Голубчикъ, я при тебѣ и скажу Фенѣ, что мнѣ нужно.

Кучеръ подумалъ и сообразилъ:

— Ну, давайте сюда... Что у васъ тамъ? протянулъ онъ руку.

Молодой человѣкъ сунулъ кучеру въ руку пятіалтынный. Кучеръ ушелъ и минутъ черезъ пять вышелъ за ворота съ толстенькой, коротенькой горничной въ ситцевомъ платьѣ и бѣломъ передникѣ нѣмецкаго покроя.

— Здравствуйте, Феня, обратился къ ней молодой человѣкъ. — Мнѣ очень нужно видѣть Надежду Емельяновну. Нельзя-ли ее на минутку въ садъ вызвать? Мы завтра уѣзжаемъ съ дачи и мнѣ нужно сказать ей нѣсколько словъ. Вотъ вамъ на помаду... Возьмите...

— Можно-то можно, отвѣчала горничная. — Я шепну ей .. Только у насъ теперь женихъ сидитъ.

— Какъ женихъ? Какой женихъ? быстро спросилъ молодой человѣкъ и нижняя челюсть его какъ-то нервно затряслась.

— То есть онъ еще не женихъ, но мы его считаемъ за жениха. Они недавно овдовѣли и очень скучаютъ. У нихъ домъ на Петербургской и сегодня

они намъ яблоковъ корзину изъ своего сада съ Петербургской привезли.

— Это такая гладкобритая морда съ носомъ луковицей? Такой въ родѣ пастора? Тотъ самый, что у васъ разъ на балконѣ съ Емельяномъ Васильевичемъ въ винтъ игралъ?

— Вотъ, вотъ... А только они не пасторы... Они чиновники...

«Фу... вздохнулъ молодой человѣкъ и почувствовалъ, какъ у него на лбу подъ фуражкой сталъ выступать обильный потъ. «Женихъ... Да развѣ онъ можетъ быть ея женихомъ? Вѣдь ему, я думаю, за пятьдесятъ лѣтъ».

— Подождите... Сейчасъ я шепну барышнѣ... Можетъ быть, она и выйдетъ къ вамъ... проговорила горничная и юркнула на дворъ.

— Постойте, Феня! окликнулъ ее молодой человѣкъ и спросилъ:—Что-жъ, онъ богатый?..

— Какъ-же-съ... А шведки? Вѣдь онъ на парѣ шведокъ въ собственной колясочкѣ приѣзжаетъ. И по сейчасъ онѣ на дворѣ стоятъ. Ихняго кучера мы теперь чаемъ поимъ. Кромѣ того у нихъ домъ и въ саду яблоки. Сейчасъ я шепну барышнѣ.

Горничная сдѣлала движеніе.

— Еще чуточку, Феня! Одну минуту... остановилъ ее молодой челевѣкъ и спросилъ: —Да барышнѣ-то онъ нравится?

— Да что-жъ наша барышня?.. Тутъ главное папенька съ маменькой... Емельянъ Васильичъ ихъ очень цѣнятъ. Вѣдь они, этотъ самый женихъ-то, на хорошемъ мѣстѣ, говорятъ, они почти ужъ гене-

ралъ. Анна Федоровна тоже за ихъ внимательность большую къ нимъ склонность... Очень ужъ онъ имъ по нраву пришелся съ прошедшей недѣли, женихъ-то этотъ самый... Емельянъ Васильичъ все жалуются на ревматизмъ... простудились они тутъ какъ-то... Вдругъ этотъ женихъ являются къ намъ играть въ винтъ и привозятъ Емельяну Васильичу пару фуфаекъ. «Вотъ, говоритъ, это по веснѣ я заграницей купилъ. У меня цѣлая дюжина, такъ неугодно-ли вамъ парочку»... И подарилъ.

— Господи Боже мой! Изъ-за фуфайки и вдругъ губить молодую дѣвушку! — воскликнулъ молодой человѣкъ.

— Не изъ-за фуфайки. Фуфайки что! А изъ-за того Анна Федоровна ихъ полюбили ужъ очень, что какъ Емельянъ Васильичъ надѣли на себя эту фуфайку—сейчасъ у нихъ и ревматизмъ прошелъ. Говорятъ, она изъ какой-то особенной шерсти и наговоренная. Ну, такъ вы погодите... Я сейчасъ.

— Еще чуточку, Феничка... Одну минуту. Сама-то Надежда Емельяновна что объ этомъ женихѣ говоритъ?—допытывался молодой человѣкъ.

— Ахъ, какой вы, баринъ, любопытный! Да ничего не говоритъ,—улыбнулась горничная.—Что-же ей говорить? Она знаетъ, что ей пристроиться пора, а другихъ жениховъ нѣтъ. Не за гимназистовъ-же ей выходить.

Молодой человѣкъ вспыхнулъ.

— Гимназистамъ никто и не позволитъ жениться. Все это ты вздоръ городишь... заговорилъ онъ.—Но гимназисты не на вѣкъ гимназисты. Они всегда

могутъ выдти изъ гимназіи, поступить на мѣсто и получать жалованье.

— Это еще когда-то улита ѣдетъ, да когда-то пріѣдетъ.

— Вздоръ. Гимназисту никто не запрещаетъ бросить гимназію, когда онъ хочетъ. Бросить гимназію и начнетъ служить.

— Однако вотъ гимназисты-то танцуютъ-танцуютъ съ барышней на танцовальныхъ вечерахъ и ни одинъ еще ей вѣера не подарилъ, а Иванъ Артамонычъ привезъ сегодня ей вѣеръ и подарилъ.

— И она взяла?! воскликнулъ молодой человѣкъ.

— Да отчего-же не взять-то! Вы посмотрите-ка, какой вѣеръ-то... Рублей двадцать пять стоитъ, а то и больше. Весь рѣзной... Изъ кости... Съ пухомъ... съ зеркальцемъ.

— Подлецъ!

— Фу, ты пропасть! Чего вы ругаетесь то?

Вмѣсто отвѣта молодой человѣкъ скрежеталъ зубами.

— Такъ звать барышню-то? Или, быть можетъ, отдумали? спросила горничная.

— Непремѣнно, непремѣнно. Именемъ Бога проси ее, чтобы она ко мнѣ вышла вотъ сюда къ рѣшеткѣ, хоть на минутку...

Горничная побѣжала въ ворота. Молодой человѣкъ кусалъ губы и бѣшено ковырялъ палкой землю.

II.

Стукнула балконная дверь. Молодой человѣкъ вздрогнулъ и весь обратился въ зрѣніе. На балконѣ появилась Наденька, быстро соскочила со ступенекъ и пошла по дорожкѣ садика, бойко направляясь къ рѣшеткѣ, выходящей на улицу. Наденька была полненькая бѣлокуренькая дѣвушка небольшаго роста. Одѣта она была въ пестрый малороссійскій костюмъ, двѣ увѣсистыя косы разстилались по ея спинѣ далеко ниже таліи.

— Петръ Аполонычъ! Гдѣ вы? тихо спрашивала она.

— Здѣсь, здѣсь, отвѣчалъ молодой человѣкъ, выглядывая изъ-за подстриженной акаціи и протягивая сквозь рѣшетку руку.

— Ну, здравствуйте... Вы мнѣ что-нибудь хотите сказать? спросила Наденька.

— Пришелъ проститься съ вами, такъ какъ мы завтра переѣзжаемъ съ дачи въ городъ, и хочу сказать...

Молодой человѣкъ запнулся и остановился.

— Кучеръ съ вашего двора стоитъ у воротъ и подслушиваетъ, произнесъ онъ, понизивъ голосъ до шепота.—Могу я войти къ вамъ въ садъ?

— Въ садъ-то?... Пожалуй, водите... Только я

боюсь, какъ-бы наши не увидали. Скажутъ: «вотъ выскочила къ молодому человѣку»... Говорите скорѣй, что вамъ надо.

— Ага! Боитесь! Боитесь!.. Я знаю, чего вы боитесь... Вы жениха боитесь... чуть не вскрикнулъ молодой человѣкъ.

— Какого жениха?

— Пожалуйста не притворяйтесь. Я все знаю. У васъ этотъ бритый пасторъ... старикъ Иванъ Артамонычъ въ гостяхъ сидитъ.

— Ну, да... А только какой-же онъ старикъ? Да и не женихъ онъ.

— А вѣеръ, который онъ вамъ подарилъ? А двѣ фуфайки папенькѣ?.. Я знаю все.

— Ну, такъ что-жъ изъ этого? Вѣеръ онъ мнѣ подарилъ, это точно, но... Чего-жъ вы стоите на улицѣ-то? Идите въ калитку, ежели ужъ хотите. Да отчего вамъ не зайти къ намъ въ комнаты? Вѣдь вы знакомы съ папенькой и маменькой, такъ ужъ лучше явно придти къ намъ, чѣмъ тайно. Будто за книгой пришли. У меня есть вашъ водевиль «Вспышка у домашняго очага», который мы съ вами играли. Пойдемте въ комнаты.

— Не желаю я нарушать вашъ пріятный тетъ-а-тетъ съ пасторомъ... или какъ онъ тамъ? Съ бритымъ ксендзомъ, что-ли...—рѣзко проговорилъ молодой человѣкъ, сердито дернулъ калитку и вошелъ въ садикъ.

— Послушайте, Петръ Аполоныч, да чего вы сердитесь?—недоумѣвала дѣвушка.

— Я не сержусь, но я оскорбленъ, за васъ оскор-

бленъ. Выходить замужъ за старика, который втрое старше васъ!—негодовалъ молодой человѣкъ.

— Ужъ и втрое! Ему всего сорокъ лѣтъ.

— Съ большимъ хвостикомъ, а вамъ восемнадцать. Ну-ка, сорокъ девять, дѣленные на восемнадцать?

— Да и съ чего вы взяли, что я выхожу за него замужъ?

— А не выходите замужъ, такъ нечего брать и подарковъ. Вѣеръ, корзинка съ яблоками... Гдѣ тутъ благородство?

— Это сплетня, совсѣмъ сплетня...—растерялась дѣвушка.—Пойдемте къ намъ и вы увидите, что никакого тетъ-а-тета у меня съ Иваномъ Артамонычемъ нѣтъ. Онъ пріѣхалъ къ намъ поиграть въ винтъ съ папенькой и маменькой и ужъ они сидятъ и играютъ втроемъ съ болваномъ.

— Не пойду. Сердце обольется кровью... Вѣеръ... яблоки... И какое неблагородство!

Молодой человѣкъ снялъ фуражку и сѣлъ на скамейку, поспѣшно вытирая на лбу обильный потъ.

— Послушайте, что жъ это такое?.. начала дѣвушка.—Пришли проститься, а сами вдругъ дерзости говорите... И наконецъ, по какому праву?..

— По какому праву? По праву любви-съ... Я Надежда Емельяновна, въ васъ влюбленъ, влюбленъ безумно! Я готовъ на все, на всѣ жертвы...

Дѣвушка попятилась и потупилась.

— Вы влюблены въ меня? Я этого не знала,— проговорила она.

— Да-съ... влюбленъ... Съ послѣдняго спектакля влюбленъ, со «Вспышки у домашняго очага». Влюб-

ленъ безумно. Я даже и учиться не могу... Да и Богъ съ нимъ, съ ученьемъ... Довольно... Я теперь въ послѣднемъ классѣ, а послѣдняго класса мнѣ и не надо. Люди живутъ и получаютъ на службѣ хорошія деньги и безъ послѣдняго класса. Наденька! Будь моею! Я люблю тебя...

Молодой человѣкъ ринулся къ дѣвушкѣ и схватилъ ее за обѣ руки.

— Тише, тише! Что вы кричите! шептала она, но не освобождала рукъ.

— О любви своей я могу кричать на всѣхъ перекресткахъ. Тутъ ничего нѣтъ постыднаго. Это чувство благородно, возвышенно... Это не то что взять отъ старика вѣеръ и яблоки.

— Ахъ, вы все съ попрекомъ... Какая-же это любовь, коли вы такія слова...

— Истинная любовь, благородная, безкорыстная. Я знаю, что у васъ ничего нѣтъ, но я рѣшился трудиться, какъ волъ, и потому отвѣтьте—любите-ли вы меня?

Произошла пауза.

— Я право не знаю... Вы такъ вдругъ... пробормотала дѣвушка, совсѣмъ растерявшись.

— Старикъ? Хотите продать себя богатому развратнику? Ну, будьте счастливы... А у меня есть револьверъ... трагически прошепталъ молодой человѣкъ и отвернулся.

— Послушайте, Петръ Аполонычъ... Мнѣ жалко васъ... Я люблю васъ, но... Сядемте, поговоримте, сказала дѣвушка.

— Любишь? Любишь? Такъ дай-же обнять тебя!

Дай сжать въ жаркихъ объятіяхъ и запечатлѣть передъ небомъ и землей...

Молодой человѣкъ обхватилъ дѣвушку за шею, привлекъ къ себѣ на грудь и осыпалъ ее поцѣлуями. Она отбивалась.

— Петръ Аполонычъ... что-жъ это такое! Такъ нельзя... Насъ съ балкона увидѣть могутъ... Да и съ улицы видно... Такъ не хорошо... Вы знаете, здѣсь сплетня... Пронесутъ—и завтра-же все будетъ извѣстно. Оставьте, Бога ради оставьте... Сядемте лучше... бормотала она и наконецъ вырвалась и стала поодаль, оправляя помятое платье.

— Пусть всѣ смотрятъ... Душа моя чиста... Я хочу благородно... Не боюсь я ни людскихъ пересудъ, ни сплетенъ! съ пафосомъ шепталъ молодой человѣкъ, поднимая съ земли фуражку, которая упала у него во время объятій.

— Вы-то не боитесь сплетенъ, да я-то боюсь... Я дѣвушка... Я должна беречь себя... бормотала дѣвушка, озираясь то на балконъ, то по направленію къ рѣшеткѣ, граничащей садъ съ улицей—Ей Богу... Какъ вы не осторожны...

— И не долженъ быть остороженъ, ежели знаю, что за мной никакой старикъ... то есть никакая старуха не подсматриваетъ.

— Вы все дерзничаете, а между тѣмъ говорите, что любите! вздохнула дѣвушка.

— Не дерзость это, Наденька, а благородное негодованіе, оскорбленіе за васъ, которую я считаю своей святыней. Ну-съ, теперь сядемте и поговоримъ, на что я рѣшился.

Дѣвушка была какъ на иголкахъ.

— Хорошо, сядемте вонъ на той скамейкѣ, но только говорите скорѣе, потому меня дома хватиться могутъ... сказала она.

— Скорѣй я говорить не могу, потому здѣсь программа цѣлой жизни.

— Какой жизни?

— Моей и вашей...

— Петръ Аполоныччъ, объ этомъ мы лучше въ другой разъ, ежели вамъ надо долго разговаривать.

— Сегодня надо рѣшить или никогда, потому завтра мы съѣзжаемъ съ дачи, послѣ завтра начнутся классы и надо знать, вносить-ли деньги за ученье или не вносить.

— Да зачѣмъ вамъ бросать ученье?

— Ахъ, неразумная наивность! Наденька! Молю васъ, рѣшимте это дѣло.

— Ну, погодите, я прежде посмотрю, что папенька, маменька и гость дѣлаютъ. Спрячтесь вонъ тамъ за кустами, а я сейчасъ...

Дѣвушка пошла на балконъ, побыла немного въ комнатахъ и вскорѣ вернулась.

— Играютъ въ винтъ. Въ самый азартъ вошли сказала она.—Ну, сядемъ.

И они сѣли на скамейку.

III.

олодой человѣкъ обнялъ дѣвушку и спросилъ:

— Надя! Любишь-ли ты меня настолько, чтобъ пойти на всѣ жертвы?

— Постойте, не обнимайте меня. Я боюсь, что наша горничная Феня побѣжитъ сейчасъ за водкой къ ужину для Ивана Артамоныча и папаши и увидитъ насъ, отвѣчала дѣвушка, освобождаясь изъ объятій и отодвигаясь отъ него.

— Ну, такъ что-жъ изъ этого? Ежели ты рѣшилась пойти на всѣ жертвы и лишенія, то пускай всѣ видятъ нашу любовь.

— Я не знаю, Петръ Аполонычъ, про какія жертвы и лишенія вы говорите...

— Зачѣмъ — Петръ Аполонычъ? Называй меня просто Пьеръ...

— Ну, Пьеръ... Ну, хорошо... Только я не знаю, какія жертвы.

— Первое время, разумѣется, мы должны жить въ бѣдности, въ одной комнатѣ и снискивать себѣ пропитаніе случайными работами.

— То есть какъ это?

— Да вѣдь завтра утромъ я явлюсь къ твоимъ родителямъ и буду просить твоей руки.

— Ахъ, нѣтъ! И не дѣлай этого. Меня не отдадутъ за тебя.

— Не отдадутъ? спросилъ молодой человѣкъ.— Ну, въ такомъ случаѣ бѣжимъ и обвѣнчаемся тайно.

— Зачѣмъ-же бѣжать-то? Вы сначала найдите себѣ хорошее мѣсто, тогда и отдадутъ. Папенька еще недавно сказалъ: «ежели попадется человѣкъ, который получаетъ двѣсти рублей жалованья»...

— Пока я найду такое мѣсто, я умру съ тоски и печали. Намъ нужно обвѣнчаться не позже будущаго мѣсяца.

— Да вѣдь у васъ даже и на свадьбу-то денегъ нѣтъ. Вѣдь свадьба-то дорого стоитъ. Вотъ мой дядя, маменькинъ младшій братъ, вѣнчался по веснѣ, такъ ему свадьба-то сколько денегъ стоила!

— Я продамъ всѣ мои книги, атласъ, словари, даже лодку — и вотъ деньги на вѣнчанье...

— Полноте, полноте... У васъ даже фрака нѣтъ. А фракъ-то что стоитъ!

— Фрака нѣтъ? Можно и безъ фрака.

— А безъ фрака какое-же это вѣнчанье!

— Стало быть, ты не рѣшаешься на всѣ жертвы?

— Да я и рада-бы, но что это за женихъ, у котораго фрака нѣтъ!

Молодой человѣкъ подумалъ и отвѣчалъ:

— Ну, хорошо, фракъ у меня будетъ. Я продамъ револьверъ. Кромѣ того, маменька моя хоть и живетъ только пенсіей, но она скопила на выигрышный билетъ Дворянскаго банка. Онъ стоитъ сто тридцать пять рублей, заложенъ только за пятьдесятъ, я упаду ей въ ноги...

— Петръ Аполонычъ, оставьте покуда все это. Я люблю васъ, но поступите прежде на мѣсто. Ну, гдѣ мы будемъ жить, ежели у васъ нѣтъ мѣста? Гдѣ? Какъ? Чѣмъ?

— Мать настолько меня любитъ, что она позволитъ мнѣ жить и женатому въ той комнатѣ, въ которой я теперь у ней живу. Тамъ въ комнатѣ диванъ и кровать. Тебѣ я уступлю кровать, самъ буду спать на диванѣ.

— Нельзя, нельзя такъ. Кто-же мнѣ сошьетъ подвѣнечное платье, ежели я убѣгу отъ папеньки съ маменькой? У меня подвѣнечнаго платья нѣтъ, доказывала дѣвушка.

— Но вѣдь это предразсудокъ. Ты можешь вѣнчаться даже вотъ въ этомъ платьѣ, которое теперь на тебѣ. Наконецъ, у тебя есть бѣлое платье, я знаю, ты въ немъ играла со мною «Вспышку». Ну, захвати съ собой это платье, когда побѣжишь отъ своихъ.

— Нѣтъ, нѣтъ. Это платье не вѣнчальное. Да оно и не мое. Я брала его отъ Агнички Лестоновой, чтобы играть въ немъ въ спектаклѣ.

Молодой человѣкъ снялъ фуражку, вздохнулъ и схватился за волосы.

— Нѣтъ, я вижу, мнѣ придется погибать! сказалъ онъ.

— Да зачѣмъ-же погибать-то, Петръ Аполонычъ? возразила дѣвушка. — Вы подождите, пока у васъ хорошее мѣсто найдется — вотъ тогда мы и поженимся. Ну, посудите сами, ну, чѣмъ мы будемъ жить?

— Жертвы, жертвы. Я требую жертвы... Самъ я на все готовъ.

— Да вѣдь съ жертвами-то съ голоду помрешь.

— Первое время мать меня не покинетъ. Мы какъ жили, такъ и будемъ жить, а гдѣ двое сыты, тамъ и третій будетъ сытъ. Тебѣ у насъ всегда кусокъ найдется. Наконецъ, мы оба будемъ зарабатывать.. Я буду репетировать съ гимназистами, буду писать въ газетахъ.

— Да развѣ вы можете писать?

— А вотъ описалъ-же пожаръ кулаковской дачи, снесъ въ редакцію и мнѣ выдали потомъ рубль и тридцать пять копѣекъ. Да я-бы и послѣ пожара кое-что еще написалъ и деньги получилъ, но наши любительскіе спектакли были и я все никакъ не могъ присѣсть. Наконецъ, въ крайнемъ случаѣ, мы въ актеры поступимъ и уѣдемъ въ провинцію. И у меня талантъ, и у тебя талантъ. Я женъ-комикъ, ты энженю. Вѣдь насъ-же всѣ хвалили за «Вспышку». И какъ благородно ремесло актера! Какъ возвышенно! Это въ тысячу разъ возвышеннѣе, чѣмъ служить гдѣ-нибудь въ страховой конторѣ, какъ мой братъ служитъ. Ну-съ, Наденька! восторженно крикнулъ молодой человѣкъ.—Видите, какъ все улаживается?!

— Рѣшительно ничего не вижу. Прежде всего папенька съ маменькой меня не отдадутъ за васъ, пока у васъ мѣста не будетъ, а бѣжать я не намѣрена.

— Ну, значитъ, не любишь. Тогда прощай...

Молодой человѣкъ всталъ со скамейки.

— Нѣтъ, я люблю васъ, даже очень люблю, а только бѣжать не хочу, отвѣчала дѣвушка.

— Ну, и прощайте... Желаю вамъ счастія съ старымъ развратникомъ Иваномъ Артамонычемъ, а о моей судьбѣ вы узнаете завтра, сказалъ молодой человѣкъ и направился къ калиткѣ.

Дѣвушка схватилась за грудь.

— Петръ Аполонычъ! Куда-же вы? испуганно спросила она.

— Теперь куда глаза глядятъ, пробормоталъ молодой человѣкъ, не оборачиваясь.

— Послушайте... Дайте мнѣ слово, что вы подождете до мѣста, умоляющимъ шепотомъ обращалась къ нему дѣвушка.

— Долго ждать, Надежда Емельяновна. И наконецъ я разочарованъ. Я ждалъ отъ васъ жертвъ, но увидалъ въ васъ только бездушную кокетку.

— Какъ хотите меня попрекайте, но дайте мнѣ только слово, что вы не застрѣлитесь. Умоляю васъ... Во имя любви нашей прошу!

Молодой человѣкъ былъ уже за калиткой.

— Во имя любви? Ха-ха-ха... захохоталъ онъ трагически-театральнымъ хохотомъ.

— Петръ Аполонычъ! еще разъ послышался окликъ.

Молодой человѣкъ не отвѣчалъ. Дѣвушка плакала. На балконѣ появилась горничная Феня.

— Барышня! Вы здѣсь? Идите скорѣй домой. Маменька велѣла вамъ сказать, чтобы вы салатъ къ ужину приготовили, да достали изъ шкапа бутылку черносмородинной наливки, которую мамаша дѣлала.

— Сейчасъ, сейчасъ, Феня.

Дѣвушка наскоро вытерла платкомъ глаза и пошла на балконъ.

Въ отворенную дверь балкона слышался мужской возгласъ:

— Безъ трехъ! Вотъ такъ подсадили! Сколько-же мы теперь пишемъ?

Раздался и женскій голосъ, кричавшій горничной:

— Феня! Не забудь-же сходить за водкой къ ужину. А то вѣдь погребокъ запрутъ.

IV.

Иванъ Артамонычъ, отецъ и мать Наденьки уже кончали послѣдній роберъ въ винтъ, когда Наденька вошла въ комнату. Играли они въ первой комнатѣ, выходящей дверями на балконъ. Дабы попасть въ столовую, Наденька должна была пройти мимо играющихъ. Она отвернулась отъ нихъ, чтобы не показать свои заплаканные глаза, но это было совершенно безполезно, ибо и такъ на нее никто изъ играющихъ не обратилъ вниманія, до того всѣ были заняты игрой. Въ столовой былъ уже полунакрытъ столъ для ужина. Наденька достала изъ буфета бутылку наливки, поставила ее на столъ и принялась приготовлять салатъ, поливая его масломъ и уксусомъ. Промѣшивая этотъ салатъ, она думала про Петра Аполлоновича:

«Господи, да неужели онъ и въ самомъ дѣлѣ

застрѣлится, ежели я не выйду за него замужъ! А револьверъ у него есть. Я видѣла револьверъ. Онъ давалъ его для нашего спектакля, когда мы играли «Купленный Выстрѣлъ». Нужны были пистолеты для дуэли, но пистолетовъ не нашлось и мы брали револьверы. Скверный револьверъ, онъ выстрѣлилъ только послѣ третьей осѣчки, но застрѣлиться-то, я думаю, имъ все таки можно. А пойти за него замужъ я не могу! Ну, какой онъ женихъ! Онъ еще не кончилъ курса, да и въ послѣдній классъ ему надо передержку держать. Ну, что тутъ будетъ? Ну, какъ я буду?.. И вдругъ еще послѣ своей смерти оставитъ записку: такъ и такъ, въ смерти моей повинна Надежда такая-то... Узнаютъ папенька съ маменькой... Бѣда, чистая бѣда... А какъ онъ вальсъ то хорошо танцуетъ! Да и мазурку... Николай Михайлычъ конечно лучше его танцуетъ, но вѣдь тотъ офицеръ, у того шпоры, а изъ статскихъ никто лучше Петра Аполоныча мазурку не танцуетъ».

Наденька думала и сердце ея болѣзненно сжималось.

«Надо будетъ завтра рано утромъ сбѣгать къ нимъ на дачу, увидать его и умолять не стрѣляться», рѣшила она мысленно. Ну, что-жъ это такое? Съ чего стрѣляться? Вѣдь ежели я и выду замужъ за Ивана Артамоныча, я все-таки буду любить Петра Аполоныча. Глупый... Какъ онъ этого не понимаетъ»!

Въ сосѣдней комнатѣ игроки кончили игру, расчитывались и все еще доспоривали на счетъ какого-то хода.

— Иванъ Артамонычъ! Не любите-ли вы рѣдьки

съ сметаной къ водкѣ?—спрашивала мать Наденьки Ивана Артамоныча.—Надя отлично стругаетъ ее тоненькими ломоточками. Мужъ объѣдается этой рѣдькой—и вотъ потому-то я ему по ночамъ ее не даю, но сегодня такой исключительный случай, что вотъ вы въ гостяхъ у насъ...

— Рѣдька съ сметаной? Охотно поѣмъ... Тѣмъ болѣе охотно, что ее будетъ приготовлять молодая хозяйка,—отвѣчалъ Иванъ Артамонычъ.—А гдѣ же она, кстати?

— Надя! Гдѣ ты?—крикнула мать.

— Я здѣсь. Я салатъ дѣлаю,—откликнулась дѣвушка изъ столовой.

— Вели, милый другъ, кухаркѣ принести съ ледника рѣдьку и приготовь ее для Ивана Артамоныча съ сметаной. Много ее ѣсть на ночь я вамъ, Иванъ Артамонычъ, не дамъ, потому мнѣ ваше здоровье дорого, но немножко—попробуйте...

— Мы только по три, четыре ломотка...—сказалъ отецъ Наденьки.

— А тебѣ ужъ и вовсе ничего не дамъ. Нельзя тебѣ... Наѣшься и потомъ всю ночь у тебя отрыжка. Подавай тебѣ тогда гофманскихъ капель, подавай имбирную лепешку...

— Я, мамочка, чуточку... Ежели Иванъ Артамонычъ четыре кусочка, я только два...

Иванъ Артамонычъ остановился въ дверяхъ столовой, заложилъ руки въ карманы брюкъ, раскачивалъ свое тучное тѣло и, умильно глядя на Наденьку, говорилъ ей:

— Наказали меня сейчасъ ваши папенька и ма-

менька на три рубля и сорокъ пять копѣекъ, жестоко наказали.

— Да, да... Ужасно совѣстно... Какъ будто мы вотъ нарочно на ужинъ эти деньги отъ васъ выиграли,—отвѣчала мать Наденьки.

— Утѣшаю себя тѣмъ въ моемъ проигрышѣ, что буду ѣсть приготовленіе столь прелестныхъ ручекъ, какъ ваши, Надежда Емельяновна. Говорятъ, салатъ вы приготовляете божественно.

— О, она у меня большая хозяйка. А какъ она тертый зеленый сыръ съ масломъ для бутербродовъ къ чаю приготовляетъ, такъ всѣ пальчики оближете!— хвалила мать Наденьку и прибавила:—Торопись, душечка, торопись, насчетъ рѣдьки-то... Иванъ Артамонычъ, поди, страсть какъ проголодался.

— Не скрою,—улыбнулся Иванъ Артамонычъ.— Воздухъ на дачѣ столь расположеннаго ко мнѣ семейства, какъ ваше, очень и очень благотворно повліялъ на мой аппетитъ.

— Такъ не хотите-ли вы, Иванъ Артамонычъ, выпить водочки не дожидаясь ужина и закусить вотъ маринованными грибками... предложила мать Наденьки.

— Да, да... И въ самомъ дѣлѣ... Пожалуйте, Иванъ Артамонычъ... — подхватилъ отецъ.—Грибки отличные. Надюша сама и собирала ихъ.

— Вовсе даже не сама, отвѣтила Наденька.— Эти грибы мы у дворничихи купили.

— Врешь, врешь. Тутъ есть и твои грибы. Самые маленькіе это твои! Я какъ сейчасъ помню, что ты ходила гулять въ лѣсъ къ Катенькой Дымовой и

гимназистомъ Петей и принесла ихъ. Пожалуйста не скромничай. Она вотъ все стыдится, Иванъ Артамонычъ, когда говоришь о ея любви къ хозяйству, проговорила мать.

— Зачѣмъ-же вы такъ, Надежда Емельяновна? Любовь къ хозяйству — вѣдь это ореолъ дѣвушки. Не хорошо, не хорошо.

Иванъ Артамонычъ опять улыбнулся и погрозилъ Наденькѣ пальцемъ.

— Я не желаю, чтобы мнѣ приписывали то, чего я не дѣлала, сказала дѣвушка. — Ну, какая я хозяйка! Я хозяйничаю только тогда, когда меня заставляютъ.

— Униженіе паче гордости, сударыня, продолжалъ Иванъ Артамонычъ.

— И вѣдь главное, все вретъ, говорила мать.— Сама-же мнѣ и предложила помариновать грибы. «Маменька, говоритъ, теперь грибовъ много, давайте, говоритъ, помаринуемте банку»... Потомъ сама со мной и грибы чистила, сама укладывала въ банку...

Отецъ Наденьки между тѣмъ налилъ уже двѣ рюмки водки, умильно глядѣлъ на нихъ, потиралъ радостно руки и, обратясь къ Ивану Артамонычу, сказалъ:

— Ну-ка, дорогой гость, пожалуйте...

Иванъ Артамонычъ взялъ рюмку, чокнулся ею съ рюмкой хозяина, хлопнулъ ее на «лобъ», какъ говориться, сдѣлалъ гримасу и, закусывая грибами, произнесъ:

— Грибы дѣйствительно божественные и дѣлаютъ

большую честь молодой хозяйкѣ. Не зналъ я, Надежда Емельяновна, что у васъ такая склонность къ хозяйству, не зналъ. Знаете, въ нашъ вѣкъ, когда барышни, что-называется, фру-фру и мечтаютъ только о танцахъ и спектакляхъ, очень и очень пріятно видѣть въ барышнѣ такую склонность. Я въ восторгѣ, прямо говорю, въ восторгѣ. А грибы такъ это вѣдь и въ Милютиныхъ лавкахъ такихъ не найдешь.

— Иванъ Артамонычъ повторить? взялся за графинъ съ водкой отецъ Наденьки.

— Позвольте... Да вѣдь мы должны съэкономить себѣ рюмку, чтобы закусить рѣдькой со сметаной, а то ужъ будетъ много, отвѣчалъ Иванъ Артамонычъ.

— Э, полноте, что за счеты!.. Кушайте.

— Только изъ-за грибковъ, поклонился Иванъ Артамонычъ и проглотилъ вторую рюмку водки.

— Вы маленькія-то шляпочки кушайте, маленькія-то въ сто разъ вкуснѣе, лебезила около него мать Наденьки.

— И большихъ, и маленькихъ поѣлъ, только-бы похвалить лишній разъ молодую хозяйку. Прелесть! Прелесть! Да-съ, а все отъ воспитанія... Оттого, что вы дали вашей дочкѣ такое воспитаніе, отъ котораго она не мудрствуетъ лукаво. А возьмите-ка вы теперь дѣвушку-курсистку, эту изъ такъ называемыхъ ученыхъ-то... Развѣ она вамъ приготовитъ такіе грибы? Ни за что не приготовитъ, потому что у ней въ головѣ не тѣ мечтанія...

— Иванъ Артамонычъ! По третьей?

— Довольно, довольно... Продолжать будемъ, когда

за столъ сядемъ, отвѣчалъ Иванъ Артамонычъ, сунулъ себѣ въ ротъ еще грибъ и отошелъ отъ стола.

Черезъ четверть часа всѣ сѣли за ужинъ.

V.

Иванъ Артамонычъ! Рѣдечки-то пожалуйте. Готова она. Сметана у нась отличная. Это отъ нашей дворничихи. Прямо на глазахъ нашихъ дѣлается, стало быть, можемъ поручиться, что ужъ тутъ муки не подмѣшано, предлагала мать Наденьки.

— Прикажете наливать? спрашивалъ отецъ.

— Только развѣ для того, чтобы попробовать закуску, приготовленную прелестными ручками молодой хозяйки, отвѣчалъ Иванъ Артамонычъ, бросая умильный взглядъ на Наденьку.

Отъ выпитой водки глаза его сдѣлались масляннымими, на лицѣ заиграли красныя пятна.

— Восторгъ, восторгъ что такое! говорилъ онъ, прожевывая послѣ водки ломтики рѣдьки.—Ахъ, все это домашнее хозяйство я и самъ-бы любилъ, пудами-бы мариновалъ «грибки» и разную рыбку корюшку и ряпушку, но бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ. Вдовъ и въ домѣ пустота.

— Иванъ Артамонычъ, да вы еще не стары и все это можете пріобрѣсть вмѣстѣ съ молодой хозяйкой. Взгляните на себя въ зеркало — вѣдь вы еще

король, мужчина въ полномъ соку. Такимъ-то крѣпышамъ только и жениться, такіе-то женихи, я считаю, просто кладъ для невѣстъ: тутъ и положительность, тутъ и твердыя мысли, расхваливала достоинства гостя мать Наденьки.

— Разсудительность и благоразуміе, поддакнулъ отецъ.

— Такъ-то это такъ, вздохнулъ Иванъ Артамонычъ, опять косясь на Наденьку:—но, къ несчастію, дѣвушки этого не цѣнятъ.

— Какіе пустяки! Всякая благоразумная дѣвушка оцѣнитъ, отвѣчала мать и поправила цвѣтныя бусы, сбившіяся на шеѣ дочери. — Конечно, у дѣвушекъ другія мечтанія, нравятся больше разныя лакированные, вертлявые фертики, но дѣвушка не выходящая изъ воли родителей, съ помощью ихъ совѣтовъ, сейчасъ пойметъ, что не съ мечтаніями жить, а съ хорошимъ человѣкомъ.

— Вѣрно, вѣрно, совершенно вѣрно, снова поддакнулъ отецъ и даже махнулъ рукой, какъ-бы рѣшая этотъ вопросъ.—Воспитанная въ страхѣ и въ правилахъ дочь всегда...

Онъ не договорилъ и воскликнулъ:

— Иванъ Артамонычъ! Я еще налью... Вы еще не пробовали нашей селедки, а намъ баба-разнощица такія селедки носитъ, что ѣшь и чувствуешь на языкѣ одно масло.

— Эта селедка, папа, не отъ бабы, а изъ мелочной лавочки. Бабьи селедки мы всѣ съѣли, замѣтила дочь.

— Что ты врешь! Десятокъ селедокъ на прошлой

недѣлѣ купили, да чтобы съѣсть! Я налью еще по рюмочкѣ, Иванъ Артамонычъ?

— Нѣтъ, много, много будетъ, замахалъ тотъ руками.—И такъ ужъ...

— Э, полноте! что за счеты! Поѣдете домой по сырости, такъ водка-то даже необходима.

— Сырости я не боюсь. Я съ семьдесятъ восьмаго года фуфайку ношу.

— Черезъ фуфайку осенью прохватитъ. Я налью.

— Наливай, наливай... Иванъ Артамонычъ долженъ попробовать нашу селедку, сказала мать и сама протянула руку къ графину.—Наливай и мнѣ полъ-рюмки. И я даже съ вами вмѣстѣ выпью и съ Иваномъ Артамонычемъ чокнусь. Пожалуйте...

— Ну, въ такомъ случаѣ я ужъ не могу отказать, наклонилъ голову Иванъ Артамонычъ, взялся за рюмку, чокнулся съ матерью Наденьки и, тыкая вилкой въ селедку, продолжалъ: — Да-съ... Домъ у меня послѣ покойницы жены чаша полная, два ледника, по старой привычкѣ, набиваю, а настоящаго хозяйства нѣтъ. Садъ фруктовый у меня отличный при домѣ, копаюсь я въ немъ ежедневно для моціона, яблоки по привезеннымъ мной образцамъ сами видите какія въ немъ ростутъ, люблю я, чтобы и вареньице изъ нихъ сварить, и намочить ихъ на зиму вмѣстѣ съ брусникой, а некому этимъ заняться. Сварила мнѣ кухарка фунтовъ пять клубники, да фунтовъ пять черной смородины, но развѣ это дѣло кухарочное и много-ли тутъ десять фунтовъ! Вотъ теперь скоро рябина поспѣетъ. Конечно, я себѣ настою четверть водки на рябинѣ, но бьюсь объ закладъ,

что пока водка будетъ настаиваться, ее на половину выпьютъ кухаркины гости и водой дольютъ, а оттого, что присмотра нѣтъ.

— Надо вамъ жениться, надо, подхватилъ отецъ Наденьки.

— Конечно надо, согласился Иванъ Артамонычъ, уже весь красный и лоснящійся отъ пота.—Я даже уже, откровенно говоря, и намѣтилъ дѣвушку, но въ виду того, что шагъ важный...

— Въ этихъ случаяхъ, Иванъ Артамонычъ, медлить не надо.

— Знаю-съ... Я человѣкъ рѣшительный, но также боюсь и отказа... Нынѣшнія дѣвушки-то ой-ой какія! Кто ихъ знаетъ, что у нихъ въ головѣ?

— Бьюсь объ закладъ, что вамъ-то ужъ не откажутъ, проговорила мать Наденьки. — Вы женихъ завидный. Во-первыхъ, въ солидномъ чинѣ.

— Статскій... Два года ужъ Статскій...

— Во-вторыхъ...

— Тысячу триста квадратныхъ саженъ земли подъ домомъ и садомъ. Надворныя строенія приносятъ тысячу восемьсотъ пятьдесятъ рублей чистаго дохода, да въ лицевомъ домѣ самъ живу

— И какой прелестный домикъ! Словно картинка. Улица тихая, патріархальная. И замѣтьте, воздухъ какой на Петербургской сторонѣ! Немножко далеконько отъ центра, но вѣдь у васъ свои лошади. Да и помѣстительный какой вашъ домъ, ежели съ виду судить...

— Я былъ у Ивана Артамоныча.—Комнаты хоть балы давай... сказалъ отецъ Наденьки.

— Еще-бы, подхватилъ Иванъ Артамонычъ.—Пять комнатъ внизу и двѣ въ мезонинѣ. Всего семь комнатъ. А куда мнѣ семь комнатъ одному?

— Хозяйку, хозяйку... Тутъ и разсуждать нечего.

— Именно хозяйку. Вѣдь вотъ по веснѣ я настоялъ четвертушку водки на черносмородинныхъ почкахъ.. Пьешь и чувствуешь, что во рту у тебя садъ.

— Водка на черносмородинныхъ почкахъ — это одинъ восторгъ! восхищался о.лецъ.

— Вообразите, а у меня то ее и разбили. Поставилъ я ее на окнѣ, чтобы она стояла на солнцѣ... Пріѣзжаю домой изъ должности—кухарка показываетъ и говоритъ: «кошка»...

— Вѣрно, вѣрно. Присмотра нѣтъ. А будь жена— все это какъ слѣдуетъ... Простите, Иванъ Артамонычъ у васъ Станиславъ на шеѣ или Анна?

— Станиславъ на шеѣ и Анна въ петлицѣ.

— Ну, чего-жъ еще! И это въ сорокъ-то небольшимъ лѣтъ.

— Побольше, побольше... Скрывать года не намѣренъ. Но бодръ, свѣжъ и чувствую даже какъ-бы юность.

— Никто вамъ даже и сорока-то лѣтъ на видъ не дастъ.

— Отпусти я бороду, такъ казался-бы старше, но откровенно говоря, я нахожу даже развлеченіе, когда бреюсь. Наполнять утро нечѣмъ—вотъ я не торопясь горячей воды...

— Жениться, жениться... Емельянъ Васильичъ,

налей Ивану Артамонычу еще рюмку наливки, а я ему положу еще полъ-цыпленка.

— Будетъ-съ.

— Кушайте. Наденька этихъ цыплятъ сама и кормила. Да вотъ салатцу Наденькинаго приготовленія. Въ разговорахъ-то мы объ салатѣ и забыли.

— Только ужъ развѣ изъ-за салата, приготовленнаго Надеждой Емельяновной. Вы говорите: жениться... Давно собираюсь.... Въ іюнѣ, долженъ сказать, я и намѣтилъ себѣ вдову одну, но Богъ спасъ. Такая оказалась...

— Что вдова! Вдовы вертячки! Ужъ ежели вдова понюхала воли, то въ рѣдкихъ случаяхъ толкъ бываетъ, сказала мать Наденьки.—Вамъ дѣвушку надо, дѣвушку изъ хорошаго семейства, скромную, выросшую подъ присмотромъ родителей...

— Именно-съ... Потому что у меня отъ покойницы жены и великолѣпная лисья ротонда, крытая бархатомъ осталась, пальто съ куньимъ воротникомъ... Брилліантовая нитка, брилліантовый браслетъ, серьги, такъ брилліанты, честное слово, по горошинѣ. Я вѣдь ее, покойницу, изъ богатаго купеческаго дома взялъ. Умерла — духовную мнѣ... Серебра у меня столоваго...

— Эдакое богатство! Да конечно-же, тутъ и думать нечего, чтобы вдовымъ жить! воскликнула мать.

— Божьяго милосердія въ серебрѣ, такъ въ каждой комнатѣ... хвастался совсѣмъ уже опьянѣвшій Иванъ Артамонычъ.

— Сватайтесь, сватайтесь скорѣй... Какъ воз-

можно вамъ вдовцомъ вѣкъ коротать! И я увѣрена, что ужъ у васъ есть кто-нибудь на примѣтѣ.

Иванъ Артамонычъ смотрѣлъ на Наденьку масляными, слегка слезящимися глазами и слегка заплетающимся языкомъ отвѣтилъ:

— Скрывать не стану. Есть. И почелъ-бы за великое счастіе...

— Кто такая? Кто такая, Иванъ Артамонычъ?

— Боюсь сказать, робѣю...

— Ну, вотъ... Въ семейномъ-то домѣ! Да что-жъ вы наливки-то не кушаете? Эту наливку Наденька настаивала, сама и варила, сама и сахару прибавляла. Емельянъ Васильичъ! налей Ивану Артамонычу.

— Только ужъ развѣ изъ-за того, что наливка отъ трудовъ Надежды Емельяновны.

— Налей и мнѣ, Емельянъ Васильичъ, налей и Надюшѣ, и мы съ Иваномъ Артамонычемъ чокнемся. Наливка слабенькая. Ваше здоровье, Иванъ Артамонычъ.

— Нѣтъ-съ... Теперь здоровье Надежды Емельяновны.

Иванъ Артамонычъ отодвинулъ стулъ, всталъ и полѣзъ черезъ столъ чокаться съ Наденькой.

— Такъ кто-же, Иванъ Артамонычъ, та счастливая избранница, которую вы намѣтили? приставала къ гостю мать Наденьки.

Иванъ Артамонычъ крякнулъ, блаженно улыбнулся во всю ширину рта и отвѣтилъ:

— Извольте, я вамъ открою мою тайну. Избранница эта—та, съ которой я теперь чокаюсь...

— Надюша?—воскликнула мать.

— Да... но я боюсь... Я робѣю... Отказъ — и я погибъ.

— Вы сватаетесь къ Наденькѣ и вамъ отказъ?.. Да что вы, Иванъ Артамонычъ! Мы за честь должны считать. Емельянъ Васильичъ! да что-жъ ты-то ротъ разинулъ и молчишь!

— За честь... За великую честь... Ежели это въ серьезъ, то будьте счастливы...—пробормоталъ отецъ Наденьки.

— Я-бы хотѣлъ слышать отвѣтъ отъ самой Надежды Емельяновны,—говорилъ Иванъ Артамонычъ,

— Господи! Да развѣ можетъ она выдти изъ воли отца съ матерью. Надюша! Что-жъ ты стоишь! Протяни руку Ивану Артамонычу! — кричала дочери мать.

Наденька, вся вспыхнувшая, протянула руку, Иванъ Артамонычъ перегнулся черезъ столъ и поцѣловалъ руку.

— Согласны?—спрашивалъ онъ дѣвушку.

— Папенька и маменька согласны, такъ и я согласна,—послышался отвѣтъ.

— А теперь, Иванъ Артамонычъ, обнимите меня... Емельянъ Васильичъ! Цѣлуй скорѣй Ивана Артамоныча.

И начались объятія.

VI.

ВАНЪ Артамонычъ еще долго просидѣлъ у своей невѣсты, пилъ черносмородинную наливку и строилъ планы своей будущей женатой жизни.

— Лошади у насъ, Надежда Емельяновна, свои и будемъ мы по воскресеньямъ и по праздникамъ въ Невскій монастырь пѣвчихъ слушать ѣздить. Обожаю хорошихъ пѣвчихъ.

— Лучше-же, Иванъ Артамонычъ, въ оперу...— возражала Наденька.

— И въ оперу иногда съѣздимъ, но вѣдь это по вечерамъ. Насчетъ театровъ будьте покойны. Въ циркъ, въ оперу, въ Александринскій театръ—каждую недѣлю будемъ въ театрѣ.

— Одинъ разъ въ недѣлю мало. Я два раза хочу.

— Ну, два раза, такъ два. Развѣ можно въ чемъ отказать молодой женкѣ!

— И непремѣнно, чтобы ложа была.

— Зачѣмъ-же ложа-то, если насъ двое?

— Ахъ, нѣтъ. Вдвоемъ скучно. Я хочу, чтобы приглашать гостей...

— Ахъ, Надя, Надя! Что ты говоришь! Да ты должна за счастье считать, ежели ты будешь вдвоемъ съ мужемъ, перебила ее мать.

— Да что вы, маменька! Конечно-же въ компаніи веселѣе. По крайности есть съ кѣмъ слово перемолвить.

— Да ты съ мужемъ-то и перемолвливайся.

— Ну, что все мужъ да мужъ! Все одно и одно, такъ и надоѣсть. Нельзя-же глазъ на глазъ...

— Ахъ, какія слова! Боже мой, какія слова! Простите, Иванъ Артамонычъ, это она отъ глупости, просто отъ наивности.

— Вѣрю, вѣрю, дорогая Анна Федоровна. И представьте, эта простота требованій въ вашей дочкѣ мнѣ особенно нравится,—отвѣчалъ Иванъ Артамонычъ. — Я обворожонъ, я, я... Позвольте, Надежда Емельяновна, ручку поцѣловать. Вотъ такъ... О, святая простота!

— Такъ ложу и съ знакомыми мы будемъ въ театрѣ? Вы мнѣ позволите приглашать, кого я хочу?— спрашивала жениха Наденька.

— Да, да... Есть о чемъ разговаривать! Распоряжайтесь, какъ хотите. Можете пригласить въ ложу папеньку, маменьку.

— Какой-же мнѣ интересъ отъ папеньки и маменьки! Я хочу общества.

— Надя, что ты мелешь! Какого такого общества!

— Пускай говоритъ, пускай говоритъ. Каждое ея наивное слово вливаетъ мнѣ бальзамъ въ душу, перебивалъ Иванъ Артамонычъ мать Наденьки.

— Конечно-же общества. Я хочу пригласить молодыхъ людей.

— Фу, да ты хоть-бы постыдилась! Какіе такіе у тебя молодые люди? Откуда? Мелетъ разный вздоръ,

а Иванъ Артамонычъ можетъ Богъ знаетъ что подумать?

— Какъ какіе! Напримѣръ, Петръ Аполлонычъ.

Лицо Ивана Артамоныча сдѣлалось серьезно.

— Кто это такой Петръ Аполлонычъ? спросилъ онъ.

— Ей-Богу, не знаю, отвѣчала мать Наденьки.— По моему, просто она бредитъ или дурачится. Кто это такой Петръ Аполлонычъ, отвѣчай скорѣй! крикнула она на дочь.

— А гимназистъ, съ которымъ я играла въ спектаклѣ «Вспышку».

— Гимназистъ? Ну, этотъ не опасенъ, отвѣчалъ Иванъ Артамонычъ, превращая серьезное лицо въ улыбающееся.—О, простота, простота! О, святая наивность! Можете, можете приглашать въ ложу вашего Петра Аполлоныча, но предупреждаю, только тогда, когда у него будутъ отмѣтки хорошія насчетъ ученья. Другъ дѣтства это, что-ли? обратился онъ къ матери Наденьки.

— Ребенокъ, отвѣчала та.—Мальчикъ.

— Какой-же ребенокъ, ежели онъ бреется. Ему девятнадцать лѣтъ.

— Полно, полно, не фантазируй, глупая.

— Нѣтъ, я хочу, чтобы Петръ Аполлонычъ бывалъ съ нами. Онъ бѣдный, а между тѣмъ такъ любитъ театръ, что даже хотѣлъ уйти изъ гимназіи и поступить въ актеры. Иванъ Артамонычъ, я хочу, чтобы и его приглашали въ ложу изрѣдка.

— Извольте, извольте, божество мое. Потомъ мы

будемъ ѣздить на рысистые бѣга. Страхъ какъ люблю лошадей.

— А я боюсь лошадей. Послушайте, будемте лучше ѣздить въ докторскій клубъ. Тамъ студенты прелесть какъ танцуютъ мазурку.

— Можно и въ докторскій клубъ, но бѣга бѣгами. А лошадей вамъ бояться нечего. Вѣдь вы будете сидѣть за барьеромъ! Лошади далеко. Развѣ вы никогда не бывали на рысистыхъ бѣгахъ?

— Не бывала, да и не хочу бывать. Ну, что такое лошади! Лучше-же яхтъ-клубъ.

— То лѣтомъ, а я вѣдь про зиму говорю.

— Да и зимой въ яхтъ-клубѣ катаются на конькахъ и съ горъ.

— Повѣрьте, Надежда Емельяновна, что, побывавъ на бѣгахъ, вы и сами пристраститесь къ лошадямъ. Наконецъ, на ваше счастье я буду ставить въ тотализаторъ и вы можете выиграть.

— А что это такое тотализаторъ?

Иванъ Артамонычъ объяснилъ.

— Ну, раза два-три въ зиму извольте, я съѣзжу для васъ, отвѣчала Наденька.—Но за это вы должны меня разъ въ мѣсяцъ на тройкѣ прокатить въ «Аркадію» или въ Озерки и опять чтобы съ нами была компанія.

— Хорошо, хорошо, святая простота. О, какъ это мнѣ нравится, когда она такъ наивно высказываетъ свои требованія! радостно воскликнулъ Иванъ Артамонычъ и прибавилъ:—Сами-же вы сейчасъ сказали, что вы боитесь лошадей, а тутъ проситесь кататься на тройкѣ.

— На тройкѣ я не боюсь. Да ужъ хорошо, хорошо, поѣду съ вами и на бѣга, ежели вы будете катать меня на тройкѣ. И вотъ еще что. Гдѣ мы лѣтомъ будемъ жить на дачѣ?

— Божественная Надежда Емельяновна, у насъ на Петербургской сторонѣ домъ та-же дача. Садъ такой, что и на дачахъ такого не бываетъ.

— Нѣтъ, я непремѣнно хочу, чтобы въ Павловскѣ.

— Надя! укоризненно покачала головой мать.

— Что: Надя! Лучше-же впередъ сказать. Я давно объ Павловскѣ мечтаю.

— Даю вамъ слово, Надежда Емсльяновна, что вы не уѣдете изъ нашего сада на Петербургской— вотъ какъ тамъ хорошо.

— Да вѣдь тощища. Музыки нѣтъ, а я желаю музыку...

— Извольте, каждое воскресенье и каждый праздникъ мы будемъ ѣздить на музыку или въ Павловскъ, или въ Аркадію, или въ Акваріумъ.

— Ну, это все не то. А заграницу вы меня свозите?

— Всенепремѣнно. Какъ только можно будетъ взять мнѣ со службы отпускъ—сейчасъ и поѣдемъ.

— А скоро вы возьмете отпускъ?

— Да года черезъ три можно будетъ взять. Я нынче весной бралъ отпускъ.

— Фу, какъ долго ждать! Послушайте, такъ вы меня одну отпустите. Наймите мнѣ компаньонку и отпустите.

Иванъ Артамонычъ замялся.

— Помилуйте... Зачѣмъ-же это? Я умру безъ васъ съ тоски, проговорилъ онъ.

— Пустяки. Не умрете.

— Надя! Я отъ тебя сгораю отъ стыда! всплеснула руками мать. — Ты говоришь такія вещи, такія...

— Да, да... Замолчи, пожалуйста, а то ужъ ты дуришь, прибавилъ отецъ.

Бесѣда кончилась тогда, когда двѣ бутылки наливки были выпиты. Иванъ Артамонычъ началъ прощаться и попросилъ позволеніе поцѣловать невѣсту. Та подставила ему щеку.

— Въ губы, губы! кричалъ отецъ.

Мать рванула сзади Наденьку за косу. Иванъ Артамонычъ поймалъ Наденькины губы и чмокнулъ въ нихъ своими мясистыми губами. Онъ былъ изрядно пьянъ, лицо его было пунцовое, но онъ крѣпко стоялъ на ногахъ. Его пошли провожать до экипажа. Здѣсь онъ сталъ прощаться съ отцомъ Наденьки, обнялъ его и почему-то боднулъ его въ грудь. Емельянъ Васильевичъ обнималъ его и трепалъ по спинѣ. Пили они поровну, но на ногахъ онъ стоялъ плохо.

— До завтра, сказалъ Иванъ Артамонычъ, сѣлъ въ колясочку и кучеръ тронулъ лошадей.

VII.

ОТЧАСЪ послѣ отъѣзда Ивана Артамоныча, когда блескъ фонарей его маленькой колясочки еще не успѣлъ скрыться во мракѣ августовской ночи, Анна Федоровна тутъ-же на подъѣздѣ крѣпко обняла дочь и со слезами на глазахъ промолвила:

— Счастливица... Знаешь-ли, что твой женихъ имѣетъ болѣе двухъ-сотъ тысячъ состоянія? Поздравляю, отъ души поздравляю! Сбылись мои мечты... Мечтала выиграть двѣсти тысячъ—и почти сбылись мои мечты: дочь выдаю за человѣка съ состояніемъ въ двѣсти тысячъ.

— Нѣтъ, больше... Куда больше двухъ-сотъ тысячъ, отвѣтилъ пьянымъ заплетающимся языкомъ Емельянъ Васильичъ, котораго окончательно развезло на воздухѣ.—Онъ былъ женатъ на баньщицѣ Трамбуковой. Она была изъ богатаго купеческаго рода и, кромѣ большаго приданаго, получила еще послѣ смерти отца половинную долю въ баняхъ на Васильевскомъ острову, эту долю выдалъ ей братъ ея деньгами—и все это она оставила по духовному завѣщанію Ивану Артамонычу. Надюша! На грудь... Выдешь замужъ—не забудь отца и матери, вспомни, сколько они хлопотали, чтобы поймать тебѣ этого жениха.

— Ты-то ужъ хлопоталъ! Ты только пилъ съ нимъ, какъ послѣдняя пьявка. Вотъ я...

— А не пей я съ нимъ, онъ въ трезвомъ видѣ не сдѣлалъ-бы и предложенія. Не пей я, не пилъ-бы онъ, и ничего этого не вышло-бы...

— Поздравляю, барышня, отъ души поздравляю!— говорила горничная Феня, стоя на подъѣздѣ съ оплывшею отъ вѣтра свѣчкой.

— Сколько онъ тебѣ, Феня, далъ на прощанье?— поинтересовалась Анна Федоровна. — Я видѣла давеча, что онъ тебѣ что-то сунулъ въ руку, когда ты ему пальто подавала.

— Рублевую бумажку, барыня, дай имъ Богъ здоровья.

— Видишь, видишь, какой щедрый человѣкъ! Ну, Надюша, ты будешь, какъ сыръ въ маслѣ кататься, съумѣй только угождать ему.

— Да, маменька, но онъ ужъ очень старъ для меня,—сказала дочь.

— Что за вздоръ ты городишь. Твой отецъ былъ еще старѣе, когда я выходила за него замужъ.

— Ну, ужъ это ты врешь!—воскликнулъ Емельянъ Васильичъ.

— Молчите, идолъ! Чѣмъ-бы поддерживать дочь, а онъ еще расхолаживаетъ ее.

— Да я, мамочка...

— Иди и ложись спать! Пьяница.

— Да вѣдь я-же для него пилъ.

— Молчи! Смотри подъ ноги-то! А то съ крыльца свалишься. Феня! Поддержи его.

Вошли въ домъ.

— Царицей, царицей будешь жить... повторяла Анна Федоровна, прижимая дочь къ груди.

— Пуще всего мнѣ, маменька, обидно, что онъ и лѣто хочетъ жить въ этой трущобѣ, на Петербургской сторонѣ. А мнѣ-бы хотѣлось въ Павловскѣ...

— Это, матушка, все вздоръ, все вздоръ, все это пустяки. Какъ себя поведешь. Поведешь себя хорошо, съ умомъ и съумѣешь взять его въ руки, такъ будешь жить и заграницей.

— Но изъ словъ его я замѣтила, что онъ хочетъ, чтобы жена у него была на манеръ экономки, чтобы и грибы ему солила, чтобы и варенье варила, и настойки настаивала.

— Все это одни разговоры. Ну, настоишь ему какую-нибудь тамъ четверть на рябинѣ, велишь кухаркѣ сварить банку яблочнаго варенья.

— Да вѣдь и вы, маменька, толковали въ этомъже смыслѣ.

— Подходъ къ сердцу, подходъ — и больше ничего. Вотъ на эту-то удочку онъ и поддался. Ахъ, Надюша! Дай еще разъ тебя поцѣловать. Поздравляю, другъ мой.

Послѣдовали опять объятія.

— Дай и мнѣ, Надюша... сказалъ отецъ.

— Ахъ, папенька! Да у васъ губы пьяныя и мокрыя. Отстаньте, пожалуйста!

— Ну, Емельянъ Васильичъ, раскошеливайся! Теперь ужъ надо на славу его ужиномъ кормить, обратилась Анна Федоровна къ мужу.

— Да ужъ въ грязь лицомъ не ударимъ. Въ крайнемъ случаѣ можно билетъ Дворянскаго банка

заложить. Онъ очень грибы любитъ. Завтра онъ пріѣдетъ вечеромъ—вотъ ты ему грибы въ сметанѣ къ ужину и закати.

— Что грибы! Тутъ нужно и телячьи котлеты. Да привези ты изъ города закусокъ хорошихъ побольше.

— Это все будетъ. А ты грибы... Котлеты котлетами, а грибы грибами. А ты, Надюша, скажешь, что сама ходила въ лѣсъ и собирала.

— Да вѣдь послѣ этого такъ пріучишь, что онъ, и женившись, будетъ меня въ лѣсъ за грибами посылать, отвѣчала дочь.

— Полно, полно, милая. Ты теперь-то будь къ нему ласкова и предупредительна. Ласковое телятко двухъ матокъ сосетъ. Вѣдь вотъ завтра онъ уже долженъ, какъ помолвленный женихъ, пріѣхать съ подаркомъ.

— Посмотримъ, что отвалитъ! крикнула Анна Федоровна.

— Я думаю, что онъ брилліантовый браслетъ покойницы жены привезетъ, отвѣчалъ мужъ.—Завтра надо рѣшить насчетъ свадьбы: когда и какъ...

— Бога ради только завтра ты опять не напейся съ нимъ пьянъ. Вѣдь тебѣ вредно, вѣдь у тебя сердце не въ порядкѣ. Выслужи сначала пенсію мнѣ, а потомъ и напивайся. А то умрешь безъ пенсіи, причемъ я-то останусь!

— Дура! Да неужто ты не можешь понять, что я для него пилъ!

— Поди ты! Могъ бы себѣ и полъ-рюмки наливать, а вѣдь ты самъ радъ и норовишь налить себѣ даже больше. И наконецъ, онъ крѣпокъ какъ столбъ верстовой, а ты ужъ размокъ совсѣмъ.

— Ну, и онъ тоже... Въ женскую калошу ногой полѣзъ. Ну, прощай, Надюша, желаю тебѣ кудрявыхъ сновидѣній. То-то ты сегодня будешь съ пріятными мечтами засыпать!

— Ахъ, папенька, пуще всего меня тревожитъ, что онъ старъ и на пастора похожъ.

— На кого?

— На пастора. Это всѣ говорятъ. Петръ Аполлонычъ вонъ увидалъ его и смѣется.

— Ахъ, да, Надюша... Какъ ты, мать моя, была неосторожна, когда ты при Иванѣ Артамонычѣ объ этомъ Петрѣ Аполлонычѣ вывезла. Положимъ, что онъ гимназистъ, мальчишка, но Иванъ-то Артамонычъ можетъ Богъ знаетъ, что подумать. Ты ужъ, дружокъ мой, остерегись. Тутъ иногда глупое, праздное слово можетъ все дѣло испортить. Ну, прощай. Ну, Христосъ съ тобой! Ну, иди спать. Завтра поговоримъ. Феня! Гаси лампу. Остатки ужина и посуду можешь завтра поутру убрать. Емельянъ Васильичъ! Что ты бродишь, какъ мокрая курица! Иди спать.

Потухла лампа въ столовой и семейство стало расходиться по спальнямъ.

Наденька въ эту ночь не скоро заснула. Передъ ней попеременно стояли то грузная фигура Ивана Артамоныча съ сочными красными губами и оловянными сѣрыми глазами, то стройная вертлявая фигурка Петра Аполлоныча.

«Надо завтра утѣшить Пьера, надо. Какъ только встану, сейчасъ-же побѣгу къ нимъ на дворъ, признаюсь, что выхожу замужъ, и увѣрю его, что ему

даже еще лучше будетъ, когда я буду замужемъ за богатымъ. Замужемъ буду за Иваномъ Артамонычемъ, а любить буду Пьера. Мало-ли есть замужнихъ дамъ, которыя имѣютъ у себя на сторонѣ Пьеровъ. Да вонъ аптекарша... Замужемъ за аптекаремъ, а докторъ сидьма сидитъ у ней на дачѣ. Ежели Пьеръ будетъ благоразуменъ и подумаетъ хорошенько объ этомъ, онъ не проклянетъ меня, что я выхожу замужъ за Ивана Артамоныча, и даже не разсердится. Ахъ, Пьеръ, Пьеръ! И зачѣмъ ты бѣдный гимназистъ, а не какой-нибудь богатый купецъ, инженеръ или банкиръ? Застрѣлиться вѣдь хотѣлъ.— Положимъ, это онъ сгоряча, но у него характеръ рѣшительный, отъ него станется. Ахъ, дай-то Господи, чтобы онъ хоть до одиннадцати-то часовъ утра не застрѣлился! Тогда-бы я, проснувшись, побѣжала къ нему и уговорила его».

Такъ блуждали мысли въ головѣ Наденьки. Наконецъ, сонъ началъ туманной шапкой надвигаться на нее и она заснула.

VIII.

НА УТРО Наденька проснулась поздно. Отецъ ея уже уѣхалъ въ городъ на службу, а мать вмѣстѣ съ кухаркой отправилась въ мясную и зеленную лавки, дабы выбрать тамъ что-нибудь получше къ обѣду, такъ какъ обѣщался пріѣхать обѣдать Иванъ Артамонычъ. Напив-

шись на-скоро кофею съ сдобными булками, Наденька тотчасъ-же бросилась къ дачѣ, гдѣ жилъ съ своей матерью Петръ Аполлонычъ. На улицѣ около палисадника ихъ дачи извощикъ-ломовикъ и дворникъ укадывали уже на возъ ихъ мебель. Около воза суетилась растрепанная кухарка, размахивала руками и переругивалась съ ломовикомъ и дворникомъ. Балконъ дачи, задрапированный обыкновенно парусиной, былъ ободранъ. На немъ виднѣлись въ безпорядкѣ раставленные горшки съ чахлыми растеніями. Въ садикѣ, разбитомъ передъ дачей, около цвѣточной клумбы, стоялъ Петръ Аполлонычъ и самымъ спокойнымъ манеромъ срѣзалъ цвѣты, дѣлая изъ нихъ букетъ. Наденька увидала Петра Аполлоныча и у ней какъ-бы какой-то тяжелый камень свалился съ сердца.

— Слава Богу, не застрѣлился! проговорила она про себя, внимательно посмотрѣла, не сидитъ ли на балконѣ мать Петра Аполлоныча и, остановившись у палисадника, окликнула Петра Аполлоныча.

Тотъ, замѣтивъ Наденьку, тотчасъ-же нахмурилъ брови и сдѣлалъ строгое лицо, но все-таки подошелъ къ ней.

— Здравствуйте... Какъ я рада, что вы не застрѣлились, начала она. — Вѣдь это было-бы безуміемъ въ такіе годы... Да, наконецъ, и грѣшно. Что-жъ вы не подаете мнѣ руку?

Она держала свою руку, протянутую къ нему сквозь рѣшетку.

— Коварнымъ женщинамъ я не подаю руки, отвѣчалъ Петръ Аполлонычъ.

Наденька вспыхнула.

— Ахъ, Петръ Аполлонычъ, вы это совсѣмъ напрасно... Никогда я не была коварной, да и не буду, заговорила она.—Ну, какое-бы намъ было житье, ежели-бы мы убѣжали и повѣнчались! Вѣдь это, это... Во-первыхъ, папенька съ маменькой прокляли-бы меня... А что я васъ люблю, то люблю и вѣчно любить буду. Зачѣмъ-же бѣжать и ссориться съ родителями, ежели мы и такъ можемъ любить другъ друга? Виновата я передъ вами только тѣмъ, что выхожу замужъ, но, право, я это для того, чтобы утѣшить папеньку съ маменькой, да и для нашей пользы. Увѣряю васъ, что такъ и мнѣ, и вамъ будетъ лучше.

Петръ Аполлонычъ стоялъ и смотрѣлъ въ сторону.

— Вы слышали, что я выхожу замужъ за Ивана Артамоныча? спросила она его.

— Слышалъ.

— Отъ кого вы слышали? Вѣрно вамъ Феня сказала?

— Нѣтъ, не Феня, а булочникъ, который и вамъ, и намъ булки носитъ. Не ждалъ я отъ васъ, Надежда Емельяновна, такого поступка. Вѣдь это-же подло, низко выходить замужъ за старика, такъ сказать, продавать себя.

— Да вѣдь онъ, Пьеръ, не старикъ. Посмотри, онъ какой розовый.

— Все равно вы его не можете любить.

— Да вѣдь мужей и не любятъ. Вонъ папенька съ маменькой какъ бранятся.

— Это любя. Это та-же «Вспышка у домашняго очага», что мы въ спектаклѣ играли, только тамъ молодые супруги, а это старые.

Наденька потупилась и проговорила:

— Пьеръ! Прости, что я выхожу за Ивана Артамоныча замужъ.

— Я въ отчаяніи, отвѣчалъ Петръ Аполлонычъ и передвинулъ фуражку на головѣ.

— Да чего тутъ отчаяваться! Право, такъ намъ будетъ лучше. Ты будешь ходить къ намъ, я тебя буду любить по прежнему.

— То есть какъ это?

— Настоящимъ манеромъ буду любить. Какъ въ романахъ замужнія дамы любятъ друга дома, такъ и я буду тебя любить. Ты будешь у насъ другомъ дома... Ты даже можешь занимать денегъ у Ивана Артамоныча.

— Такъ онъ и дастъ!

— А не дастъ — я ему сейчасъ сцену устрою. Будь, братъ, покоенъ, дастъ. Онъ въ меня влюбленъ какъ... какъ я не знаю кто... Ужасъ какъ влюбленъ. Да и тебѣ-то лучше. Ежели-бы ты женился на мнѣ, ты-бы долженъ былъ перестать учиться, а здѣсь ты будешь продолжать учиться, поступишь въ университетъ, потомъ сдѣлаешься адвокатомъ или прокуроромъ.

— Ну, еще это улита ѣдетъ, да когда-то пріѣдетъ. Долго ждать. Я все равно рѣшился бросить учиться. У меня призваніе къ артистической карьерѣ. Я хочу быть актеромъ.

— Ну, тогда вмѣстѣ будемъ играть по клубамъ.

Я потребую отъ Ивана Артамоныча, чтобы онъ и думать не смѣлъ запрещать мнѣ играть въ спектакляхъ.

— Что: по клубамъ! Развѣ это игра! Я хочу ѣхать играть въ провинцію, на большую сцену.

— Да мы и поѣдемъ. Иванъ Артамонычъ къ тому времени, можетъ, умретъ. А пока ты здѣсь поиграй.

— Умретъ онъ! Какъ-же! Онъ здоровъ, какъ быкъ.

— Ну, тогда я сбѣгу.

— Сбѣжишь ты, какъ-же!

— Да вѣдь другія-жены бѣгаютъ. Вонъ въ романахъ все бѣгаютъ.

— Да вѣдь сбѣжать-то надо въ бѣдность. А ты изъ богатой жизни не сбѣжишь.

— А я прежде уговорю его, чтобы онъ подарилъ мнѣ свой домъ, а потомъ и сбѣгу. Ну, и не сбѣгу, такъ все-таки тебя любить буду. Ты будешь изъ провинціи пріѣзжать и прямо въ мои объятія. Пьеръ, не сердись!

Петръ Аполлонычъ подумалъ и отвѣчалъ:

— Не могу я не сердиться... потому вѣдь тоже ревность... Охъ! О, женщины, женщины! Ужасно грустно и горько.

— А ты думаешь, мнѣ легко?

— Ничего я не думаю. Я знаю, что это... коварство.

— Ну, дай мнѣ слово, что не будешь сердиться.

— Какъ я могу дать слово, ежели у меня вся внутренность поворачивается. Старикъ... съ мокрыми губами...

— Да вовсе онъ не старикъ. Ну, дай мнѣ слово, что ты не застрѣлишься.

— Стрѣляться я отдумалъ, но что я въ актеры поступлю и уѣду въ провинцію — это вѣрно.

— Ну, слава Богу, слава Богу, радостно проговорила Наденька.—А то я ужасно безпокоилась, что на моей душѣ грѣхъ будетъ. Да и зачѣмъ тебѣ сейчасъ въ провинцію? Погоди, не уѣзжай. Ну, не сбѣгу я, такъ все-таки въ провинцію мы вмѣстѣ поѣдемъ, безъ побѣга.

— Такъ мужъ тебя и отпустилъ!

— Я буду проситься на воды, лечиться... Сначала чтобы пить воды, а потомъ ѣхать куда-нибудь на море купаться. Я скажу, что это мнѣ необходимо.

— Ну, тогда онъ самъ съ тобой поѣдетъ.

— Ну, такъ что-жъ изъ этого? Это рѣшительно все равно. Я такая хитрая, такая хитрая.—Не сердишься?

— Сердиться я не сержусь, но у меня голова кругомъ идетъ отъ обиды.

— Ну, дай руку, что не сердишься. Мнѣ нельзя долго здѣсь оставаться. Маменька теперь вмѣстѣ съ кухаркой въ мясной лавкѣ, а вернется она изъ лавки, такъ сейчасъ меня хватится.

Петръ Аполлонычъ просунулъ сквозь рѣшетку руку. Наденька пожала ее, улыбнулась ему и приложила свои пальцы къ своимъ губамъ, дѣлая летучій поцѣлуй.

— Прощай, сказалъ онъ.

— Прощай, отвѣчала она.—Пріѣзжай въ воскре-

сенье. Я познакомлю тебя съ Иваномъ Артамонычемъ. Только ужъ ты при немъ, Бога ради, не дѣлай скандала, прибавила она и быстро пошла домой.

IX.

Въ НАЧАЛѢ пятаго часа вернулся на дачу изъ должности Емельянъ Васильевичъ. Подъ мышкой онъ, какъ и всегда, держалъ портфель, а въ другой рукѣ тащилъ корзинку съ закусками. Лицо его было красно, потъ съ него лилъ градомъ. Емельянъ Васильевичъ, какъ и всегда, пріѣхалъ по конкѣ, отъ конки до ихъ дачи было съ версту разстоянія, корзина-же, которую пришлось нести, была очень увѣсистая. Жену и дочь онъ засталъ препирающимися. Жена доказывала, что дочь должна къ пріѣзду жениха снять съ себя малороссійскій костюмъ, въ которомъ уже была вчера, и надѣть другое платье, дочь говорила, что малороссійскій костюмъ къ ней очень идетъ и отказывалась его снять. Шелъ слѣдующій разговоръ.

— Но вѣдь Иванъ Артамонычъ тебя въ немъ уже вчера видѣлъ.

— Въ немъ-же пускай и сегодня видитъ. Всѣ остальныя мои платья—мятыя тряпки.

— Врешь, врешь. Синее платье съ матросскимъ воротникомъ у тебя еще очень и очень свѣженькое. Матросскій воротникъ такъ къ тебѣ идетъ.

— У матросскаго костюма вся юбка спереди въ вареньи запачкана, а Феня ее не замыла.

— Ну, надѣнь сѣренькое платье. Въ немъ ты такая эфектная. Подвяжи передничекъ черненькій люстриновый, а я скажу, что ты со мной вмѣстѣ бруснику для моченья чистила.

— Понимаете вы, не желаю, отрѣзала дочь.

— Два дня подъ рядъ въ одномъ платьѣ... Ну, что женихъ подумаетъ! Подумаетъ, что у тебя одно платье и есть.

— И пускай думаетъ. Скорѣй денегъ дастъ на приданое. Вѣдь долженъ-же онъ дать. Сами-же вы говорите, что не-изъ-чего сдѣлать мнѣ приданое.

Разговоръ этотъ происходилъ на балконѣ. Емельянъ Васильевичъ прервалъ этотъ разговоръ.

— Фу! смучила меня эта корзинка. И какъ на грѣхъ у конки никакого мальчишки, который-бы помогъ мнѣ дотащить эту корзинку, проговорилъ онъ, ставя закуски на столъ. Веревка отъ корзинки всѣ пальцы мнѣ перерѣзала. Здравствуйте, обратился онъ къ жёнѣ и дочери. Вотъ тутъ... берите... Тутъ лососина копченая, кильки, сардинки, омары и вино.

— Французской горчицы купилъ? встрѣтила его жена.

— Забылъ. Изъ ума вонъ.

— Дуракъ. И чѣмъ у тебя голова набита! Три раза я тебѣ напоминала, чтобы ты купилъ французской горчицы. Иванъ Артамонычъ еще вчера спрашивалъ французскую горчицу, когда языкъ съ горошкомъ подали.

— Матушка! Да вѣдь сколько помнить-то пришлось. Коньяку полбутылки къ кофею купилъ.

— Пьяница. Вѣдь вотъ объ коньякѣ не забылъ, потому что самъ его любишь трескать.

— Ты-же мнѣ коньяку приказывала купить.

— Довольно. У Ивана Артамоныча въ департаментѣ былъ?

— Былъ, былъ... Какъ-же... Къ пяти часамъ онъ пріѣдетъ. Въ восторгѣ... То есть въ такомъ восторгѣ, что Наденька согласилась за него выдти замужъ, что просто на седьмомъ небѣ! Въ дежурной мы съ нимъ разговаривали. Обнялъ оеъ меня и расцѣловалъ. Знаешь, Анна Федоровна, онъ оказывается большой рыболовъ. До страсти любитъ рыбу удить.

— Это мнѣ наплевать. Ты разсказывай про дѣло-то.

— Про какое дѣло?

— Да насчетъ приданаго-то? Говорилъ ты ему, что мы по нашимъ средствамъ не можемъ дать Наденькѣ даже самаго скромнаго приданаго.

— Забылъ... развелъ руками Емельямъ Васильичъ.

— Господи! Да зачѣмъ-же я тебя посылала-то къ нему въ департаментъ! воскликнула Анна Федоровна.— Вѣдь только затѣмъ и посылала, чтобы ты выяснилъ ему этотъ вопросъ.

— Я думалъ, что ты меня посылала напомнить, чтобы онъ пріѣзжалъ сегодня къ намъ обѣдать.

— Ну, что мнѣ съ тобой дѣлать!—всплескивала руками Анна Федоровна,—Вѣдь ты совсѣмъ полоумный. Посылаютъ человѣка о дѣлѣ разговаривать, а онъ о рыбной ловлѣ...

— Самъ онъ, самъ о рыбной ловлѣ началъ говорить—и дѣйствительно мы тутъ о головляхъ, до объ окуняхъ... Я ему про Чистяковскій прудъ, гдѣ много карасей... Онъ объ щукахъ... На щукъ онъ осенью даже съ острогой ѣздитъ.

— Вонъ! Скройтесь съ глазъ моихъ!

— Да чего ты сердишься-то, душечка! Вѣдь вопросъ о приданомъ можно и сегодня послѣ обѣда выяснить. Человѣкъ вчера мѣховую ротонду Надюшѣ обѣщалъ, пальто съ куницами покойной жены, бриллiанты...

— Довольно. Чтобы я васъ больше и не видѣла до прiѣзда Ивана Артамоныча. Намъ нужно завтра ѣхать въ городъ всѣ тряпки заказывать, я думала, что ужъ ты съ деньгами отъ него вернешься, а ты извольте видѣть!..

— Да онъ дастъ, дастъ денегъ на приданое. Это сейчасъ видно, это не такой человѣкъ. Помилуйте, человѣкъ какъ котъ влюбленъ, даже слезы на глазахъ были, когда говорилъ со мной о Надюшѣ...

— Не дразни ты меня! Понимаешь, не дразни и уходи, а то я въ тебя вотъ этой жестянкой съ омарами пущу.

Анна Федоровна дошла до изступленiя. Емельянъ Васильевичъ обратился къ дочери.

— Надюша! Да заступись хоть ты за меня,—сказалъ онъ.

— Нѣтъ, папенька, это ужъ слишкомъ, отвѣчала Наденька.—Дѣйствительно, мы расчитывали завтра ѣхать заказывать бѣлье для меня, покупать матерiи на платья...

— Да у него все есть, все послѣ покойницы жены—и все тебѣ пойдетъ.

— Да вы съума сошли! Не могу-же я носить бѣлье послѣ покойницы, ходить въ покойницкихъ отрепанныхъ платьяхъ. За старика замужъ выхожу, жертву приношу ему, и вдругъ обносками послѣ его жены пользоваться! Я хочу, чтобъ онъ мнѣ сдѣлалъ самое роскошное бѣлье и самый лучшій гардеробъ, только тогда я за него пойду.

— Оставь, Надя. Съ твоимъ отцомъ разговаривать, все равно что въ стѣну горохъ кидать—никогда не прилипнетъ. Ему хоть колъ на головѣ теши—онъ выпучитъ идіотскіе глаза, да такъ и будетъ ходить.

— Ахъ, Боже мой! Да понимаете-ли вы, что все это мы сегодня послѣ обѣда за кофеемъ выяснимъ, сказалъ Емельянъ Васильевичъ.—Подолью я ему въ кофей коньячку и подниму вопросъ о приданомъ. При васъ подниму, вы тутъ-же будете. Такъ-то даже лучше, когда душа у него размякнетъ. Душа размякла, передъ глазами Надюша въ видѣ приманки сидитъ—вотъ тогда и потроши его, и бери съ него что хочешь.

— Вонъ! крикнула Анна Федоровна и указала на дверь въ другую комнату.

Емельянъ Васильевичъ съежился, махнулъ рукой и отправился переодѣваться изъ вицмундира въ пиджакъ.

Въ столовой загремѣли посудой, ножами и вилками, приготовляя обѣденный столъ. Анна Федоровна все еще ворчала и ругала мужа. Дочь такъ и не

переодѣлась, но мать настояла, чтобы та поверхъ малороссійскаго костюма надѣла передникъ, дабы имѣть случай сказать жениху, что она только что сейчасъ отъ хозяйственныхъ занятій. Емельянъ Васильевичъ сунулся было въ столовую откупоривать бутылки съ виномъ, но его выгнали вонъ.

Около пяти часовъ, пара сытыхъ лошадокъ-шведокъ подкатила къ палисаднику дачи колясочку Ивана Артамоныча. Изъ нея вылѣзъ Ивана Артамонычъ. Въ рукахъ онъ держалъ что-то завернутое въ бѣлую бумагу и перевязанное розовой тесьмой.

— Наденька! Женихъ... Поправься. Емельянъ Васильичъ! Пріѣхалъ... Бѣги къ калиткѣ! крикнула Анна Федоровна.

Отецъ, мать и дочь бросились встрѣчать жениха.

X.

НѢТЪ, я положительно вѣрю теперь въ сліяніе душъ, говорила Анна Федоровна, здороваясь съ Иваномъ Артамонычемъ. — Сейчасъ Надя чистила бруснику, вдругъ оставила ее чистить и пошла мыть руки. Я говорю ей: «что ты? Куда?» А она отвѣчаетъ: «Иванъ Артамонычъ ѣдетъ, надо встрѣчать». И только-что вымыла руки, не успѣла даже снять передника, какъ вы подъѣхали. Это называется: сердце сердцу вѣсть подаетъ.

— Именно-съ... Я самъ о Надеждѣ Емельяновнѣ

всю дорогу думалъ, отвѣчалъ Иванъ Артамонычъ и, протянувъ Наденькѣ что-то завязанное въ бумагу, сказалъ:—Моей наисладчайшей сладкое...

Наденька взяла завязанное въ бумагу и проговорила: «мерси».

— А ручку поцѣловать можно? спросилъ ее Иванъ Артамонычъ.

— Обѣ вашимъ подаркомъ заняты.

— Я приложусь, не заставляя васъ выпускать изъ рукъ мой подарокъ.

— Ну, прикладывайтесь.

Иванъ Артамонычъ наклонился и чмокнулъ руку Наденьки.

— Коробочку-то попрошу вскрыть сейчасъ-же, сказалъ онъ.—Тамъ сюрпризецъ есть.

Всѣ отправились на балконъ, гдѣ Наденька, развязавъ бумагу, увидала коробку, а вскрывъ эту коробку, вынула оттуда большую розовую атласную бомбоньерку.

— Ахъ, какая прелесть! воскликнула Анна Федоровна.

— Вскрывайте, вскрывайте дальше, продолжалъ Иванъ Артамонычъ.

Наденька приподняла крышку бомбоньерки. Сверху на конфектахъ лежалъ золотой браслетъ и блестѣлъ бриллiантами.

— Ахъ, какая прелесть! вскрикнула Наденька.

— Прошу надѣть его на руку и носить на радость.

— Покажи-ка, покажи-ка... протискалась къ до-

чери мать.—Боже, какъ вы балуете Надюшу, Иванъ Артамонычъ!

— Еще больше буду баловать, только бы Надежда Емельяновна меня искренно полюбила.

— Иванъ Артамонычъ! Вы, я думаю, съ дорожки-то проголодались, а до обѣда еще добрыхъ полчаса, такъ не хотите-ли предварительно выпить водочки и заморить червячка солененькимъ? предложилъ отецъ Наденьки.

— Охотно, охотно, добрѣйшій Емельянъ Васильичъ, отвѣчалъ женихъ.

— Такъ пожалуйте. А ужъ какой я васъ копченой лососиной угощу!..

— Копченую лососину мы потомъ-съ... А прежде я желаю отдать предпочтеніе приготовленіямъ молодой хозяйки. Сейчасъ я слышалъ, что она трудилась и чистила своими прелестными пальчиками бруснику, — вотъ я этой-то брусникой и закусилъ-бы.

Мать и дочь переглянулись. Вышелъ неожиданный скандалъ. Брусники въ домѣ не было. Вскорѣ, однако, Анна Федоровна нашлась и объявила:

— Представьте, какой случай! А вѣдь бруснику-то я послала поставить на чужой ледникъ черезъ дорогу на сосѣднемъ дворѣ. Въ нашемъ ледникѣ, какъ есть до капли, весь ледъ стаялъ — вотъ я и послала къ сосѣдямъ.

— Печально, очень печально, покачалъ головой Иванъ Артамонычъ. — Нѣтъ-ли тогда какой-нибудь другой закуски, къ которой прикасались-бы ручки Надежды Емельяновны?

— Маринованные грибы есть ея приготовленія.

— Ну, такъ мы маринованнымъ грибомъ закусимъ, а ужъ копченую-то лососину я потомъ... Долженъ вамъ сказать, что я умиляюсь передъ каждымъ домашнимъ приготовленіемъ. Это моя страсть...

Иванъ Артамонычъ подошелъ къ закускѣ, выпилъ водки и сталъ тыкать вилкой въ маринованный грибъ.

Черезъ четверть часа сидѣли за столомъ и обѣдали. За послѣднимъ блюдомъ Анна Федоровна спросила:

— Когда-же, Иванъ Артамонычъ, свадьба?

— А это, какъ вы, многоуважаемая Анна Федоровна... Я горю нетерпѣніемъ покончить все это скорѣй. Для меня—чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Теплое гнѣздышко для той прелестной птички, которая прилетитъ ко мнѣ, готово.

— Послушайте, Иванъ Артамонычъ, я желаю, чтобы будуаръ былъ новый и непремѣнно голубой атласный, вставила свое слово Наденька.

Иванъ Артамонычъ подумалъ и произнесъ:

— Хотѣлось-бы не перемѣнять обстановку, но хорошо, извольте: будуаръ будетъ новый. Желаете изъ голубаго атласа?

— Непремѣнно.

— Будетъ исполнено.

— Такъ назначайте-же день свадьбы-то, Иванъ Артамонычъ, приставала къ нему мать Наденьки.

— Извольте-съ. Въ воскресенье черезъ двѣнадцать дней.

— Что вы, что вы! Въ такой короткій срокъ мы не успѣемъ сдѣлать для Надюши приданаго. Вѣдь надо заказать бѣлье, подвѣнечное и визитныя платья, шляпки, пальто, разныя сорти де баль... Наконецъ, прежде всего, намъ нужно отыскать зимнюю квартиру и переѣхать съ дачи.

— Поторопиться, такъ все можно сдѣлать. Двѣнадцать дней срокъ большой.

— Такъ-то оно такъ, но...

Анна Федоровна начала мигать мужу, чтобы тотъ начиналъ разговоръ о деньгахъ на приданое, но тотъ сидѣлъ выпуча глаза и молчалъ. Анна Федоровна рѣшилась начать сама.

— Ахъ, Иванъ Артамонычъ! вздохнула она.— Конечно, богатые люди сейчасъ-же могутъ приступить къ покупкамъ и заказамъ, но не скрою отъ васъ, что мы ужасно стѣснены въ денежномъ отношеніи. Кромѣ жалованья, Емельянъ Васильичъ не имѣетъ ничего — и вотъ для того, чтобы сдѣлать для Нади хоть какое-нибудь приданое, онъ долженъ искать гдѣ-бы занять денегъ, а вы знаете, какъ это трудно!

— Да, не легко, согласился Иванъ Артамонычъ.

Анна Федоровна продолжала:

— Вотъ ежели бы вы ссудили насъ деньгами на приданое для Наденьки.

Иванъ Артамонычъ побарабанилъ пальцами по столу я спросилъ:

— А осмѣлюсь спросить, сколько надо?

— Да это зависитъ отъ васъ, зависитъ прямо отъ

того, какое-бы вы приданое желали, чтобы имѣла Наденька.

— Вѣдь вамъ только на бѣлье и на платья... Тысячу рублей довольно?

— Маловато, ну да ужъ дѣлать нечего. Надѣюсь, что вы дадите намъ эти деньги безъ векселя... потому что... говорю прямо... я не знаю, скоро-ли мы вамъ ихъ отдадимъ.

— Какіе-же, мамаша, векселя между родней! И вы-то говорите пустяки, вставила свое слово Наденька. — Иванъ Артамонычъ человѣкъ благородный. Неужели-же онъ возьметъ съ папаши вексель!

При этомъ Наденька бросила на Ивана Артамоныча такой взглядъ, отъ котораго онъ пришелъ совсѣмъ въ блаженное состояніе и забормоталъ:

— Ни Боже мой, ни Боже мой! Какіе тутъ векселя!

— Ну, благодарю. Вы — истинный другъ... Емельянъ Васильичъ, благодари, сказала Анна Федоровна мужу и прибавила: — Ну, въ такомъ случаѣ, недѣли черезъ три мы будемъ готовы и можно будетъ сыграть свадьбу.

Въ это время горничная подала кофе.

XI.

Кофе хоть и былъ поданъ въ столовую, но Анна Федоровна предложила его пить на балконѣ, на легкомъ воздухѣ, а потому всѣ и перешли туда съ чашками, перенеся и кофейный приборъ. Емельянъ Васильевичъ тащилъ коньякъ и усѣвшись около Ивана Артамоныча, предложилъ ему выпить сначала рюмочку коньяку au naturel, для пищеваренія, а потомъ уже сталъ усердно подливать въ кофе. Отъ коньяку Иванъ Артамонычъ разнѣжился, пришелъ еще въ болѣе благодушное состояніе и умильно посматривалъ на Наденьку, которая сидѣла противъ него и, перебирая пальчиками брилліанты на браслетѣ, считала ихъ. Иванъ Артамонычъ это замѣтилъ и сказалъ:

— Четырнадцать камней. Не извольте трудиться и считать. Этотъ браслетъ покойницы жены, попалъ въ опись ея приданаго, которая еще и по сейчасъ у меня сохраняется. Четырнадцать... Ожерелье въ двадцать три брилліанта, а браслетъ четырнадцать.

— Вы и ожерелье не продали? поинтересовалась Наденька.

— Зачѣмъ-же продавать-съ? Оно будетъ украшать шейку второй моей избранницы. Наканунѣ свадьбы, въ дѣвичникъ я вамъ вручу его вмѣстѣ съ свадебной корзинкой, отвѣчалъ Иванъ Артамонычъ.

— Боже мой, какая неизрѣченная доброта! воскликнула Анна Федоровна.—Иванъ Артамонычъ, да вы ее задарите.

— Все имъ-съ... И себя и всѣ свои сокровища, унаслѣдованныя мной отъ первой жены.

— Иванъ Артамонычъ, я хочу, чтобы свадьба была парадная, съ танцами, сказала Наденька.

— Не дѣлаютъ этого нынче, не въ модѣ, но ежели вы хотите, то ваше желаніе—законъ-съ... блаженно наклонилъ голову въ знакъ согласія Иванъ Артамонычъ. — Я знаю одно прелестное кухмистерское помѣщеніе, гдѣ можно сыграть свадьбу. Парадъ, такъ ужъ парадъ. Среди моихъ знакомыхъ найдутся четыре генерала въ лентахъ.

— Ну, генералы-то мнѣ—Богъ съ нимъ, а чтобы были танцы и побольше молодыхъ кавалеровъ.

— Можно-съ. Въ нашей канцеляріи даже есть три отчаянные танцора. Одинъ на вечерахъ въ Благородномъ собраніи считается первымъ мазуристомъ.

— Кто такой? На вечерахъ въ Благородкѣ первымъ мазуристомъ считается артиллеристъ Гремушинъ. Мы вѣдь бываемъ въ Благородкѣ. Статскіе тамъ преплохіе танцоры.

— Не могу знать-съ, но мнѣ такъ сказывали. Я въ Благородкѣ когда бываю, то сижу обыкновенно за винтомъ въ карточной комнатѣ, а потомъ перехожу попитаться въ столовую. Фамилія его—Ключковъ.

— Ну, все равно. Хорошій мазуристъ и у насъ найдется. Онъ хоть еще гимназистъ, но мазурку танцуетъ прелестно.

— Это ты про Петю-то? поинтересовалась мать.— Да неужели его звать на свадьбу? Помилуй, матушка, вѣдь это мимолетное дачное знакомство.

— Нѣтъ, нѣтъ... Я хочу.

Мать сдѣлала дочери недовольную гримасу; та тоже отвѣтила гримасой, говорящей «я такъ хочу». Иванъ Артамонычъ замѣтилъ это и сказалъ:

— Отчего-же вы запрещаете? Пусть позабавятся. Юности попорхать хочется. Это очень естественное дѣло. О, счастливая юность! Позвольте ручку, Надежда Емельяновна.

Анна Федоровна, видя умильное до блаженства состояніе Ивана Артамоныча, опять приступила насчетъ денегъ на приданое.

— Мнѣ право такъ совѣстно, Иванъ Артамонычъ, но ежели-бы вы сейчасъ намъ могли дать хоть половину денегъ на покупки для Наденьки, начала она.

— Отчего-же... Съ удовольствіемъ. Я словно зналъ и захватилъ съ собой чековую книжку. Я могу вамъ дать чекъ даже на всю сумму.. Позвольте перушко и чернилъ. Сейчасъ-же я вамъ и напишу.

Отецъ Наденьки бросился за перомъ и чернилами и принесъ ихъ. Иванъ Артамонычъ обмакнулъ перо и спросилъ:

— Тысячу рублей вамъ?

— Просила тысячу, да думаю, что маловато. Напишите ужъ чекъ на тысячу двѣсти.

— Извольте, отвѣчалъ Иванъ Артамонычъ и сталъ писать, говоря: «тысячу»...

— Иванъ Артамонычъ, погодите... перебила его

Анна Федоровна, вся вспыхнувъ: — позвольте ужъ еще разъ иекусить вашу доброту. Мнѣ все думается, что и тысячу двѣсти будетъ мало. Вѣдь бѣлье и потомъ подвѣнечное платье... Напишите ужъ полторы тысячи, потому наше положеніе такое, что мы совсѣмъ безъ денегъ.

— Иванъ Артамонычъ замялся.

— Изволите видѣть, я врагъ того, чтобы бросать деньги на безумную роскошь, началъ онъ: — но ежели .

— Пишите ужъ, пишите полторы-то тысячи — кивнула ему Наденька, улыбаясь.

— Ваше слово — законъ-съ. Вамъ я не смѣю тказать.

Чекъ на полторы тысячи былъ написанъ и врученъ Наденькѣ.

— Боже, какъ вы добры, Иванъ Артамонычъ! Позвольте ужъ невѣстѣ поцѣловать васъ за это. Наденька, поблагодари жениха поцѣлуемъ.

— Да что вы, маменька...—Я лучше потомъ...— закраснѣлась Наденька.—А то мимо калитки шныряютъ дачники и оттуда все видно на балконъ...

— Цѣлуй, цѣлуй... Жениха цѣлуешь, а не посторонняго... Къ тому-же при отцѣ и матери. Тутъ ничего предосудительнаго нѣтъ.

Иванъ Артамонычъ, весь сіяющій, быстро отеръ мокрыя отъ кофе губы носовымъ платкомъ и, обойдя столъ, за которымъ всѣ сидѣли, подошелъ къ помѣщавшейся противъ него Наденькѣ и протянулъ губы. Наденька, косясь на калитку, подставила ему щеку.

— Въ губы, въ губы цѣлуй Ивана Артамоныча! Нечего щеку-то подставлять!—кричала мать,

Наденька помедлила и отвѣчала:

— Тогда пускай самъ цѣлуетъ.

Иванъ Артамонычъ направилъ поцѣлуй прямо въ губы и два раза сочно чмокнулъ Наденьку. Въ это время скрипнула калитка. Наденька вздрогнула и обернулась. Близь калитки, на дорожкѣ сада стоялъ гимназистъ Петръ Аполлонычъ. Онъ былъ на этотъ разъ въ мундирѣ, лицо его было искривлено въ самую ядовитую улыбку. Наденька взглянула въ его сторону и смущенно проговорила:

— Войдите, войдите... Вы все еще не уѣхали?

Петръ Аполлоновичъ ничего не отвѣчалъ и медленно, шагъ за шагомъ приближался къ балкону.

— Это тотъ самый, про котораго я говорила, что онъ отлично мазурку танцуетъ, пояснила Наденька Ивану Артамонычу.—Онъ нашъ сосѣдъ, живетъ вмѣстѣ съ матерью и сегодня они переѣзжаютъ съ дачи. Должно быть проститься пришелъ.

— Очень нужно! тихо пробормотала Анна Федоровна, отвернувшись, и прибавила:—Нахалъ!

Наденька хоть и старалась быть спокойной, но внутренно трепетала и думала: «А вдругъ онъ сдѣлаетъ скандалъ? Онъ дерзкій... Онъ на все способенъ... «Пронеси Боже»!...

Петръ Аполлоновичъ вошелъ на балконъ.

XII.

Сделавъ общій поклонъ и опять надѣвъ фуражку, Петръ Аполлонычъ прислонился къ колоннѣ и, ни къ кому особенно не обращаясь, началъ:

— Васъ, кажется, можно поздравить? У васъ семейная радость.

Глаза его были насмѣшливы, съ губъ не сходила ироническая улыбка. Наденька сидѣла ни жива, ни мертва. Отецъ и мать Наденьки не отвѣчали на вопросъ, но мать, указывая на молодаго человѣка, сказала Ивану Артамонычу:

— Вотъ-съ... Позвольте вамъ представить... нашъ сосѣдъ Петръ... Забыла, какъ по отечству-то... Все Пьеръ да Пьеръ...

— Петръ Аполлонычъ, подсказала дочь.

— Да... Петръ Аполлонычъ. А это вотъ нашъ добрый знакомый Иванъ Артамонычъ.

Иванъ Артамонычъ протянулъ руку молодому человѣку и сказалъ:

— Слышалъ ужъ объ васъ, что вы танцоръ отличный.

— А я слышалъ объ васъ, что вы женихъ отличный, очень выгодный.

Ивана Артамоныча покоробило и онъ въ замѣшательствѣ сталъ поправлять воротничекъ сорочки на

шеѣ. Мать Наденеки вспыхнула, но стараясь замять слова молодаго человѣка, сказала:

— Полноте, Петръ Аполлонычъ, объ этомъ до офиціальнаго объявленія обыкновенно не говорятъ. Не хотите ли вотъ лучше кофейку чашечку? Садитесь и выпейте.

— Благодарю покорно, я пилъ, отвѣчалъ молодой человѣкъ, но къ столу подсѣлъ.

— А я думала, что вы уже уѣхали съ дачи, начала Наденька, пересиливъ себя.

— Возы съ мебелью уѣхали и маменька уѣхала, но я остался покуда и вотъ зашелъ къ вамъ, чтобы посмотрѣть спектакль.

— Какой спектакль? поинтересовался Иванъ Артамонычъ.

— «Бѣдность не порокъ» Островскаго, сцену старика Коршунова, сидящаго съ юной Любочкой Торцовой.

— Не понимаю. Гдѣ-же этотъ спектакль?

— Да здѣсь. Здѣсь на балконѣ.

— Полноте, Петръ Аполлонычъ, вы что-то не дѣльное говорите. У васъ ужъ умъ за разумъ зашелъ отъ любительскихъ спектаклей, отвѣчала Анна Федоровна и, обратясь къ Ивану Артамонычу, сказала:—Поигралъ вотъ въ здѣшнихъ любительскихъ спектакляхъ два-три раза, да и бредитъ пьесами.

— Я брежу? Нѣтъ, ужъ вы это оставьте, Анна Федоровна .Можетъ быть всѣ сидящіе здѣсь въ бреду, а я не брежу.

Анна Федоровна вспыхнула.

— Вы пришли въ домъ да ужъ начинаете дерзничать, сказала она.

— Нѣтъ, вы первая начали дерзничать, а я только отвѣчаю, проговорилъ молодой человѣкъ.

— Однако, что-же вамъ надо? Зачѣмъ вы пришли? возвысилъ голосъ отецъ Наденьки.

— Папенька, оставьте!.. умоляюще вскинула на отца глаза Наденька.

— Зачѣмъ-же я буду оставлять? Я хочу спросить у молодаго человѣка, что ему надо. Ежели у него есть что-нибудь нужное намъ передать, то пусть говоритъ сейчасъ-же, а нѣтъ, такъ мы здѣсь находимся въ семейномъ кругу и желаемъ говорить по душѣ безъ постороннихъ свидѣтелей. Что вамъ угодно, молодой человѣкъ?

Нижняя челюсть Петра Аполлоныча задрожала, глаза слезливо заблестѣли.

— Я пришелъ проститься съ Надеждой Емельяновной, такъ какъ мы переѣзжаемъ съ дачи, и пожелать ей семейнаго счастья... съ старикомъ... отвѣчалъ онъ.

— Однако, что-же это, милостивый государь! Вы совсѣмъ нахалъ! воскликнулъ отецъ Наденьки.— Врываетесь въ семейный домъ...

— Вовсе не врываюсь. Я по приглашенію. Меня сама ваша дочка Надежда Емельяновна звала.

— Надя! Ты звала? Когда ты звала?

— Вовсе даже и не думала сегодня его звать, отвѣчала едва слышно и потупившись Наденька.

Молодой человѣкъ быстро поднялся со стула и весь блѣдный проговорилъ:

— Послѣ этого вы коварная измѣнница и врунья!

— Мальчишка! Да какъ ты смѣешь! въ свою очередь вскочилъ съ мѣста добродушный Иванъ Артамонычъ и сжалъ кулаки.

— Потише, потише, мосье заѣдатель дѣвичьяго вѣка, прошепталъ молодой человѣкъ, пятясь съ балкона.

— Милѣйшій Емельянъ Васильичъ, да что-же вы не гоните этого нахала! обратился Иванъ Артамонычъ къ отцу Наденьки.

— Самъ уйду, самъ... отвѣчалъ молодой человѣкъ.—Дайте только нѣсколько словъ сказать:

— Ничего слышать не желаемъ... Вонъ отсюда! Чтобы духу твоего здѣсь не было! кричалъ отецъ Наденьки.

Петръ Аполлонычъ стоялъ уже на дорожкѣ сада и говорилъ.

— Злаго волшебника Черномора-то вамъ лучше-бы выгнать, сбирающагося чужую молодость губить.

— Послушайте, ежели вы сейчасъ молча не уйдете, я крикну дворника и онъ васъ по шеѣ спровадитъ!

— За правду и это готовъ претерпѣть, Правда! Гдѣ ты? Гдѣ ты?

Молодой человѣкъ схватился обѣими руками за виски и отошелъ къ калиткѣ.

— Да онъ пьянъ должно быть, разводилъ руками отецъ Наденьки.

— Конечно пьянъ, отвѣчала мать. — Пьянъ и актерствуетъ.

Наденька сидѣла отвернувшись въ сторону и

безмолвствовала. Иванъ Артамонычъ въ недоумѣніи посматривалъ то на нее, то на молодаго человѣка. Тотъ, отойдя къ калиткѣ, не пронялся и снова воскликнулъ:

— Прощайте, продающіе свою дочь родители! Прощай, безсердечный покупщикъ! Прощай безчувственная!..

— Да вѣдь за эти слова онъ можетъ Богъ знаетъ какъ отвѣтить! вышелъ наконецъ изъ терпѣнія Иванъ Артамонычъ, бросился къ калиткѣ и закричалъ: — Послушай ты, мальчишка, щенокъ!

За Иваномъ Артамонычемъ бросился и отецъ Наденьки, но молодой человѣкъ юркнулъ въ калитку и исчезъ.

— Это чортъ знаетъ что такое! возмущался Иванъ Артамонычъ, размахивая руками. — И какое онъ имѣетъ право—вотъ что я не понимаю! Какой поводъ?

У калитки за рѣшеткой, на мѣстѣ молодаго человѣка стояли какой-то дачникъ въ сѣрой шляпѣ и разнощикъ-торговецъ съ пустымъ латкомъ и, разинувъ рты, смотрѣли на разгорячившагося Ивана Артамоныча.

— Оставьте, Иванъ Артамонычъ, бросьте... Вонъ ужъ у калитки остановились любопытные и смотрятъ, схватилъ жениха подъ руку отецъ Наденьки и тащилъ къ дому.—Пойдемте на балконъ. Я догадываюсь кое-о-чемъ по поводу поведенія этого мальчишки. На балконѣ мы вамъ все объяснимъ.

Когда Иванъ Артамонычъ и отецъ Наденьки вернулись на балконъ, съ Наденькой было нѣчто въ

родѣ обморка. Она сидѣла вся блѣдная, откинувшись на спинку стула, а мать ея примачивала ей виски водой, макая кофейную салфеточку въ стаканъ, и говорила недоумѣвающему Ивану Артамонычу:

— Ничего... не безпокойтесь... Это пройдетъ... Сейчасъ пройдетъ... Очень ужъ обидѣлъ ее этотъ нахалъ мальчишка.

— Не поискать-ли доктора? Я поѣду и поищу. Вѣдь у меня здѣсь лошади, съ тревогой въ голосѣ спрашивалъ Иванъ Артамонычъ.

— Ничего не надо, ничего... Такъ пройдетъ, отвѣчала Анна Федоровна. —Выпей, Надюша, воды совала она дочери стаканъ.

Та приблизила ко рту стаканъ, сдѣлала нѣсколько глотковъ и, посмотрѣвъ въ сторону Ивана Артамоныча, улыбнулась ему.

— Ну, слава Богу, что вамъ легче, проговорилъ тотъ и спросилъ:—скажите, что все это значитъ?

— А вотъ сейчасъ мы вамъ кое-что объяснимъ, отвѣчала Анна Федоровна, садясь на свое мѣсто къ кофейнику.

Сѣлъ и Иванъ Артамонычъ около нея.

XIII.

КОГДА всѣ немного поуспокоились отъ произведеннаго переполоха, Иванъ Артамонычъ спросилъ:

— Однако, позвольте васъ спросить, что-же это все значитъ? Чего этотъ юноша хо-

четъ? На какомъ основаніи онъ скандальничаетъ?

— И ума не приложу, отвѣчалъ пожимая плечами Емельянъ Васильичъ, дѣйствительно ничего не знавшій.—По моему, онъ просто пьянъ, намазалъ рыло и... и лѣзетъ на стѣну. Долженъ вамъ сказать, что и въ домѣ-то онъ у насъ не бываетъ. Былъ тутъ какъ-то разъ, а вотъ сегодня во второй разъ пришелъ. Если мы его знаемъ, то знаемъ только по любительскимъ спектаклямъ. Были у насъ тутъ спектакли и игралъ онъ съ Наденькой.

— Игралъ и влюбился въ Наденьку, подхватила Анна Федоровна.—А мальчишка скандалистъ. Любовь! Судите сами, какая тутъ любовь, ежели мальчишкѣ еще учиться надо. Я давно замѣчаю, что онъ зачастилъ ходить мимо нашей дачи, но Наденька, разумѣется, и вниманія на него не обращаетъ. Она на него вниманія не обращаетъ, потому что нельзя-же, въ самомъ дѣлѣ, обращать вниманіе взрослой дѣвушкѣ на мальчишку-шелопая. Разумѣется, онъ прослышалъ, что Надя дѣлаетъ прекрасную партію—здѣсь на дачѣ вѣдь ни отъ кого не скроешься—и вотъ по злобѣ и ревности и сдѣлалъ скандалъ.

— Но вѣдь за это драть надо, сказалъ Иванъ Артамонычъ.

— Какъ сидорову козу, подхватилъ отецъ Наденьки,—но что вы подѣлаете! А все спектакли. Не даромъ я былъ всегда противъ этихъ спектаклей.

— И я скажу: до добра они никогда не доводятъ.

— Спектакли тутъ не при чемъ, заговорила, сдерживая слезы до сихъ поръ молчавшая Наденька.—

При чемъ тутъ спектакли, ежели бѣшеная собака врывается и начинаетъ бросаться!

— Ну, все-таки, милѣйшая Надежда Емельяновна.—Во-первыхъ, сближеніе, во-вторыхъ, — свободныя отношенія...

— Въ томъ-то и дѣло, что не было никакихъ отношеній... выгораживала дочь Анна Федоровна.— Вѣдь я мать, я слѣжу... я слѣдила... Ахъ, какой скандалъ! Ахъ, какъ это непріятно! всплескивала она руками.—И главное, Иванъ Артамонычъ, что вы-то можете Богъ знаетъ что подумать.

Иванъ Артамонычъ помолчалъ и черезъ нѣсколько времени спросилъ Наденьку:

— Это-то и есть тотъ самый мазуристъ, котораго вы хотѣли пригласить на свадьбу?

— Онъ... Дѣйствительно онъ хорошо танцуетъ мазурку, но кто-жъ его зналъ, что онъ такой скандалистъ. Здѣсь, на здѣшнихъ вечерахъ, мы его видѣли скромнымъ.

— Вы, Иванъ Артамонычъ, успокойтесь... Разумѣется, и духа его въ нашемъ домѣ не будетъ. Ахъ, какіе нынѣшіе молодые люди! Это ужасъ, что такое!

— Драть надо, драть такихъ шелопаевъ! горячился отецъ Наденьки.

— Печально, печально... Все это очень печально... покачалъ головой Иванъ Артамонычъ.

— Ахъ, недаромъ-же я противъ мальчишекъ-подростковъ! вздыхала Анна Федоровна.

— Да какой онъ подростокъ. Онъ уже, я думаю, усы и бороду бреетъ.

— Я и противъ молодыхъ людей. Ну, что это

нынче за молодые люди, помилуйте. Вы, пожалуйста, Иванъ Артамонычъ, успокойтесь... Ничего тутъ нѣтъ такого...

— Да я за себя-то не безпокоюсь, но боюсь за Надежду Емельяновну, боюсь, что вотъ онъ ее сильно напугалъ.

— Обо мнѣ бросьте безпокоиться... Я ничего... Вы видите, я даже ужъ весела, проговорила Наденька, стараясь улыбнуться.—Будемте говорить о свадьбѣ.

— Да, да... Такъ прекрасно у насъ шла семейная бесѣда—и вдругъ врывается не вѣдь какой скандалистъ, сказалъ отецъ Наденьки.—Иванъ Артамонычъ, коньячку... Это, знаете, такъ успокаиваетъ...

— Коньяку, пожалуй...

Иванъ Артамонычъ и отецъ Наденьки выпили.

— Такъ свадьба, значитъ, черезъ двѣнадцать дней въ воскресенье? начала мать.

Иванъ Артамонычъ не отвѣчалъ на вопросъ и спросилъ, ни къ кому особенно не обращаясь:

— Но позвольте, однако, спросить: на что онъ разсчитывалъ, влюбившись въ Надежду Емельяновну? Хотѣлъ онъ сдѣлать ей предложеніе, что-ли? Или, можетъ быть...

— Вы опять про этого шелопая? Да бросьте, перебила его мать Наденьки.—Ну, какой онъ женихъ? Ну, кто за него отдастъ? Какая дѣвушка пойдетъ? Да какъ и идти, ежели онъ еще учится!

— Женихъ, конечно, ужъ бросаетъ ученье.

— Да вѣдь голышъ, совсѣмъ голышъ. Мать живетъ ничтожной пенсіей... Не будемъ мы объ немъ говорить, наплюемте на него.

— Иванъ Артамонычъ! Не хотите-ли вы рюмочку черносмородинной наливки, которую вчера пили? У насъ есть еще одна бутылочка, сказалъ отецъ Наденьки.

— Нѣтъ, нѣтъ... Благодарю васъ. Больше ничего не буду пить. Да мнѣ и домой надо. Сколь ни пріятно было-бы посидѣть около Надежды Емельяновны, но обстоятельства заставляютъ удалиться. Дѣла дома есть. Нужно кое-что подѣлать. Позвольте проститься...

Иванъ Артамонычъ отодвинулъ стулъ и всталъ изъ-за стола.

— Жаль, очень жаль, что вы не посидѣли хоть до чаю,—заговорила Анна Федоровна.—А мы хотѣли васъ угостить за чаемъ домашнимъ печеньемъ—хворостомъ и розанчиками съ вареньемъ. Надюшина стряпня... Она такъ старалась, такъ старалась...

— До другаго раза... Сколь ни пріятно попробовать новаго произведенія ручекъ Надежды Емельяновны, но до другаго раза.

Иванъ Артамонычъ сталъ прощаться.

— Надѣюсь, до завтра? Надѣюсь, что вы и завтра пріѣдете къ намъ обѣдать?—спрашивала Анна Федоровна.

— Насчетъ завтраго ничего не скажу... Горю быть около, но дѣла есть...

Къ Ивану Артамонычу подошла Наденька и тихо произнесла:

— Пріѣзжайте завтра-то.

— Ахъ, божество мое!—умилился Иванъ Артамонычъ, цѣлуя ея руку.—Вы просите? Ну, хорошо, хорошо. Постараюсь пріѣхать, но только вечеркомъ.

Скажите, пожалуйста, развѣ вамъ скучно будетъ, ежели меня не будетъ?—тихо спросилъ онъ.

— Да конечно-же... отвѣчала Наденька потупившись.

— Пріѣду, пріѣду...

Простясь со всѣми, Иванъ Артамонычъ надѣлъ пальто и направился къ калиткѣ садика, у которой, пофыркивая, стояли уже его лошадки шведки. Вся семья вышла за калитку провожать его. Здѣсь онъ опять подошелъ къ Наденькѣ и, взявъ ее за руку, тихо шепнулъ:

— А вамъ этотъ молодой человѣкъ нравится?

— Ахъ, Иванъ Артамонычъ, да развѣ онъ можетъ нравиться? Развѣ онъ... Ахъ, что вы говорите!.. съ благороднымъ негодованіемъ возвысила голосъ Наденька.

— Ну, для меня довольно. Молчу, молчу... Больше вы ничего отъ меня объ немъ не услышите.

Улыбаясь на всѣ стороны, Иванъ Артамонычъ сѣлъ въ колясочку. Но тутъ опять случилось обстоятельство. Изъ-за густыхъ подстриженныхъ кустовъ акаціи, которыми была обсажена придорожная канавка, выскочилъ Петръ Аполлонычъ, подбѣжалъ къ коляскѣ и бросилъ на колѣни къ Ивану Артамонычу клочекъ бумаги, проговоривъ:

— Вотъ моя карточка и адресъ. — Завтра или послѣ завтра я пришлю къ вамъ секундантовъ.

Въ первую минуту Иванъ Артамонычъ какъ-бы ошалѣлъ, да стояли въ недоумѣніи и окружавшіе коляску, до того появленіе молодого человѣка было неожиданно. Когда-же всѣ пришли въ себя, молодой

человѣкъ перебѣгалъ уже улицу и вскорѣ скрылся въ воротахъ одной изъ дачъ.

XIV.

Тьфу, ты пропасть! Опять! И откуда онъ взялся, окаянный! плюнулъ Емельянъ Васильичъ, когда Петръ Аполлонычъ скрылся изъ виду.

— Да онъ чисто полоумный! Его надо на цѣпь, проговорила Анна Федоровна.

— Прямо въ сумашедшій домъ. Нѣтъ, какова дерзость! Меня вызываетъ на дуэль. «Я пришлю секундантовъ» .. Мальчишка... Меня, статскаго совѣтника... негодавалъ Иванъ Артамонычъ.—Вонъ и адресъ свой бросилъ, поднялъ онъ клочекъ бумаги, упавшій съ его колѣнъ на дно экипажа... Туда-же: секундантовъ!..

— Да вы не сердитесь, Иванъ Артамонычъ... Это шутъ гороховый какой-то... уговаривалъ жениха Емельянъ Васильевичъ.

— Позвольте, да какъ-же не сердиться-то! Мальчишка—и вдругъ смѣетъ меня ставить съ собой на одну доску! Секундантовъ! Къ чиновнику, находящемуся на государственной службѣ—секундантовъ! Шелопай къ человѣку въ штабъ-офицерскомъ чинѣ—секундантовъ!

— А вы возьмите, да этихъ секундантовъ-то и отправьте въ участокъ.

— Замараешь себя. Вѣдь надо объяснить въ участкѣ, почему ихъ отправилъ туда. Съ нихъ снимутъ допросъ.... Скандалъ... Дойдетъ до начальства. Ахъ, ты Господи! Вотъ не было-то печали, такъ черти накачали!

Въ волненіи Иванъ Артамонычъ даже вышелъ изъ экипажа.

— Да не пришлетъ онъ секундантовъ. Будетъ, что и поговорилъ, сказала Анна Федоровна.

— Самое лучшее дѣло—ѣхать къ его начальству. Пусть его изъ гимназіи выгонятъ.

— Да онъ ужъ, кажется, въ гимназіи не находится, замѣтила Наденька.

— Молчи! Не выгораживай! крикнула на нее мать, но тутъ же спохватилась, что она выдаетъ дочь передъ Иваномъ Артамонычемъ и мягко прибавила:—Какъ это ты, Наденька, говоришь, чего не знаешь.

— Конечно, я навѣрное не знаю, но я слышала, какъ онъ говорилъ кому-то, что онъ бросаетъ учиться и поступаетъ въ актеры.

— Въ мазурики ему настоящая дорога, проговорилъ Иванъ Артамонычъ и прибавилъ:—Ахъ какъ онъ меня взбѣсилъ, этотъ мальчишка!

— Да полноте, не обращайте вниманія, плюньте. А мы вотъ завтра пошлемъ письмо къ его матери, сказалъ Емельянъ Васильичъ.—Его мать препочтенная женщина и она навѣрное приметъ мѣры, чтобы обуздать его.

— Что ты говоришь, Емельянъ Васильичъ! Какъ можетъ слабая женщина обуздать такого сорванца, возразила мужу Анна Федоровна.—Ужъ ежели онъ въ чужомъ домѣ почтенному человѣку надѣлалъ дерзости, то побоится-ли онъ матери! Конечно-же, ежели онъ пришлетъ къ Ивану Артамонычу какихъ-нибудь мальчишекъ отъ себя, то прямо призвать дворника и отправить ихъ съ нимъ въ участокъ.

— Скандалъ... Скандалъ... Нѣтъ, я на это не пойду. Замараешь себя, отрицательно покачалъ головой Иванъ Артамонычъ.

— Ну, такъ по-просту надерите имъ уши, да и выгоните вонъ. Останетесь правы. И жаловаться не посмѣютъ. Какое право имѣютъ мальчишки врываться въ чужой домъ! сказалъ Емельянъ Васильичъ.

— Такъ я и сдѣлаю, рѣшилъ Иванъ Артамонычъ и сталъ опять садиться въ экипажъ.

— Постойте, Иванъ Артамонычъ, остановилъ его отецъ Наденьки. Зайдемте ужъ къ намъ на балконъ и выпьемте еще по рюмкѣ коньяку, благо ужъ вы вышли изъ экипажа. Съ переполоха, право, надо выпить.

— Да что-жъ все пить? Отъ этого легче не будетъ, отвѣчалъ Иванъ Артамонычъ, однако отправился на балконъ и выпилъ рюмку коньяку.

На балконѣ Иванъ Артамонычъ пробылъ минутъ съ десять. Разговоръ вертѣлся на юношѣ и всѣ все еще ужасались на его поведеніе, а Наденька сплетничала на него.

— Онъ ужасный человѣкъ, говорила она.—Онъ у насъ въ спектаклѣ съ суфлеромъ подрался, за то,

что тотъ ему плохо подсказывалъ. Потомъ плотнику далъ плюху, Матренѣ Ивановнѣ наговорилъ дерзостей, а у ея мужа шляпу изорвалъ.

Вскорѣ Иванъ Артамонычъ уѣхалъ.

Послѣ отъѣзда жениха мать залучила Наденьку въ комнаты и накинулась на нее.

— Что ты надѣла, дрянная дѣвченка? Кого ты приводила въ нашъ домъ! кричала она. — Отецъ-то смиренъ, а то взялъ-бы за косу да изъ угла въ уголъ.

Наденька заплакала.

— Да развѣ я приводила? Виновата-ли я, что онъ въ меня влюбился.

— Влюбился! Безъ повода не влюбится. Значитъ ты сама подала поводъ. Тварь!

— А все эти спектакли! кричалъ отецъ.—Сколько разъ я тебѣ, Анна Федоровна, говорилъ, что ей нужно хвостъ пришпилить, а ты не понимала. Ты сама потатчица. Любительскіе спектакли—это ядъ, это самый злостный вредъ. Правду гдѣ-то въ газетахъ писали,что всѣхъ любителей надо персидскимъ порошкомъ изводить.

— Пожалуйста не острите. Глупо...—огрызнулась Наденька..

— Молчи! Какъ ты смѣешь отцу такія слова говорить!—оборвала ее мать.—Дерзкая дѣвченка! Отъ мальчишки своего научилась?

— А чѣмъ онъ мой-то? Вы прежде еще докажите.

— Ни слова больше! Другая-бы сократилась послѣ такого скандала, сдѣлалась тише воды, ниже травы, а она еще смѣетъ разговаривать!—продолжала Анна

Федоровна.—Мать хлопочетъ, заманиваетъ богатаго жениха, устраиваетъ дѣло какъ нельзя лучше, все идетъ благополучно, а она, наткось, мальчишку вздумала приводить въ домъ! И что теперь этотъ Иванъ Артамонычъ будетъ думать дома!

— Да ничего. Прежде всего, онъ трусъ, этотъ Иванъ Артамонычъ. Стоитъ давеча и трясется, какъ въ лихорадкѣ, что его на дуэль вызовутъ.

— Трусъ... Онъ лицо уважаемое, онъ за свое доброе имя боится, боится огласки. Вотъ надумается онъ дома, раскуситъ въ чемъ суть, плюнетъ на тебя, не пріѣдетъ больше къ намъ, пришлетъ отказъ, тогда ты и будешь знать.

— И тѣмъ лучше, ежели пришлетъ отказъ. Только перекрещусь, что судьба избавляетъ меня отъ выхода замужъ за старика, даже молебенъ отслужу.

— Нѣтъ, ужъ ежели онъ откажется, то я тебѣ этого не прощу. Я тебя до синяковъ изобью, всю косу у тебя вырву! — неистовствовала Анна Федоровна.

— Да чего вы горячитесь-то? Вѣдь ужъ полторы тысячи взяли,—отвѣчала дочь.

— Емельянъ Васильичъ! Слышишь? Слышишь, что дочь-то говоритъ?

— Ахъ, матушка! слышу, но что-жъ я могу подѣлать!—махнулъ рукой отецъ.

— А не можете ничего подѣлать, такъ вы тряпка, старая тряпка.

— Да вѣдь и ты ничего не можешь подѣлать.

— Я завтра подѣлаю, я подѣлаю тогда, когда

завтра Иванъ Артамонычъ не явится къ намъ. Ужъ и натѣшусь-же я надъ тобой тогда, Надюшка!

— Не бойтесь, явится, ежели браслетъ брилліантовый подарилъ и полторы тысячи на приданое далъ, откликнулась дочь.

— За деньгами да за браслетомъ можно и прислать, ежели человѣкъ передумаетъ жениться.

— Такъ я и отдала браслетъ! Вы тамъ какъ хотите, можете полторы тысячи и отдать, а ужъ я свой браслетъ не отдамъ. Даренное не отдаютъ... Что съ возу упало, то и пропало.

— Емельянъ Васильичъ, слышишь? И это говоритъ наше дѣтище!

— Надежда! Пошла въ свою комнату! Маршъ! закричалъ на дочь отецъ и жестомъ указалъ на дверь, но этотъ жестъ былъ до того комиченъ, что Наденька только разсмѣялась, уходя изъ комнаты.

— Какой вы, посмотрю я на васъ, комикъ, папаша! пробормотала она, исчезая за дверью.

Оставшіеся вдвоемъ отецъ и мать долго еще перегуивались между собой.

XV.

Въ ГЛУБОКОМЪ раздумьѣ вернулся Иванъ Артамонычъ домой. Скандалъ, устроенный гимназистомъ, не давалъ ему покоя. Даже ѣдучи по дорогѣ съ дачи, онъ то и дѣло посматривалъ по сторонамъ, не выскочилъ-бы гимназистъ опять гдѣ-нибудь изъ кустовъ, не об-

ругалъ бы его, не кинулъ-бы камнемъ. Опасался онъ и выстрѣла изъ револьвера.

«Песъ его знаетъ! Отъ него станется. Мальчишка ножевой. Ему нечего терять. Онъ вонъ, говорятъ, и учиться уже бросилъ, оставилъ гимназію. А мнѣ скандалъ, большая можетъ быть непріятность, даже и тогда ежели онъ не попадетъ, ежели просто будетъ стрѣлять на воздухъ, мелькало у Ивана Артамоныча въ головѣ. «Да... непріятность... Попадешь въ хронику происшествій... Газеты огласятъ. Начальство... Можетъ дойти тогда до того, что хоть выходи въ отставку»...

Успокоился онъ насчетъ камня или выстрѣла только тогда, когда выѣхалъ изъ дачной мѣстности и пошли городскія улицы съ большими каменными домами. Но дома снова полѣзли въ голову Ивана Артамоныча опасенія насчетъ присылки къ нему гимназистомъ—секундантовъ.

«Хорошо, ежели домой пришлетъ—сейчасъ позову дворника и начну гнать. Справимся и сами... А пришлетъ по мѣсту служенія, тогда ужъ совсѣмъ осрамитъ. Тогда ужъ не утаишь. Выдетъ огласка. Положимъ, что онъ мальчишка, и все это очень смѣшно, если здраво посмотрѣть на вещи, но какъ взглянетъ начальство, когда до него дойдетъ о скандалѣ? Да не дойдетъ, такъ и непріятно быть посмѣшищемъ среди товарищей. А смѣяться будутъ—и сдѣлаюсь я притчей во языцѣхъ».

Дабы развлечься какъ-нибудь, Иванъ Артамонычъ попробовалъ читать, но ему не читалось. Онъ бросилъ книгу и принялся раскладывать гранъ-

пасьянсъ, но и гранъ-пасьянсъ не раскладывался. Взялъ онъ лежавшее на письменномъ столѣ «дѣло» въ синей обложкѣ, сталъ его просматривать, но даже смысла не могъ уловить. Фигура дерзкаго гимназиста такъ и стояла передъ нимъ. Иванъ Артамонычъ отложилъ бумаги.

«Ничего вѣдь еще не извѣстно, думалось ему,—можетъ быть, этотъ гимназистъ и самой Надеждѣ Емельяновнѣ нравится. Она, на сколько мнѣ помнится, вовсе не возмущалась его поступкомъ и два-три раза въ разговорѣ какъ будто выгораживала его. Дѣвичья душа—потемки. Вѣдь не можетъ-же гимназистъ ни съ того ни съ сего до такого сумашествія влюбиться въ нее, ежели она сама не подавала ему повода! Да, да! воскликнулъ онъ мысленно, вскакивая со стула и въ волненіи заходивъ по комнатѣ.—Она даже расхваливала его, называла лучшимъ мазуристомъ, считала его въ средѣ гостей на свадьбѣ... Ахъ, чортъ возьми! Что какъ она сама влюблена въ него?»

Онъ сталъ припоминать фигуру гимназиста—и нашелъ, что онъ вовсе не красивъ.

«Во что, впрочемъ. влюбиться-то! опять разсуждалъ онъ, Мужиковатыя манеры, прыщи на щекахъ, ростъ небольшой, изъ себя тощій. Одно только развѣ—волосы хороши да глаза... Волосы дѣйствительно густые и роскошные, а глаза только-что блестящіе, но на самомъ дѣлѣ разбойничьи.

Онъ взглянулъ на себя въ зеркало и мысленно сказалъ:

«Ужъ я куда виднѣе и статнѣе его. Вотъ развѣ

только года мои... Молоденькихъ эти дѣвочки любятъ, хотя, поразмыслить, такъ чорта-ли въ такомъ молоденькомъ!»

Сдѣлавъ еще нѣсколько шаговъ онъ рѣшилъ:

«Впрочемъ, иногда и сатана понравится лучше яснаго сокола. О вкусахъ не спорятъ. Но надо разузнать, надо разузнать, твердилъ онъ.—Поѣду завтра къ ней на дачу и буду внимательно слѣдить за ней».

Дабы какъ-нибудь отогнать докучливыя мысли, Иванъ Артамонычъ прошелъ въ столовую, отворилъ буфетный шкапъ, и стоя выпилъ двѣ рюмки коньяку, закусивъ вареньемъ изъ баночки. Коньякъ нѣсколько успокоилъ его.

«Дѣло-то выѣденнаго яйца не стоитъ, а я тревожусь», успокоивалъ себя Иванъ Артамонычъ, ложась спать.

Ночью, однако, ему снился гимназистъ.

Утромъ, возставъ отъ сна въ обычную пору, Иванъ Артамонычъ опять началъ опасаться гимназиста. Сидя за утреннимъ чаемъ, онъ сказалъ пожилой горничной, служившей у него:

— Марья! Ежели кто-нибудь будетъ спрашивать меня изъ незнакомыхъ, скажи, что меня дома нѣтъ, что я уѣхалъ на службу.

Часовъ въ десять раздался у парадной двери звонокъ. Иванъ Артамонычъ вздрогнулъ и вскочилъ изъ-за стола.

— Слышишь, Марья, не принимать незнакомыхъ! Даже вовсе не впускать! подтвердилъ онъ свое приказаніе, приперъ дверь въ прихожую и въ щелочку

сталъ наблюдать, какъ горничная отворяетъ наружную дверь.

Тревога была напрасная. Звонился почтальонъ, принесшій газеты.

«Сквернѣе будетъ, если эти проклятые посланцы придутъ ко мнѣ на службу и будутъ вызывать меня черезъ курьера», разсуждалъ Иванъ Артамонычъ, но тутъ-же успокоилъ себя, рѣшивъ: «Не выду къ нимъ, скажу курьеру, чтобы сказалъ имъ, что я занятъ— ни за что не выду. Съ чѣмъ пришли, съ тѣмъ и уйдутъ».

Напившись кофе, Иванъ Артамонычъ принялся-было чистить своихъ канареекъ (канареекъ у него было нѣсколько и чистилъ онъ въ большинствѣ случаевъ ихъ самъ), но тотчасъ-же бросилъ и велѣлъ вычистить канареечныя клѣтки горничной. Тревожное состояніе духа все еще не оставляло его.

«Подлецъ! Мальчишка! Смотри-ка, какъ обезпокоилъ солиднаго человѣка»! выругался онъ мысленно.

Въ одиннадцать часовъ пришлось идти на службу. Иванъ Артамонычъ одѣлся, вышелъ черезъ подъѣздъ на улицу и сталъ озираться по сторонамъ, не караулитъ-ли его гимназистъ. Гимназиста, однако, не было. Иванъ Артамонычъ, все еще озираясь, быстро дошелъ до извощика, вскочилъ въ дрожки, не торговавшись, и поѣхалъ. У подъѣзда канцеляріи та-же исторія.

— Шажкомъ, шажкомъ тутъ! здѣсь мостовая плохая, сказалъ онъ извощику, и, подъѣзжая къ подъѣзду, сталъ разсматривать, не стоитъ-ли у подъѣзда гимназистъ или—какіе-нибудь подозрительные

мальчишки, долженствовавшіе изображать секундантовъ.

У подъѣзда тоже ничего подозрительнаго Иванъ Артамонычъ не замѣтилъ.

— Никто меня сегодня не спрашивалъ? задалъ онъ вопросъ, снимая пальто у швейцара.

— Никто, ваше высокоблагородіе.

— Такъ ты вотъ что, Иванъ... Ты, даже ежели и спрашивать будутъ, говори всѣмъ, что меня сегодня нѣтъ на службѣ! У меня спѣшныя дѣла, мнѣ хочется получше позаняться, такъ чтобы никто не мѣшалъ, отдалъ онъ приказъ швейцару.

Такое приказаніе успокоило Ивана Артамоныча.

«Какъ они теперь влѣзутъ, зачѣмъ, ежели имъ скажутъ, что меня на службѣ нѣтъ»? разсуждалъ онъ, проходя по комнатамъ канцеляріи и усаживаясь къ своему столу.

На службѣ его дѣйствительно никто не потревожилъ. Уходя со службы, онъ опять спросилъ въ швейцарской—не спрашивалъ-ли его кто-нибудь въ теченіи дня.

— Никто не спрашивалъ, ваше высокоблагородіе, отвѣчалъ швейцаръ.

Изъ подъѣзда канцеляріи Иванъ Артамонычъ все-таки вышелъ съ предосторожностями, вышелъ одинъ, выждавъ пока прошли другіе чиновники и внимательно посмотрѣвъ по сторонамъ, потомъ сѣлъ на извощика и поѣхалъ домой. Дома у подъѣзда опять та-же исторія, тоже озираніе по сторонамъ.

— Никто меня въ мое отсутствіе не спраши-

валъ? спросилъ Иванъ Артамонычъ отворившую ему дверь горничную.

— Никто, Иванъ Артамонычъ, отвѣчала она.

— Такъ вотъ, ежели и теперь будутъ спрашивать меня незнакомые—всѣмъ говори, что меня дома нѣтъ. Да ежели и по черному ходу черезъ кухню придутъ—тоже дома нѣтъ. Такъ и кухаркѣ скажи.

На письменномъ столѣ у себя Иванъ Артамонычъ нашелъ письмо, полученное по городской почтѣ. Почеркъ руки на конвертѣ былъ ему не знакомъ.

XVI.

ИВАНЪ Артамонычъ быстро разорвалъ конвертъ и вынулъ оттуда письмо. На четверткѣ простой писчей бумаги, очевидно вырванной изъ учебной тетради и сложенной пополамъ, было написано мелкимъ почеркомъ слѣдующее:

«Я отдумалъ посылать къ вамъ секундантовъ, ибо вообще выходить на дуэль глупо. Убьете вы меня—я буду мертвый, убью я васъ—я все-равно не могу жениться на Наденькѣ, потому что меня посадятъ въ тюрьму, а потомъ сошлютъ. А между тѣмъ я влюбленъ въ Наденьку до безумія и она во что-бы то ни стало должна быть моей. Она также любитъ меня, на что я имѣю доказательства — ея письма, которыя при семъ прилагаю. Думаю, что, прочтя ихъ, вы, какъ благоразумный человѣкъ, и сами откаже-

тесь отъ Наденьки. Къ чему губить чужой вѣкъ и заѣдать дѣвичью молодость! Да и не можете вы быть съ ней счастливы, ибо она никогда не будетъ любить васъ. Неужели вы такъ слѣпы, что не видите, что она потому только дала вамъ слово выдти за васъ замужъ, что такъ ея родители хотятъ! И такъ подумайте и сообразите.

Извѣстный вамъ Петръ»...

Фамилія гимназиста не была подписана.

Руки Ивана Артамоныча тряслись, губы дрожали. Онъ развернулъ листъ письма гимназиста. Оттуда выпали двѣ крошечныя цвѣтныя бумажки— одна розовая, другая зеленая, еще того мельче исписанныя, чѣмъ письмо гимназиста. Дабы прочесть ихъ, Иванъ Артамонычъ прищурился и подошелъ къ окну. На розовой бумажкѣ стояло:

«Милый Петръ Аполлонычъ! Въ отвѣтъ на ваши слова, сказанныя вчера во время репетиціи за кулисами, отвѣчаю и вамъ тѣмъ-же: да, я люблю васъ. Приходите вечеромъ, а я буду сидѣть за калиткой на скамейкѣ. Ваша Надя».

Зеленая бумажка гласила:

«Милый и добрый Петръ Аполлонычъ! Товарищъ вашъ Гулючкинъ сказывалъ, что вы сегодня сбираетесь ѣхать въ челнокѣ на взморье ловить рыбу. Бога ради, не ѣздите въ такой вѣтеръ. Пожалѣйте вашу Надю, которая будетъ терзаться изъ-за васъ. А лучше приходите вмѣстѣ съ Гулючкинымъ къ намъ къ калиткѣ и вызовите меня черезъ горничную Феню. У меня гоститъ Маничка и мы четверо пойдемъ въ лѣсъ за грибами. Ваша Надя».

Прочитавъ письма Наденьки, Иванъ Артамонычъ тяжело вздохнулъ и отдулся, потомъ прошелся по комнатѣ, сѣлъ въ кресло и задумался.

«Дѣвичья шалость тутъ, но все-таки это доказываетъ, что Надежда Емельяновна коварная, двуличная дѣвушка», сказалъ онъ самъ себѣ мысленно. «Да, двуличная и вертячка. Безъ огня дыма не бываетъ. Гимназистъ хоть и мерзавецъ, а все-таки имѣлъ поводъ придти вчера и озорничать. Сама она ему этотъ поводъ подала. Выпилъ онъ рюмку, выпилъ другую, ревность заговорила — вотъ онъ и пришелъ дерзничать. Однако, какъ тутъ мнѣ то быть»? задалъ себѣ вопросъ Иванъ Артамонычъ и сталъ ходить въ раздумьѣ по комнатѣ.

Въ комнату заглянула горничная и доложила, что супъ поданъ. Иванъ Артамонычъ пошелъ въ столовую, сѣлъ за столъ, выпилъ рюмку водки, хлебнулъ нѣсколько ложекъ супу и положилъ ложку. Аппетитъ пропалъ.

— Добра не будетъ отъ этой женитьбы, не будетъ... сказалъ онъ вслухъ.

Горничная подала битки въ сметанѣ. Иванъ Артамонычъ выпилъ еще рюмку водки, поковырялъ вилкой битокъ и крикнулъ:

— Убирайте со стола!

Послѣ обѣда онъ снялъ съ себя пиджакъ, по обыкновенію, легъ въ кабинетѣ на диванъ, хотѣлъ заснуть, но сонъ бѣжалъ его очей. Иванъ Артамонычъ лежалъ, кряхтѣлъ и думалъ, думалъ и кряхтѣлъ. Черезъ четверть часа явилась горничная и спросила:

— Не спите? Кучеръ спрашиваетъ: запрягать ему или не запрягать? Вы еще съ вечера говорили ему, что поѣдете на дачу.

— Никуда я сегодня не поѣду.

Иванъ Артамонычъ всталъ, подошелъ къ канарейкамъ, но канарейки его не радовали.

«Эхъ! И чего только замѣшался этотъ гимназистъ! вздохнулъ онъ.—Положимъ, что тутъ со стороны Наденьки ничего серьезнаго нѣтъ. Дѣвичья вспышка къ своему сверстнику... Какъ полюбила, такъ и разлюбитъ, но гимназистъ-то нахалъ. Вѣдь онъ покою не дастъ. Вѣдь не могу-же я, женившись, цѣлые дни сидѣть около Наденьки. Ну, и будетъ такъ, что я на службѣ, а онъ при ней... Гнать вонъ? Не велѣть принимать? Но вѣдь она двуличная, хитрая, коварная, она найдетъ средство съ нимъ видѣться. Отчего она, спрашивается, не сказала мнѣ вчера, что вотъ такъ и такъ, что у ней былъ романъ съ этимъ проклятымъ Петькой? Отчего не призналась? Видя ея откровенность, раскаяніе, я и не придалъ-бы этому серьезнаго значенія, ежели-бы она пообѣщалась забыть этого скота. Но нѣтъ, она и выходя за меня замужъ, въ знакомые его прочитъ, указываетъ, что на свадьбу пригласитъ. «Онъ, говоритъ, хорошій танцоръ, хорошій мазуристъ». Не мазуристъ онъ, а мазурикъ»!

Иванъ Артамонычъ присѣлъ къ письменному столу, взялъ листокъ почтовой бумаги и приготовился писать.

«А вѣдь какъ хороша-то»! мелькнуло у него въ головѣ про Наденьку и передъ нимъ встала она въ

роемъ пестромъ малороссійскомъ костюмѣ, съ блестящими глазками, съ двумя толстыми косами, висящими по спинѣ—и онъ отложилъ бумагу въ сторону, но черезъ минуту опять придвинулъ ее къ себѣ.

«Нѣтъ, тутъ и думать нечего... Я ищу домашняго спокойствія, семейнаго счастія, а съ Наденькой ничего этого не будетъ». Надо отказаться, проговорилъ онъ мысленно и принялся писать.

Черезъ нѣсколько времени, письмо было готово. Оно гласило слѣдующее:

«Милостивый государь Емельянъ Васильичъ! Очень мнѣ совѣстно писать вамъ отказъ, но, по здравомъ обсужденіи, я принужденъ отказаться отъ вашей дочери Надежды Емельяновны, ибо счастія и семейнаго спокойствія здѣсь не можетъ быть. Во-первыхъ, старъ я для нея, а во-вторыхъ, какъ я вижу, ваша дочь не чувствуетъ ко мнѣ не только любви, но даже и расположенія. Въ доказательство прилагаю ея письма къ мерзавцу-гимназисту, который самъ-же мнѣ ихъ и переслалъ. Я сдѣлалъ вашей дочери подарокъ въ видѣ брилліантоваго браслета, но подарковъ назадъ не берутъ, а потому пусть онъ и останется ей подаркомъ, ежели она не захочетъ мнѣ его возвратить. Что-же касается до полутора-тысячъ рублей, которыя я далъ уважаемой вашей супругѣ на приданое для Надежды Емельяновны, то деньги эти прошу васъ мнѣ возвратить, а ежели онѣ уже истрачены, то выдать на оную сумму законный вексель. Затѣмъ желаю счастія вашей дочери, благодарю за гостепріимство и остаюсь искренно преданный...»

Иванъ Артамонычъ подписалъ письмо, прочиталъ его и быстро заклеилъ въ конвертъ, бормоча себѣ подъ носъ:

— Такъ надо сдѣлать, такъ, иначе ничего не придумаешь.

Надписавъ конвертъ, онъ позвалъ кучера и послалъ съ нимъ письмо на дачу къ Емельяну Васильевичу.

— Фу! Какъ гора съ плечъ!... проговорилъ онъ тяжело вздохнувъ послѣ ухода кучера, что-то тяжелое отвалилось у него отъ сердца и на душѣ его сдѣлалось веселѣе. Онъ даже сталъ трубить на губахъ какой-то маршъ, съ большимъ аппетитомъ напился чаю и съѣлъ оставшійся отъ обѣда битокъ.

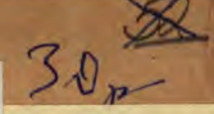
Часовъ около одиннадцати вечера вернулся кучеръ и принесъ конвертикъ, надписанный женской рукой. Въ конвертикѣ письма не было, но была простая росписка на полторы тысячи рублей, подписанная Анной Федоровной.

Иванъ Артамонычъ взялъ росписку, повертѣлъ ее и улыбнулся.

«Мужъ-то, небось, обязательства не выдалъ. Знаетъ, что въ случаѣ неуплаты я могу приступить къ его жалованью, а выдала жена, да и не вексель, а росписку, по которой, ежели мужъ не захочетъ уплачивать, ни гроша не получишь», подумалъ онъ и прибавилъ вслухъ:

— Впрочемъ, слава Богу, что я не зарвался и во-время спохватился!

DATE DUE

